

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УО «Минский государственный лингвистический университет»

ЯЗЫК И ДИНАМИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

Материалы Международной научной конференции

Минск, 7–8 апреля 2017 г.

Минск 2018

УДК 81'1
ББК 81
Я41

Рекомендованы Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 1/48 от 04.01.2018 г.

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор В. Д. Стариченок (БГПУ); кандидат филологических наук, доцент А. В. Чуханова (БГПУ)

Редакционная коллегия: О. А. Полетаева (*ответственный редактор*), А. М. Горлатов, А. А. Романовская, В. Т. Иватович-Бабич

Язык и динамическая картина мира : материалы Междунар. Я41 науч. конф., Минск, 7–8 апр. 2017 г. / редкол. : О. А. Полетаева (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2018. – 172 с.

ISBN 987-985-460-867-9.

В издании представлены материалы, отражающие актуальные проблемы современной лингвистики: проблемы и перспективы языковой непрерывности; языковая и концептуальная картина мира; наивная картина мира, отраженная во фразеологии и паремиологии; национальные концепты, прототипы, стереотипы; национально-культурный компонент в кодифицированном языке; концептуализация в разных типах текста; преподавание иностранных языков в аспекте межкультурной коммуникации.

Предназначается для научных работников и аспирантов.

УДК 81'1
ББК 81

ISBN 987-985-460-867-9

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленное вниманию читателей издание содержит материалы докладов представителей Беларуси, Китая, Польши, России, США, прочитанных участниками круглого стола «Языковая непрерывность: проблемы и перспективы» и трех секционных заседаний в рамках Международной научной конференции «Язык и динамическая картина мира» (Минск, 7–8 апреля 2017 г.). Исследования касаются ряда актуальных проблем современной лингвистики. Многие из них выполнены в русле когнитивной лингвистики – одной из наиболее перспективных научных парадигм. Объектами внимания участников явились языковая и концептуальная картина мира; наивная модель мира, отраженная во фразеологии и паремиологии; национально-культурный компонент в аспекте лингвокультурологии; идеи языковой непрерывности в работах известного белорусского лингвиста С. М. Прохоровой, а также важные вопросы методики преподавания языков в аспекте межкультурной коммуникации.

Оргкомитет благодарит авторов за предложенные темы и материалы, сотрудников кафедры славянских языков Л. В. Баландину, А. В. Верниковскую, О. Н. Жизневскую, В. Т. Иватович-Бабич, И. С. Каминскую, Ю. А. Подберезскую, О. А. Полетаеву, А. А. Романовскую, И. Г. Урбанович, Е. А. Божкову – за участие в подготовке материалов конференции к изданию.

Особую признательность члены оргкомитета выражают ректору МГЛУ Наталье Петровне Барановой за поддержку и помощь в организации конференции.

Круглый стол

ЯЗЫКОВАЯ НЕПРЕРЫВНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

И. А. Королёва (Россия, Смоленск)

ИДЕЯ ЯЗЫКОВОЙ НЕПРЕРЫВНОСТИ В РАБОТАХ ПРОФЕССОРА С. М. ПРОХОРОВОЙ

В настоящей статье мы хотели бы обратить внимание на исследования одного из крупных славистов Беларуси, хорошо известного в России и особенно на Смоленщине ученого, доктора филологических наук профессора Светланы Михайловны Прохоровой, которая много лет трудилась в Белорусском государственном университете.

Сразу же подчеркнем, что многие концептуальные труды С. М. Прохоровой основаны на использовании материалов говоров Смоленской области. Область ее изучения – синтаксический уровень языка. Еще в 1970 г. она защитила в Минске кандидатскую диссертацию «Синтаксис глагольных словосочетаний переходных русско-белорусских говоров Смоленщины» [1]. Позднее сфера синтаксических конструкций, исследованных ученым, расширяется, и она обращается к изучению сложного предложения в говорах Смоленского края [2]. Например, такая обобщающая работа, как «Синтаксическое поле объекта в говорах Смоленщины» [3], в которой выводятся общие тенденции в формировании вертикального синтаксического поля объекта на уровне простого и сложного предложений.

В 2015 г. в Смоленске вышла в свет коллективная монография «Смоленские говоры» объемом 24 печ.л. [4]; эта книга еще не известна в Беларуси. В ней представлено несколько разделов: «Из истории изучения Смоленщины и смоленских говоров», «Фонетические особенности смоленских говоров», «Лексическая система смоленских говоров», «Словообразование в смоленских говорах», «Морфологическая система смоленских говоров», «Некоторые особенности синтаксиса в смоленских говорах», «Лексикографическое описание смоленских говоров», «Лингвистическое краеведение», «Словарь смоленских говоров и современные проблемы изучения диалектной картины мира». Как видим, дано комплексное разноплановое описание говоров Смоленщины, проведенное коллективом ученых, в составе которых – Светлана Михайловна Прохорова. Именно ее как ведущего специалиста по изучению синтаксических конструкций смоленских говоров пригласили участвовать в создании упомянутого обобщающего лингвистического труда.

Проанализируем исследование С. М. Прохоровой сложных предложений, бытующих в современных смоленских говорах в свете идеи языковой непрерывности.

Материалом для наблюдений ученого послужили тексты записанных ею сказок и «бытовые» диалектные тексты, собранные в течение ряда лет

в Смоленской области. «Бытовые» тексты – особый вид речевой деятельности, отличающийся определенным набором признаков: непринужденностью, необработанностью, спонтанностью, нерассчитанностью на фиксацию, разнообразием перебивов в текстах [4, с. 287].

Записанные тексты С. М. Прохорова сопоставляла с текстами, на основе которых исследовалась русская разговорная речь (РР) в 60–70 гг. XX в. При сопоставлении ученый делает свои наблюдения и выводы об особенностях сложных предложений в смоленских говорах.

В записанных С. М. Прохоровой «бытовых» текстах очень много бессоюзных сложных предложений, модели которых практически полностью совпадают с моделями, представленными в РР. Вывод: именно на уровне бессоюзного сложного предложения имеется связующее звено между литературным и диалектным синтаксисом сложного предложения [4, с. 288].

На втором месте в диалектном тексте находятся сочинительные конструкции сложных предложений; это подтверждает мысль о том, что славянские и балтийские языки являются языками с тенденцией к сочинению. Автор отмечает особые союзы, общие с белорусским языком: *ды, ды (но), и, ти...ти (то...то), только*, которые используются для выражения присоединительных, противительных связей и отношений, выражающих неожиданную смену ситуаций. С. М. Прохорова делает вывод, что смоленские говоры на уровне сложносочиненного предложения сложились как переходные русско-белорусские [4, с. 289].

Особое место в системе синтаксических конструкций занимает сложноподчиненное предложение. Особенностью диалектного текста является то, что сложноподчиненное предложение является основным средством компрессии информации, увеличения глубины текста [4, с. 290].

Подробно С. М. Прохорова рассматривает выражение различных отношений в сложноподчиненных конструкциях: временных, причинных, условных, пространственных и т.д. Подтверждается мысль о наличии универсальных средств синтаксической связи в трех восточнославянских языках.

Ученый рассматривает используемые на Смоленщине средства связи – союзы и союзные слова – в составе различных полей, в основном полицентричных, семантически сложных, формирование которых имеет давнюю историю: *каб, кали, як, када, иде, куды* и др. Основное внимание закономерно уделяется описанию средств связи, функционирующих в поле объекта. Далее рассматриваются переходные объектно-обстоятельственные поля. Делается серьезный экскурс в историю формирования средств связи, общих для смоленских говоров и белорусского языка (например, отмечается взаимозамена союзов *каб/чтоб*: *Я прасила сына, кап пришоў*; взаимозамена союзов *ти/чтоб*: *Систра запытала, ти паедить ён у Смаленск* и др.). В полицентричном поле объекта вполне закономерно функционирует почти половина засвидетельствованных в говорах средств связи (союзов и союзных слов) [4, с. 295]. В их описании и анализе приведено очень много живых диалектных иллюстраций, что позволяет говорить о достоверности выводов и наблюдений.

Также подробно рассматривает автор и обстоятельственные поля, которые в сложном предложении являются как бы логическим продолжением поля объекта. Больше всего союзных средств имеют полицентричные поля времени и условия, которые в смоленских говорах часто пересекаются. Представлены убедительные доказательства общности многих средств связи с белорусскими (союз *коли (калі)*, широко известный как основной временной союз на белорусской территории, имеет место и на Смоленщине; *пакуль (пакулья)* и др.).

Рассмотрены С. М. Прохоровой также поля места, причины, цели и уступительности. Последнее описано как наиболее замкнутое, имеющее только одно союзное средство и один центр (поля причины и цели замкнуты относительно) [4, с. 305].

Автор обращает особое внимание на тот факт, что различные синтаксические поля (в зависимости от семантики) по-разному характеризуются с точки зрения замкнутости / незамкнутости, тем самым различным образом реализуя такое свойство языковой системы, как прерывность / непрерывность. Все поля как бы располагаются по оси замкнутость / незамкнутость: самое замкнутое – поле уступительности, самые незамкнутые – поля объекта и определения. В говорах Смоленщины на уровне сложноподчиненного предложения могут выражаться очень тонкие оттенки значений, разного рода отношения, причем все это происходит при не слишком большом количестве союзных средств. Именно пересечение полей способствует тому, что одно и то же средство может функционировать в составе нескольких полей.

Исследователь делает закономерный вывод, что сложноподчиненное предложение, как и сложносочиненное, сформировалось в говорах Смоленщины по переходному русско-белорусскому типу, причем в одних полях преобладают русские средства связи, в других – белорусские (соотношение 1:1) [4, с. 306].

Смоленские исследователи благодарят Светлану Михайловну Прохорову за неоценимый вклад в исследование диалектной системы Смоленщины и чтят ее память.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прохорова, С. М. Синтаксис глагольных словосочетаний переходных русско-белорусских говоров Смоленщины: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. М. Прохорова. – Минск : выд. БДУ імя У. І. Леніна, 1970.
2. Прохорова, С. М. Синтаксис сложного предложения в говорах Смоленщины / С. М. Прохорова // Еще раз о языковой непрерывности. – Минск: БГУ, 1999. – С. 88–112.
3. Прохорова, С. М. Синтаксическое поле объекта в говорах Смоленщины / С. М. Прохорова // Весн. БДУ імя У. І. Леніна. Сер. IV. – 1987. – № 1. С. 26–30.
4. Смоленские говоры: кол. монографія. – Смоленск : Свиток; СмолГУ, 2015.

А. М. Горлатов (Минск, Беларусь)

КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

В ходе перевода переводчик сближает две лингвистические системы, одна из которых эксплицитна и устойчива, другая потенциальна и адаптируема.

Несомненно, главной задачей переводчика является передача «духа» подлинника с параллельным корректным использованием системы языка перевода, т.е., как подчеркивал Ю. Найда, конечный текст должен быть понятным адресату и легко им восприниматься. Поскольку окружающий нас мир един, но его восприятие в конечном итоге индивидуально, переводчик должен отразить это индивидуализированное мироощущение, «пропустив» его через собственное сознание. С позиций теории языкознания такой процесс представляет собой, как подчеркивает Р. Штольце, «хаотичный и неконтролируемый акт».

Естественно, что переводчик нуждается для верного понимания исходного текста в определенной базе специальных и общекультурных знаний. Переводимый текст одновременно приводит к модификации уже имеющихся знаний и представлений переводчика, т.е. способствует обогащению его коммуникативного опыта. Но сам процесс перевода не ограничивается, конечно же, лишь пониманием, а ведет к формулированию функционально адекватного текста на языке перевода.

Переводческая ошибка – это любое невыполнение переводческого задания или, иначе, – отклонение от модели действия («фрустрация ожиданий получателя» – Keller). Применительно к условиям обучения переводчиков такой подход означает необходимость установления преподавателем такой степени сложности переводимого материала, чтобы было возможно повышать уровень знаний и переводческой компетенции.

Распространено определение ошибки и как «отклонения» от нормы, узуальности или системы правил употребления языка. Применительно к межъязыковой коммуникации нередко используется выражение «отклонение от избранной грамматической модели» (Presch, 1980). В качестве наиболее распространенных причин называются недостаточное знание языка или недостаточная степень знакомства с переводимым материалом.

На основе учета особой ответственности переводчика по отношению к тексту оригинала и к его получателям были разработаны переводческие категории. Именно ответственность мотивирует переводчика к критическому самоконтролю при выполнении определенных переводческих действий. Р. Штольце предложила разграничить переводческие категории на категории переводческого восприятия и категории переводческого действия (продукции переводчика).

Категории переводческого действия включают дополнительные факторы, подлежащие учету в целях реализации переводческого задания. Так, в рамках анализа лексики специального текста важно распознавание смешанных терминов, т.е. слов, способных иметь узкотерминологическое хождение. Особому

анализу подлежат иностранные слова в аспекте возможного сужения их значений в языке перевода в отличие от языка, из которого они были заимствованы. В изучении грамматических особенностей исходного текста следует различать нормированное или специфическое использование конкретных типов предложений и типов связи внутри предложений и словосочетаний (согласования, примыкания или управления); различия в использовании союзов и модальных частиц и др. При переводе конкретных типов текстов необходим тщательный учет их экспрессивной окраски, поскольку возможны существенные различия в пределах одного жанра: газетные объявления фирм, организаций и частных лиц и т.п. В этой связи особую значимость приобретают культурологические различия между языками, т.е. осознание потенциальной возможности проявления неизвестных элементов исходной культуры, наличие разных правил подачи заголовков, дат, разных форм обращения и т.п.; возможны различные коннотации при употреблении конкретных слов; различия в использовании стереотипных и клишеобразных выражений, сносок, таблиц и т.п.

А. А. Романовская (Минск, Беларусь)

УНИВЕРСАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ СМЫСЛОВ КУЛЬТУРЫ

Знания о мире лежат в основе индивидуального и общественного сознания и отображаются в системе национального языка, формируют национальную специфику и выявляют универсальность языковой картины мира. Через систему своих значений и их ассоциаций язык придает концептуальной модели мира национально-культурный колорит и отражает общие для большинства народов черты культуры.

Универсальным средством выражения смыслов культуры, ее идей и ценностей являются античные символы, представляющие ту важную часть языкового мира, в которой проявляются общечеловеческие универсальные темы. Античный символ – особый языковой знак, представляющий единство определенного мифологического содержания (означаемого), выявляемого посредством метафоры на основе мифа, и его иконического отражения в форме вербально выраженного означающего – наименования мифологической реалии. Благодаря языковой закреплённости в имплицитной семантике античных символов знания прошлого хранятся в социально-культурно-исторической памяти. Это поликультурные, межъязыковые для западноевропейской и восточноевропейской культуры знаки: в их содержании отражаются сходные для культур элементы. Являясь элементом кода культуры, символ вплетается в семиотическое пространство как коммуникативную форму существования общества, обеспечивая преемственность идей и ценностей через связь с мифологической древностью.

Возрождение античности как восстановление духовных потребностей, желание и необходимость вернуться к истокам – это требование времени, когда наблюдаемые в обществе тенденции свидетельствуют об изменениях в культуре, когда меняются духовные и этические ценности, идеалы и идеи, образы и смыслы.

Установление роли и места древних образцов в познании представляет важную исследовательскую задачу для понимания мира, умения жить в гармонии с ним, так как античность дает образцы, в виде которых осуществляется передача культурной традиции во времени.

Обращение к античности имеет свою историю и особенности, переживает периоды подъема и спада. В обращении к мифам в культуре наблюдается важная, характеризующая такое обращение, закономерность – это цикличность. Временем подлинного возрождения античности в русской литературе признается вторая половина XVII в., когда античность срастается с культурным движением, проникает в литературу и искусство. В обществе возрастает нужда в людях, сведущих в греческом и латинском языках, которые могли бы способствовать повышению уровня культуры. Среди приглашенных с этой целью в Москву воспитанников Киево-Могилянской коллегии (православного центра высшего гуманитарного и богословского образования) был и Симеон Полоцкий – выдающийся деятель белорусской и в целом славянской культуры.

Символика античного мира – это мостик, который обеспечивает не только связь с древностью, но и преемственность культур. Через символ как единицу метаязыка диалога культур одна из них становится понятной другой. Идея постигнуть европейские культуры через античность и другим народам дать понять русскую культуру является основополагающей в «Письмах русского путешественника».

Языковые единицы «Писем...», связанные с античностью, выступают свидетельствами возрастания интереса к древности в русской культуре XVIII в. Античность является тем особым метаязыком, который помогает Н. М. Карамзину описать чужую культуру, а европейцам понять Россию: *Филемон и Бавкида, Алфей и Аретуза, Цирцея, яйца Леды, смех Талии, Слезы Мельпомены, Елисейские поля, мрачный Тартар, страшный Ахеронт, черный Коцит и Стикс, Тантал, Орест, Язон, Телемак, Эвридика, Медея, Феникс, Сцилла и Харибда, нить Ариадны, Тезей, дети Аполлоновы, Феб, Купидон, Орфей, Плутоново царство, Харон, Улисс, нимфы Калипсины, судьба Семелеина* [1].

Будучи посланником русской культуры на Западе, Н. М. Карамзин стремится сделать культуру доступной и распространенной, приобщает русскую культуру к западноевропейской цивилизации. Он описывает западную культуру, представляя ее организованной в определенную структуру, сопоставляет свое и чужое, обращаясь к мифологическим элементам.

Время XIX–XX вв. В. Н. Топоров называет началом русского «аполлинизма», взлет которого отразился в возрастании интереса к античным сюжетам и образцам в оригинальных произведениях многих авторов этого

периода. С одной стороны, аполлинизм представляет собой некую совокупность идей, мотивов, сюжетов, образов, характеристик (языковых и изобразительных) Аполлона и аполлоновской мифологии. С другой – принцип наиболее совершенной организации, чувство меры, гармония, что объединяет постулаты логики, простоты и красоты; это «аполлоновские» жанры эстетически отмеченного художественного: искусство слова (литература и история), изобразительное искусство (пластика), искусство театра, музыка и пение как упорядочивающие мир начала [2, с. 7]. Такой подход к определению «аполлинизма» соотносится с представлением о ремифологизации как процессе воссоздания архаических корней, свойственных мифологическому сознанию, с целью установления ценностно-смысловых ориентиров человеческого бытия, углубления и обогащения представлений об окружающем мире и месте человека в нем.

Античный символ характеризуется коллективной памятью, которая формируется по прошествии значительного времени, возникая при отсутствии вещи прошлого, и передается посредством вербально выраженного знака из эпохи в эпоху. Выполняя роль связующей нити истории, оживляясь в искусстве, в художественном тексте, символы подчеркивают историческую преемственность мифа и современности. Актуализация мифологических образов и ассоциаций имеет место в разных условиях, где протекает культурное общение современного человека. В условиях картинной галереи, музея античность актуализируется с необычайной силой, создает смысловую парадигму, состоящую из важнейших семантических граней, прочтение которых необходимо для установления диалога культур, понимания текста культуры вообще и литературного текста, в частности.

Конкретные символы в художественных текстах XX–XXI вв. тяготеют именно к древнегреческому мифу. Этим фактом обуславливаются необходимость и возможность лингвистического истолкования через античный символ соотношения русской литературно-художественной практики и античного основания современной культуры. Мифологическое значение символа представляет собой систему смыслов исторически обусловленных, узуальных, воспроизводящихся в нашем языковом сознании как готовые значения в содержании воспринимаемого текста. Посредством цитат, аллюзий, реминисценций, паратекстуальности (отношение текста к своему заглавию), метатекстуальности (комментирующая ссылка на текст-донор) через античные символы устанавливаются семантические отношения современного художественного текста с мифом.

Античный символ функционирует в названиях литературных произведений и их частей, которые служат контекстами интерпретации символов: «*Мост через Лету*» (Ю. Гальперин), «*Рожденная из пены морской и появившаяся на пляже*» (название главы – В. Аксенов), «*Смерть Ахиллеса*» (Б. Акунин), «*Бог Посейдон*» (название рассказа – Л. Петрушевская), «*Синдром Феникса*» (А. Слаповский), «*Стикс-2*» (Н. Андреева), «*Медея и ее дети*» (Л. Улицкая), «*Венерин волос*» (М. П. Шишкин), «*Теща Эдина*» (название

рассказа – Л. Петрушевская), «*Письмо Прометею*» (название главы – В. Аксенов), «*Муза дальних странствий*» (название главы – И. Ильф, Е. Петров), «*Ахиллесов каблук*» (название главы – Б. Акунин), «*Логово циклопа*» (название главы – Б. Акунин), «*Афродита размера XXL*» (Е. Логунова).

Символическая метафора устанавливает смысловые связи названия с контекстом. Например, «*Венерин волос*»: Венера – символ любви; любовь ведет по жизни героев романа; волос ассоциируется с нитью Ариадны. Венерин волос, т.е. любовь, является тем спасением, благодаря которому можно выжить. «*Рожденная из пены морской и появившаяся на пляже*» ассоциируется с Афродитой – символом красоты. Но «*Афродита размера XXL*» – это другая «красота», связанная с параметрическими особенностями Афродиты наших дней. «*Смерть Ахиллеса*»: Ахиллес символизирует геройство, но греческий герой погибает, как и герой романа, подобный Ахиллу. «*Ахиллесов каблук*» ассоциируется с ахиллесовой пятой и символизирует обреченность. «*Синдром Феникса*»: Феникс символизирует возрождение. Синдром Феникса в романе – состояние, связанное с потерей памяти и ее восстановлением при содействии огня. «*Медя и ее дети*», «*Теща Эдипа*» символизируют родственные отношения, напоминая в этом смысле о Медее и об Эдипе в античности. «*Бог Посейдон*»: Посейдон – символ морской стихии. Контекст формирует смысловое отношение, связанное с Посейдоном и символизирующее смерть в морских водах.

Название стихотворения «*Менады*» обращает сознание к мифологии: (Μαινάδες, «безумствующие»), вакханки, бессариады – спутницы Диониса. В названии стихотворения менады символизируют безумство (обмена), на что указывает следующий контекст:

Меняю Зюзино на Пресню. / Меняю Зыкину на Пресли. / Меняю мужа с двумя внуками / на бортмеханика во Внукове [3, с. 179].

При установлении метатекстуальных отношений дается ссылка на текст-донор: *Ни с того ни с сего газета «Белфаст Морнинг Ньюс» еще в июне 1911 года написала следующее: «Трудно понять, почему владельцы и строители корабля нарекли его “Титаником”. Ведь титаны были мифическими существами, возмнившими, что они достигли власти и знаний больших, чем сам Зевс, и это их погубило. Зевс низвергнул сильных и дерзких титанов громовыми ударами; местом их последнего упокоения стала мрачная бездна, тьма, лежащая ниже глубочайших глубин Тартара» [4, с. 41].* Титаны в греческой мифологии олицетворяют стихийные силы природы со всеми ее катастрофами, являются символом грубого принуждения, неразумности (не ведают упорядоченности и меры). Сила стала их слабостью, т.е. причиной, приведшей к поражению. Титан – «Титаник», несмотря на все его достоинства и мощь, символизирует смерть.

Символ в современном литературном тексте сохраняет архетипическую оценочность. Мифопоэтический интенционал символа получает новые оттенки, нюансы, коннотативные окраски под воздействием специфики русской языковой среды. Основываясь на исходном (имеющемся)

содержании символа, сознание человека формирует новое представление на основании метафоры, олицетворения, метонимии, синекдохи. На основании анализа функций символов как тропов выявляется символическое содержание в современном тексте, устанавливаются константы, в частности, константы любви, которые сами по себе являются структурами смысла. Константное объединение «любовь» отражает сформированные античными символами смыслы любви: любовь (чувство), любовь (действие), любовь (понимание). Так, в современном тексте символом возвышенной любви и низменных чувств является *Афродита* (Ф. Сологуб); символами целомудрия, нравственной чистоты – *Единорог* (В. В. Орлов), *Диана* (*Артемиды*) (Д. Л. Быков), *жрицы богини Весты* (*Гестии*) (Э. С. Радзинский). *Ариадна* и *Вакх* символизируют взаимную любовь (И. А. Бродский); *Ахиллес* и *Патрокл* – преданность, дружбу (Б. Акунин). Символ *Аспазия* в функции синекдохи выражает смысл, связанный с идеей безнравственности, изменной любви (В. В. Орлов). Символическое сравнение сближает разные по своей материальной сущности объекты на основании установления связи их действий: *подобно Одиссею, привязаться к мачте* (генерал, как Одиссей) (Б. Акунин); *как Пенелопа, ждала* (она, как Пенелопа) (Л. Улицкая); *мерзавка вроде этой Хлои* стала причиной проблем, связанных с любовными чувствами (женщина, как Хлоя) (М. П. Шишкин); *нежны, как Дафнис и Хлоя* (влюбленные, как Дафнис и Хлоя) (Н. С. Гумилев); *уподобился Зевсу, чтобы украсть эту младость* (Петр, как Зевс) (В. Аксенов); *похожи на Эдипа (в крови – готовы укокать своих отцов)* (сыновья, как Эдип), *как Сатурн, готовы съесть живьем своих возлюбленных деток* (отцы, как Сатурн) (Э. С. Радзинский).

Античные символы как особые языковые знаки, выполняющие функции смыслопорождения в художественном тексте, передают универсальное мифологическое значение, а также мифологический смысл, преломленный сквозь лингвокультурологическую призму языкового сознания. На основе символа переобразуются архаические смыслы, появляются ассоциируемые с античностью коннотативные окраски под воздействием нового языкового окружения. Через античные символы мифологические константы «геройство» / «антигеройство», «созидание» / «разрушение», «любовь» возрождаются и переобразуются. Новые константные объединения «мир/порядок» vs «мир / беспорядок», в которых отражаются воссозданные и переобразованные архаические корни, свойственные мифологическому сознанию, выявляются на основании анализа семантико-прагматических функций символов в современном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карамзин, Н. М.* Письма русского путешественника / Н. М. Карамзин // Соч. : в 2 т. – Т. 1: Автобиография. Письма русского путешественника. Повести / Сост., вступ. статья Г. П. Макогоненко; коммент. Ю. М. Лотмана, Г. П. Макогоненко. – Л. : Худож. лит., 1983. – С 55–504.

2. *Топоров, В. Н.* Из истории петербургского аполлонизма: его золотые дни и его крушение / В. Н. Топоров. – М. : ОГИ, 2004. – 264 с.
3. *Вознесенский, А. А.* Соблазн / А. А. Вознесенский. – М. : Сов. писатель, 1979. – 207 с.
4. *Толстая, Т. Н.* Изюм / Т. Н. Толстая. – М. : Подкова ; ЭКСМО, 2002. – 384 с.

Л. В. Рычкова (Гродно, Беларусь)

ТЕМАТИЧЕСКИ РАЗМЕЧЕННЫЙ КОРПУС НА МАТЕРИАЛЕ
РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ БЕЛАРУСИ КАК РЕСУРС,
ОТРАЖАЮЩИЙ ДОМИНАНТНЫЕ КОНЦЕПТЫ
В ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКСТА

В Гродненском государственном университете имени Я. Купалы в рамках Государственной программы научных исследований с 2016 г. разрабатывается проект «Функционирование белорусского языка в двуязычных региональных СМИ», целью которого является изучение особенностей функционирования белорусского языка в текстах региональных СМИ Беларуси, отражающих взаимодействие двух государственных языков в условиях белорусско-русской лингвокультурной общности. Среди задач реализуемого проекта предусмотрено решение чрезвычайно значимых проблем, которые непосредственно связаны с возможностью проведения комплексного исследования доминантных концептов в пространстве текста, а именно: 1) разработка методики выявления тематического разнообразия текстов СМИ на примере иллюстративного лингвистического корпуса двуязычных газет Гродненщины и 2) выявление тематического разнообразия региональных СМИ с учетом межрегионального, внутриязыкового и межъязыкового сопоставления корпусных данных.

Методы корпусной лингвистики уже давно и прочно вошли в инструментарий современных языковедческих исследований, однако новые технологические возможности, наращивание объема и разнообразие доступного электронного контента и языкового материала стимулируют все новые достижения этого перспективного научного направления, которые требуют детального осмысления с точки зрения применимости для решения нетривиальных собственно лингвистических и междисциплинарных исследовательских задач.

Одним из трендов мировой корпусной лингвистики является создание регионально специфичных электронных языковых ресурсов. Наиболее эффективным из современных проектов по созданию регионально значимых электронных языковых ресурсов представляется Международный корпус английского языка (International Corpus of English – ICE) [1], включающий комплекс сформированных в рамках единого подхода национально распределенных корпусов литературных разновидностей английского языка.

В своей статье «Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции)» М. А. Бородина вводит понятие региональных языков (региолектов) и предлагает рассматривать вопрос

о региолектах как одну из проблем теории о расслоении языка на определенные состояния. Языковые состояния, как справедливо подчеркивает автор, образуют сложную иерархию, состоящую «из многочисленных звеньев, которые условно объединяются в группы: 1) идиолект, язык одной семьи, язык одного села (коммуны), говор, патуа, бесписьменный диалект (территориальный и социальный); 2) группа диалектов, литературный территориальный диалект, который, как правило, существует более длительно, чем “просто диалект”, т.е. обычный бесписьменный диалект (например, валлонский литературный диалект французского языка), региональные особенности речи, совокупность которых приводит к образованию региональных говоров, региональный язык, региональный литературный язык, распадающиеся на подварианты; 3) литературный язык как национальный язык, т.е. нормированный или стандартный литературный язык, национальный, надрегиональный; 4) наднациональный язык» [2, с. 31]. Фокус интереса современной региональной лингвистики связан, прежде всего, со второй группой языковых состояний (в терминологии М. А. Бородиной), и в этом ракурсе русистика имеет давнюю традицию, связанную с изучением феномена городской речи.

Здесь традиционно превалирует лексикографический подход, основы которого были заложены еще Б. А. Лариным, рассматривавшим «язык города» как «новый объект языковедения» [3;4]. Продолжая ларинские традиции, группа исследователей Омского университета под руководством профессора Б. И. Осипова разработала ряд теоретических и практических рекомендаций по составлению словаря народно-разговорной речи современного города [5]. Определенных успехов в этом направлении добилась также саратовская школа под руководством О. Б. Сиротининой [6].

Несколько особняком в лингвистической «городской» региолистике стоят исследования названий внутригородских объектов – урбанонимов, которые А. А. Реформатский, вполне оправданно, предлагал рассматривать как переходные явления между именами собственными и нарицательными [7]. Не случайно, различные разряды урбанонимов зачастую включают в словари регионального сленга (см., например, [8]). Как справедливо отмечает С. Л. Казакова, «в образовании урбанонимов наглядно прослеживаются процессы онимизации апеллятивов лексики», а основное отличие между урбанонимами и апеллятивами заключается в выполняемых ими функциях: «Урбанонимы выполняют две основные функции: 1) назывную (идентифицирующую / адресную); 2) информативную» [9]. Обе функции, выполняемые урбанонимами, имеют свои особенности. Так, специфика номинативной функции обусловлена тем, что, в отличие от апеллятивов, каждый урбаноним называет не класс предметов, а конкретный внутригородской объект, выделяя «его из ряда подобных» объектов. Особенность выполняемой урбанонимом номинативной функции обеспечивает его информативность, связанную с необходимостью «ориентировать человека в окружающем пространстве, в городе, служить адресом» [9], то есть, по сути дела, стремиться стать своего рода «доминантным концептом» в пространстве «городского текста», отражением «языка культуры» города [10; 11].

Появление доступных информационных технологий и адекватного программного обеспечения изменило лишь форму представления данных, но не изменило преобладающего лексикографического подхода в исследовании региональных отличий узуса русской речи, что нашло отражение в создании гипертекстовых словарных продуктов [12] и в разработке специализированных лексикографических баз данных [13]. Ориентированный на собственно лингвистические (либо шире – филологические) нужды, такой подход не приемлем для выявления доминантных концептов в пространстве текста, так как для этих целей необходимы полнотекстовые электронные ресурсы, такие, например, как лингвистические корпуса. Отметим также, что именно корпусные данные повсеместно используются сегодня и для целей лексикографии [14].

Когда корпуса создаются на целевом языковом материале, то возможно сопоставление доминантных концептов по региональному признаку. Сложнее обстоит дело в том случае, когда корпус строится на языковом материале Интернета. Здесь, как и в случае перевода, необходима своеобразная локализация (подробнее о локализации см., например, [15]). Так, в наиболее представительном интернет-корпусе русского языка, известном как «Генеральный интернет-корпус русского языка» (ГИКРЯ) [16], локализация может осуществляться посредством приписывания тексту атрибута *loc*, входящего в систему метаразметки данного корпуса.

ГИКРЯ представляет собой мегакорпус, созданный при помощи полностью автоматической технологии сбора и разметки текстов из Рунета. На сегодняшний день ГИКРЯ – это самый большой корпус русского языка. Его объем достигает 20 миллиардов словоупотреблений (для сравнения: объем Национального корпуса русского языка – НКРЯ [17] составляет около 600 миллионов словоупотреблений). ГИКРЯ построен на языковом материале таких крупнейших ресурсов Рунета, как Новости, ВКонтакте, Живой Журнал, блоги Мэйл.ру, Журнальный Зал. Важно, что этот мегакорпус является открытым для широкого круга пользователей (с некоторыми ограничениями, связанными с тем, что проект находится в стадии разработки и тестирования).

ГИКРЯ богат метатекстовой разметкой: для каждого текста указаны время и место написания, URL, интернет-жанр (блог, новости и т.д.), а также год, место рождения автора, пол автора (при наличии такой информации в исходном контенте). ГИКРЯ снабжен дружественным интерфейсом, ориентированным не только на профессионального пользователя, поэтому при поиске удобно задавать любые настройки, а также сортировать уже полученные результаты по заданным признакам. Будучи мегаресурсом, ГИКРЯ предоставляет обширные возможности для лингвостатистических исследований: пользователю доступны частотные данные при запросе, ускоренный вариант поиска для получения только частот, а также разрабатывается функционал для установки пользовательского доверительного интервала при поиске необходимых языковых объектов.

К сожалению, ресурсы, подобные ГИКРЯ, не доступны для белорусского языка, поэтому особую ценность приобретает белорусская составляющая нового модуля НКРЯ, получившего название «Корпус региональной и зарубежной прессы» [18], которая была создана в рамках совместного научного проекта, направленного на изучение лексико-семантической и социокультурной специфики русской речи Гродненщины, сотрудниками отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН и преподавателями кафедры общего и славянского языкознания Гродненского государственного университета имени Я. Купалы (белорусская часть проекта выполнялась при поддержке БРФФИ, грант Г13Р-050). Корпус СМИ Гродненщины стал первым в модуле «Корпус региональной и зарубежной прессы» НКРЯ.

В традиционной академической лексикографии газетные публикации рассматривались как «источники нетрадиционного типа» [19, с. 35]. Однако уже в 90-е гг. XX века отношение лексикографов к печатным СМИ кардинально изменилось. Включение СМИ в круг источников языкового материала для создания языковых ресурсов обусловлено рядом факторов, среди которых, как наиболее существенные, отметим следующие: 1) переоценка «языкового стандарта»; 2) рассмотрение газеты как «неистощимого донора неологии»; 3) отражение в газетных текстах «стандартизованных словосочетаний, готовых к лексикографическому употреблению в качестве речений»; 4) широкий диапазон «экспрессивно-стилистических средств», представленных в газетных текстах; 5) функция «проводника терминологии»; 6) тенденция «воскрешения устарелой лексики»; 7) функция «поставщика страноведческой и интернациональной лексики» [19, с. 35–37].

Не случайно поэтому, что создание первого корпуса смешанного типа (в основу иллюстративного корпуса Гродненщины были положены источники, включающие одновременно аутентичные тексты на белорусском и русском языках) позволило показать особенности функционирования русского языка в двуязычных (русско-белорусских) региональных СМИ Беларуси и обозначить направления исследования региональных особенностей русского языка, обусловленных близкородственным окружением, спецификой социокультурных факторов, оказывающих влияние на семантику русскоязычных единиц в текстах СМИ Беларуси и формирование прагматикообусловленных классов лексики, а также на синтаксическую сочетаемость единиц.

Для исследования доминантных концептов в пространстве регионально специфичных белорусско- и русскоязычных текстов СМИ Беларуси необходим регионально распределенный тематически размеченный корпус – электронный ресурс, в основу которого должны быть положены тексты двуязычных газет, издаваемых в различных регионах Беларуси. Так как язык – это система языковых знаков, реализующихся в речи, единицам которой присуща частота употребления, то сравнение частот определенных разрядов лексических единиц, упорядоченных по тематическому принципу, позволит, в случае, если эти частотные характеристики получены в результате статистической обработки репрезентативных массивов данных, выделить доминантные концепты всего текстового пространства определенной тематической направленности, независимо от региона и языка, а также регионально специфичные

либо распределенные по языковому принципу. Так, например, в текстах на религиозную тематику в СМИ Гродненщины прослеживается четкая дифференциация выбора языка: для православных – русский, для католиков – белорусский [20]. Тем не менее, доминантным концептом как белорусскоязычных, так и русскоязычных текстов, имеющих отношение к христианству, является концепт Светлой Пасхи, о чем свидетельствует показатель его рекуррентности в сравнении с рекуррентностью не менее важного для христиан концепта Рождества.

В настоящее время регионально распределенный корпус двуязычных СМИ Беларуси находится в стадии формирования, ведется разработка методики определения тематического разнообразия текстов СМИ на примере иллюстративного лингвистического корпуса двуязычных газет Гродненщины.

Подготовлено в рамках проекта ГПНИ А70-16.

ЛИТЕРАТУРА

1. The International Corpus of English [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.ucl.ac.uk/english-usage/projects/ice.htm>. – Date of access : 07.05.2017.
2. *Бородина, М. А.* Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции) / М. А. Бородина // Вопросы языкознания. – 1982. – № 5. – С. 29–38.
3. *Ларин, Б. А.* К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) / Б. А. Ларин // Извест. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. – 1928. – Вып. 1. – С. 175–185.
4. *Ларин, Б. А.* О лингвистическом изучении города / Б. А. Ларин // Русская речь. – Вып. 3. – 1928. – С. 61–75.
5. *Осипов, Б. И.* Лексикографическое описание народно-разговорной речи современного города. Теоретические аспекты / Б. И. Осипов и др. – Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 1994. – 144 с.
6. *Сиротина, О. Б.* Основные проблемы изучения городской речи (о принципиальной разнице изучения городской речи крупных и малых городов российской провинции) / О. Б. Сиротина // Материалы Всерос. науч. конф. «Русский язык: прошлое, настоящее, будущее». – Ч. I. В. Городская речь российской провинции. – Саратов-Сыктывкар // Альманах «ГОВОР». – 1996. – С. 7–24.
7. *Реформатский, А. А.* Топономастика как лингвистический факт / А. А. Реформатский // Топономастика и транскрипция. – М., 1984. – С. 9–34.
8. *Никитина, Т. Г.* Региональный словарь сленга (Псков и Псковская область) / Т. Г. Никитина, Е. И. Рогалева. – М. : Изд-во «ЭЛПИС», 2006. – 384 с.
9. *Казакова, С. Л.* Урбанонимы в составе лексической системы языка / С. Л. Казакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/V/uch_2008_V_0003.pdf. – Дата доступа : 07.05.2017.
10. *Мезенко, А. М.* Урбанонимия как язык культуры / А. М. Мезенко // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. – Т. 24 (63). – 2011 – № 2. – Ч. I. – С. 388–392.

11. *Разумов, Р. В.* Прецедентные онимы в неофициальном городском ономастиконе / Р. В. Разумов // Ярослав. пед. вестн. – Т. 1. Гуманитарные науки. – 2011. – С. 169–172.
12. *Лесников, С. В.* Методика анкетного опроса информантов и рекомендации для конструирования гипертекстового словаря-тезауруса разговорной и диалектной речи российской провинции / С. В. Лесников // Материалы Всерос. науч. конф. «Русский язык: прошлое, настоящее, будущее». – Ч. I. В. Городская речь российской провинции. – Саратов-Сыктывкар // Альманах «ГОВОР». – 1996. – С. 54–76.
13. *Рычкова, Л. В.* Специальные словарные базы данных в изучении народно-разговорной речи города / Л. В. Рычкова // Miasto – Teren koegyzstencji pokoleń, Łódź, 19 – 21 maja 1997 r. – Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1999. – S. 190–194.
14. Словари, созданные на основе Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dict.ruslang.ru/>. – Дата доступа : 07.05.2017.
15. *Беляева, Л. Н.* Лингвистические технологии в современном сетевом пространстве: *language worker* в индустрии локализации / Л. Н. Беляева. – СПб. : Книжный дом, 2016. – 134 с.
16. Генеральный интернет-корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.webcorpora.ru>. – Дата доступа : 07.05.2017.
17. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 07.05.2017.
18. Корпус региональной и зарубежной прессы НКРЯ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/search-regional.html>. – Дата доступа : 07.05.2017.
19. *Корованенко, Т. А.* Источники нового академического словаря / Т. А. Корованенко // Очередные задачи русской академической лексикографии. – СПб. : ИЛИ РАН, 1995. – С. 31–43.
20. *Рычкова, Л. В.* Лексіка рэлігійнай тэматыкі ў беларускамоўных тэкстах СМІ Гродзеншчыны і яе лексікаграфічнае адлюстраванне / Л. В. Рычкова // Беларуская мова і літаратура ў славянскім этнакультурным кантэксце : матэрыялы II Рэсп. навук.-практ. канф., Віцебск, 19–20 ліст. 2015 г. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2015. – С. 134–138.

С. С. Ваулина, Л. В. Коковина (Калининград, Россия)

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ПОВЕСТИ
Н. В. ГОГОЛЯ «ШИНЕЛЬ» И ЕЕ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПЕРЕВОДЕ
(к проблеме адекватности художественного перевода)

Интерес к изучению авторской модальности особенно возрос в последние десятилетия в связи с активизацией внимания к модальности текста, в первую очередь художественного, пронизанного субъективностью и антропоцентричностью, поскольку данная категория отражает и реализует

в художественном произведении личностную проекцию картины мира автора и его ценностные установки, воплощенные в индивидуальной языковой системе писателя. В контексте вышесказанного актуальным представляется вопрос о степени адекватности выбора средств выражения авторской модальности при переводе художественного текста на другой язык, т.е. о том, насколько полно совпадает картина мира, формирующаяся у читателя оригинального текста и текста перевода.

«При переводе художественных текстов, – отмечает Ю. А. Сорокин, – очень важно учитывать, чтобы собственная креативность переводчика, его стилистико-тропологическая манера не вступала в противоречие с авторской, а также не пыталась «сместить чужие акценты в фокусировке мира» [1, с. 52]. Художественный перевод отличается от других его видов тем, что играет двойную роль в свете межкультурной коммуникации: «С одной стороны, – как справедливо указывает Т. А. Казакова, – переводной художественный текст замещает оригинал для читателей, а с другой – становится литературным фактом переводящей культуры» [2, с. 3].

Таким образом, проблема передачи авторской модальности при переводе художественного текста заключается в том, чтобы, используя выразительные средства и возможности другого языка, максимально полно и точно передать субъективное отношение автора оригинального текста к описываемым событиям, героям его произведения; добиться такого эффекта, чтобы у читателя переводного текста сложилось бы такое же впечатление при чтении, как и у читателя оригинального текста.

В контексте вышесказанного несомненный интерес представляют произведения Н. В. Гоголя – гениального русского писателя, внесшего неоценимый вклад не только в отечественную, но и мировую культуру. «Гоголь, – писал В. Г. Белинский, – не льстит жизни, но и не клеветает на неё; он рад выставить наружу всё, что есть прекрасного, человеческого, и в то же время не скрывает и её безобразия» [3, с. 133]. Весьма ярко это качество писателя проявилось в тех его произведениях, где он поднимает тему «маленького человека», примером чему может служить повесть «Шинель», главный герой которой – рядовой чиновник Акакий Акакиевич Башмачкин – воплощает собой именно такой тип.

Целью данной статьи является рассмотрение языковых средств реализации авторской модальности при создании образа этого гоголевского героя и вариантных соответствий при передаче данных средств в тексте англоязычного перевода.

История и образ жизни Акакия Акакиевича Башмачкина типичны для России гоголевского времени, что наглядно подчеркивается одной из начальных авторских фраз: «В одном департаменте служил один чиновник» (117)¹; и не случайно поэтому главной чертой образа героя повести является

¹ Здесь и далее цит. по изданию: *Гоголь, Н. Повести. Пьесы. Мертвые души.* – М. : Худож. лит., 1975. В круглых скобках указывается страница, на которой находится пример.

неопределенность, которую писатель раскрывает в эпизоде с выбором имени при его рождении (матушка долго не могла выбрать ему имя и, перебрав несколько, решила назвать его именем отца Акакием), или в истории с поступлением героя на службу в департамент: «Когда и в какое время он поступил в департамент и кто определил его, этого никто не мог припомнить» (118) и т.п.

Неопределенность образа героя, сочетающаяся с неуверенностью и робостью как главными чертами его характера, передаются писателем с помощью различных средств. Например, описывая его внешность, Гоголь использует наречие со значением меры и степени признака *несколько*, троекратный повтор которого создает повышенную экспрессию авторской характеристики, значение неопределенности усиливает и вводная конструкция *не сказать чтобы*: «...чиновник *нельзя сказать чтобы* очень замечательный, низенького роста, *несколько* рябоват, *несколько* рыжеват, *несколько* даже на вид подслеповат ...» (117). В тексте английского перевода значение наречия *несколько* передается аналогичным наречием *somewhat* 'отчасти, до некоторой степени', а перевод вводной конструкции *не сказать чтобы* осуществляется с помощью приема грамматической замены – 'one might say', где основную функцию выполняет модальный глагол *might* 'мог бы, может': «...a not very remarkable clerk, one might say – short, pockmarked, somewhat red-haired, even with a somewhat nearsighted look...» (394)¹.

Важную роль в экспликации неопределенности как сущности характера Акакия Акакиевича Башмачкина, так и жизненных ситуаций, в которых оказывается герой, выполняют в повести вводные слова, среди которых выделяется вводное слово *может быть*: «Имя его было Акакий Акакиевич. *Может быть*, читателю оно покажется несколько странным...» (117); «Если бы соразмерно его рвению давали ему награды, он, к изумлению своему, *может быть*, даже попал бы в статские советники...» (119); «Так протекала мирная жизнь человека <...и дотекла бы, *может быть*, до глубокой старости....» (121). В переводах данных предложений в качестве эквивалентов вводного слова *может быть* используется наречие *perhaps* 'возможно', модальный глагол *might* 'возможно, вероятно', что представляется вполне адекватной заменой. Ср.: «His name was Akaky Akakievich. The reader will *perhaps* find that somewhat strange...» (395); «If his zeal had been rewarded, he *might*, to his own amazement, have gone as far as state councilor...» (397); «So flowed the peaceful life of this man <...> and so it *might* have flowed on into extreme old age...» (399).

Частотным средством реализации неопределенности применительно к характеристике образа героя повести являются неопределенные местоимения *что-то*, *что-нибудь*, *какой-то* и определительное наречие *как-то*. Например: «И *что-то* странное заключалось в словах и голосе, с каким они

¹ Здесь и далее цит. по изданию: The Collected Tales of Nikolai Gogol, transl. by R. Pevear and L. Volkhonsky. – London: Granta Books, 2003. В круглых скобках указывается страница, на которой находится пример.

были произнесены. В нем слышалось *что-то* такое преклоняющее на жалость...» (119); «...приказал дать ему *что-нибудь поважнее*, чем обыкновенное переписывание; именно из готового уже дела велено ему было сделать *какое-то* отношение в другое присутственное место...» (119); «Он не думал вовсе о своем платье: вицмундир у него был не зеленый, а *какого-то* рыжеватого-мучного цвета» (120); «В самом деле, она [шинель. – С. В., Л. К.] имела *какое-то* странное устройство...» (122); «...надобно сказать правду, что сначала ему было несколько трудно привыкнуть к таким ограничениям, но потом *как-то* привыкло...» (127).

В английском тексте данные местоимения и наречие передаются местоимением *some* 'какой-нибудь, какой-то', его производными *something*, *somehow*, а также неопределенным артиклем *an*, что можно рассматривать как достаточно адекватную, хотя и несколько формализованную замену языковых средств оригинала. Ср.: «And there was *something* strange in the words and in the voice in which there were uttered. *Something* sounded in it so conducive to pity...» (396); «...ordered that he be given *something* more important than the usual coping – namely, he was told to change an already existing document into a letter to another institution...» (397); «He gave no thought to his clothes at all: his uniform was not green but of *some* mealy orange» (397); – «Indeed, it was *somehow* strangely constituted...» (400); «Truth to tell, it was a bit difficult for him at first to get used to such limitations, but later it *somehow* became a habit...» (406).

Не менее ярко неопределенность и неуверенность как основные качества Акакия Акакиевича прослеживаются и через речь самого героя, особенность которой раскрывается в следующем гоголевском комментарии: «Нужно знать, что Акакий Акакиевич изъяснялся большею частью предлогами, наречиями, и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения» (123). Приведем характерный отрывок речи героя: «*Этаково-то* дело *этакое*, – говорил он сам себе, – я, *право*, и не думал, чтобы *вышло того*... а потом после некоторого молчания, прибавил – *так вот как!* Наконец *вот что вышло*, а я, *право*, совсем и предполагать не мог, чтобы оно было *эдак*» (125) – ‘*So it’s that, that’s what it is*, he said to himself. I really didn’t think it would *come out sort of*...and then after some silence, he added, *so that’s how it is! That’s what finally comes out!* And I really never would have supposed it would be *so*’ (404).

В данном речевом отрывке частица *этак* и ее производные в переводном тексте передаются указательным местоимением *that* 'тот, та, то' и наречием *so* 'так, подобным образом'. Глагольные словосочетания *вышло того*, *вот что вышло* передаются фразовым глаголом *come out* 'обнаруживаться, проявляться', для усиления неопределенности используется идиома *sort of* 'как бы, вроде', вводное слово *право*, выражающее заверение в чем-либо, передается наречием *really* 'действительно, в самом деле', что в целом можно считать достаточно адекватной заменой.

Важную роль выполняют экспликативы авторской модальности при описании переломного момента в жизни героя – драматической истории о приобретении им новой шинели. Мечта о шинели на вате становится для него подобием великой и невыполнимой задачи, но жизнь его наполняется смыслом. И эта метаморфоза в жизни героя, отразившаяся на изменении в его характере и поведении, передается автором через языковые средства, демонстрирующие его явную симпатию к своему герою и искреннее сочувствие ему. Ср.: «С этих пор *как будто* самое существование его сделалось *как-то* полнее, *как будто бы* он женился, *как будто какой-то* другой человек присутствовал с ним, *как будто он был не один, а какая-то* приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, и подруга эта была не кто другая, как та же шинель...» (127) – «From then on it was *as if* his very existence became *somehow fuller*, *as if* he were married, *as if some other* person were there with him, *as if* he were not alone, *but some* pleasant life's companion had agreed to walk down the path of life with him – and this companion was none other than that same overcoat...» (406); «Он сделался *как-то* живее, *даже тверже* характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель. С лица и поступков его исчезло само собою *сомнение, нерешительность* – словом все *колеблющиеся и неопределенные* черты» (127) – «He became *somehow livelier*, even *firmer* of character, like a man who has defined and set a goal for himself. Doubt, indecision, in short, all hesitant and uncertain features disappeared of themselves from his face and actions» (407).

Эмоциональный подъем, который испытывает Акакий Акакиевич, передается с помощью многократного повторения сравнительных конструкций с союзом *как будто* и противопоставления прежнего состояния героя, обозначенного лексемами *сомнение, нерешительность*, и нынешнего, выраженного формами сравнительной степени прилагательных *живее, тверже*. В переводе используются лексические аналоги *doubt* ‘сомнение’, *indecision* ‘нерешительность’, с одной стороны, и *even firmer* ‘даже тверже’, *much livelier* ‘намного живее’ – с другой. Союз *as if* по своему значению и функционалу соответствует русскому союзу ‘как будто’.

Интерес представляет пример, где автор, показывая позитивные изменения в жизни Башмачкина, использует конструкцию с двойным отрицанием, выражающую значение долженствования с повышенной модальной экспрессией: «Акакий Акакиевич <...> *не мог не порадоваться*, видя, как все похвалили шинель» (131). В английском переводе эта конструкция передается эквивалентной идиомой *could not help doing* ‘не мог не...’: «Akaky Akakievich <...> *could not help rejoicing* to see how everyone praised his overcoat» (411).

Весьма символичным является высказывание автора в заключительной части повести, в котором, благодаря неоднократному употреблению отрицательных местоимений, причастий и прилагательных с отрицанием, авторская модальность приобретает особенно яркую эмоционально-экспрессивную тональность: «Исчезло и скрылось существо, *никем не защищенное, никому*

не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимание, и естество наблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху...» (138) – «Vanished and gone was the being, protected by *no one*, dear to *no one*, interesting to *no one*, who had *not even* attracted the attention of a naturalist who *does not* fail to stick a pin through a common fly» (419). В приведенном контексте русским местоименным словоформам *никем*, *никому* и др. в тексте перевода соответствует английская лексема *no one* 'никто', но повторение ее создает такой же драматический эффект, как и в оригинальном тексте.

В данной статье мы остановились на анализе лишь собственно модальных средств выражения авторской модальности в повести «Шинель», хотя реализация ее осуществляется через всю образно-языковую систему произведения. Но даже такой выборочный анализ позволяет, как нам представляется, сделать вывод о степени адекватности его английского перевода, суть которой очень точно, на наш взгляд, была сформулирована польским исследователем Ирэнной Дашчинской: «Дать адекватный перевод художественного текста – значит добиться такого уровня перевода, когда он оказывает адекватное подлиннику эмоциональное воздействие на читателя и содержит ту же семантическую и стилистическую информацию, какую находим в исходном тексте» [4, s. 13]. Думается, что переводчики повести Н. В. Гоголя «Шинель» добились такого эффекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин, Ю. А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры / Ю. А. Сорокин. – М. : Гнозис, 2003. – 160 с.
2. Казакова, Т. А. Художественный перевод: в поисках истины / Т. А. Казакова – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – 224 с.
3. Белинский, В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя / В. Г. Белинский // Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. – М. : Худож. лит., 1948. – 797 с.
4. *Daszczyńska, I.* Frazologia wojennych powieści Konstantina Simonowa w konfrontacji z polskimi przekładami / I. Daszczyńska. – Słupsk: Wyd. Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1982. – 56 s.

Ю. А. Гурская (Минск, Беларусь)

К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДНОМ ХАРАКТЕРЕ БЕЛОРУССКОЙ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В трудах С. М. Прохоровой особое место занимает теория языковой непрерывности, которая, согласно исследованиям, соотносится с идеей переходности, подразумевающей невозможность проведения точных границ между языками. Переходность С. М. Прохорова понимает как поле одного языкового явления, где «центр поля характеризуется неосознанным билингвизмом носителей говоров по отношению к определенному языковому

явлению» [1, с. 4]. На синтаксическом уровне в белорусском ареале С. М. Прохорова выделила три среза переходности – западно-восточнославянский, прежде всего польско-белорусско-украинский, русско-белорусский, а также балто-славянский [1, с. 4]. Данные положения были подтверждены на диалектном материале [2; 3].

На наш взгляд, термин переходности можно применить по отношению к антропонимическим системам родственных языков, формирование которых происходило в условиях многовекового постоянного контакта [4, с. 88–93]. При этом понятие *переходная АС* (антропонимическая система) по аналогии с понятием *языковая переходность* свидетельствует о своеобразии данной системы, а не упраздняет и не размывает ее самостоятельность [5, с. 419].

То, что белорусская АС характеризуется большой неоднородностью и ярким своеобразием отмечали многие исследователи. Так, Б. Унбегаун указывал, что в результате разностороннего влияния на белорусскую антропонию польской, русской, украинской и литовской фамильных систем «белорусские фамилии представляют собой довольно *эклeктическую и разнообразную систему*, которая еще менее последовательна, чем система русских или даже украинских фамилий» [6, с. 227] (выделено нами. – Ю. Г.). Вопрос о сходстве смоленских и белорусских фамилий поднимается в работах И. А. Королёвой [7; 8]. На сходные черты АС белорусско-польского пограничья указывали польские ученые З. Абрамович, Л. Титко, Л. Дацевич и др.

В белорусском ареале нами выявлено три диахронических среза переходности АС – *балто-славянский*, *западно-восточнославянский* и *восточнославянский* (*белорусский* и *белорусско-украинский*). Данные срезы отчасти коррелируют с выводами С. М. Прохоровой о переходном характере белорусской территории на синтаксическом уровне [1]. В то же время переходность АС имеет свою специфику.

Переходное положение белорусской АС между западнославянскими и восточнославянскими системами отражено в продуктивности структурных типов фамилий, в частности, в почти пропорциональном соотношении в белорусском ареале оттопонимического типа на *-ски/-цкі* (9,87 %) и патронимического на *-овіч/-евіч, -іч/ыч* (8,32 %) [9, с. 29–48]. Первый тип доминировал в высших слоях в западнославянских АС (Польша, Чехия), второй – в восточнославянских и южнославянских [9, с. 16–59]. В XVII–XIX вв. продуктивность патронимического типа в бел. ареале существенно возрастает за счет увеличения ф. на *-оў/-аў/-еў* (19,5 %), *-ін/-ын* (6 %) на белорусско-русско-украинском пограничье в связи с изменением белорусских, украинских фамилий с *-овіч/-ич* на *-ов/-ев* в Московском государстве [10, с. 29–52].

Западно-восточнославянский, в частности, *польско-белорусско-украинский* срез представлен древними шляхетскими фамилиями с типичным для польской антропонимии суфф. *-ски/-цкі*. Несмотря на то что фамилии на *-ский* известны всем славянским АС, данный тип наиболее распространен в западнославянских языках [9, с. 26]. В Польше фамилии на *-ский* составляют 32 %, что связано с социально-экономическими факторами.

В белорусском и украинском языках фамилии на *-ский* расширили сферу употребления под влиянием польской АС: в белорусском языке они составляют 10,5 % [3, с. 53]; в украинском – занимают по продуктивности первое место, составляя 16,54 % от всего корпуса фамилий [9, с. 17]. Фамилии на *-ский/-цкий* представлены также в фамиликоне смоленской шляхты, где они занимают первое место среди всех структурных типов.

Фамильный тип на *-ович/-евич*, который является наиболее типичным среди восточнославянских языков для белорусской АС, находит продолжение в польском и в украинском ареалах, составляя одну из двух наиболее продуктивных зон максимального распространения в славянских языках [9, с. 32]. В польском языке данные фамилии, видимо, появились под влиянием белорусской и украинской систем. На территории Белосточчины в XV–XVII вв. отмечено колебание форм фамилий на *-owicz/-* и восточнославянских на *-owicz*; польск. *rz, g* и восточнославянских *r, h*: *Andr(z)ejowicz/Andr(z)ejewicz; Bohdanowic/Bogdanowicz, Bondar/Bundar(z), Bos(z)kowic(z), Cimoszewic(z), Czobotar(z), Gowien/Howejn, Hryszkowic(z), Lachowic(z)* и др., что свидетельствует о переходности АС польско-восточнославянского пограничья.

Фамилии лексико-семантического способа образования составляют в белорусской антропонимии 25 % от всех фамилий [10, с. 50–51]. Такой тип широко представлен в украинском, польском и западноевропейских языках.

Западно-восточнославянский срез выявляется также на уровне антропонимической лексики. Специфика белорусского ареала, как уже отмечалось, состоит в функционировании антропонимов двух АС – православной и католической, что обусловило практически пропорциональное соотношение фамилий от двух форм одного из самых частотных православных и католических имен на исследуемой территории: *Иван* – 61 ед.; *Ян* – 53 ед.

Западно-восточнославянский срез переходности выявляется также в глубокой исторической общности семейной системы шляхетского сословия Польши, Беларуси, Украины и смоленской шляхты, что является отражением культурно-языковой непрерывности в передаче данного типа фамилий [7, с. 52]. Значительная часть фамилий шляхетского сословия белорусского приграничья находит продолжение на территории с польской стороны границы. Многие из этих фамилий репрезентируют общие древние роды ВКЛ, которые в силу исторических условий в настоящее время оказались по разные стороны границы, [11, с. 321].

В рамках *восточнославянского среза* на территории восточного пограничья ярко представлен *руско-белорусский срез* в силу переходного характера белорусских северо-восточных говоров. Наиболее продуктивной в белорусских фамилиях является модель на *-ов/-ев*, составляющая отличительную особенность общерусской АС [10, с. 29–48]. Данный тип фамилий является более поздним образованием, принятым крестьянством преимущественно в XVIII–XIX вв. и свидетельствующим о тесном взаимодействии антропонимии восточной части белорусского ареала с русской АС.

В памятниках XVI–XVIII вв. белорусско-русского пограничья отмечаются примеры колебаний и непоследовательностей в употреблении фамилий, свидетельствующих о переходном характере АС на разных уровнях языка. Так, в области фонетики (вокализма) отмечены параллельные формы,

употребленные одним и тем же писцом, отражающие колебания в аканье-яканье: *Яроним / Героним* 1650 [12, 28, с. 111]; *Дзяняк / Дзеняк* 1746 [12, 30, с. 290, 294]; *Голопуза* 1679 [12, 1, с. 9] / *Галапуза* 1690 [12, 7, 17]; *Kożatiaszyn / Kożetiaaka* 1614 [12, 28, с. 163, 169]; маетности *Сапрыновское*, пан ... *Сапрыновскій / на им. Сапроновичы* [12, 28, с. 119].

В области консонантизма отмечаются примеры, отражающие: колебания в употреблении *р* мягкого и *р* твердого: *Григоря / Григора* 1666 [12, 28, с. 122–123]; *Бондаря* 1679 [12, 1, с. 10] / *Бондара* 1690 [12, 7, с. 178]; *Грябенчык / Грабенчык* 1746 [12, 30, с. 222]; *Крыштоф / Криштоф* 1614 [12, 28, с. 158, 178]; *Крычовский / Кричевском* 1666 [12, 28, с. 115–116]; чередование *ч* мягкого и *ч* твердого: *Качерга / Качарга* 1746 [12, 30, с. 314] (ср. предыдущий пример); смешение аффрикат *ч/ш*: *Szapka Chotolski* 1645 / *Чапки-Хотольскаго* 1645 [12, 28, с. 97]; *Павел Харжевьски / Paweł Charczewski* 1645 [12, 28, с. 100–101]; замена *ф* через *х*, *хв* и *п*: *Chodor / Chwiedzia; Fedora у Chodora* 1614 [12, 28, с. 159, 163]; *Филип* 1623 [12, 23, с. 399] / *Пилип* 1635 [12, 9, с. 218]; чередование аффрикат *дзь/ць* и твердых согласных *д, т*: *Ходкевич* 1614 [12, 28, с. 178] / *Ходзкевичом* 1647 [12, 28, с. 108]; *Девуля / шубник Дзевуля* 1695 [12, 10, с. 34]; смешение *в* и *у* перед согласными: *Навулю / Наврулю* 1614 [12, 28, с. 174–175]; наличие и отсутствие *в* интервокального: *Леон Слижык / Лявон Слижык* 1746 [12, 30, с. 304, 317]; чередование *г* фрикативного и *г* взрывного (о *г* фри-кативном, видимо, свидетельствует написание *х* на месте *г* и *г* вместо *х*): *Дзегцяр* [12, вып. 28, с. 165] / *Дзехцяр* [12, 24, с. 366].

На уровне словообразования отмечены колебания суффиксов *-ович/-ов*: *Млинниковичу / Млинников* 1580 [13, 38, с. 523, 589]; *-ич/-ин*: *Сидора Ермолинича Прялинича / Сидор Ермолинич Прялинин* 158 [13, 38, с. 536]. Отмечается колебание форм фамилий, образованных от прилагательных: *Коротки* 1717 [12, 24, с. 191] / *Короткий* 1730 [12, 2, с. 347].

Продолжительное соседство и сосуществование русских и белорусских говоров обеспечивает постоянное взаимодействие их словарного состава, что находит также отражение в значительном количестве фамилий с диалектными основами, общими для смоленских и белорусских говоров (а часто и для белорусского литературного языка), на что уже обращали внимание исследователи [8, с. 68–69].

Белорусско-украинский срез также выявляется на разных уровнях АС. На фонетическом уровне в памятниках представлены примеры параллельного написания фамилий с гласными *ы* (< в укр. орфографии *и*) / *и*: *Радывил / Радзивилл* [12, 28, с. 230]; *Будылы* 1692 [12, 9, с. 2] / *Будиле* [12, 2, с. 179].

С точки зрения словообразования на территории пограничья отмечены фамилии, образованные от сложных слов по модели: *глагол императив + существительное в им.п.*, которые являются характерной чертой украинской АС. Зафиксирован также фамильный тип на *-енко (-анко, -энко)*, который считается типичным для украинской антропонимии, где он занимает по продуктивности первое место и отличается непрерывностью распространения на всей территории [9, с. 52]. Ядро его максимальной продуктивности в Беларуси, по данным Н. В. Бирилло, находится на белорусско-русском пограничье, в зоне Витебска, где фамилии на *-енко* составляют более 50 % [9, с. 52].

На уровне словообразования переходность территории белорусско-русско-украинского пограничья отражена в колебании суффиксов *-енко/-ович* в одной и той же антропооснове, нередко при наименовании одного и того же лица: *Гришка Микуленка / Гришко Микулинич 1579–1580* [13, 38, с. 43, 260]; суффиксов *-енко/-онок/-ов*: *Артем Поненко / Артем Поненак / Поненков 1579–1580* [13, 38, с. 68, 458].

Балто-славянский срез переходности наиболее ярко и разнообразно представлен в белорусском ареале, где отмечены фамильные типы: *-ойць/-айць (-оец)* < лит. *-aitis*; *-ейка* < лит. *-eika, -eikis, -ейша* < лит. *-eišis, -eiša*; *-ан/-ян* < лит. *-onis*; *-ень* < лит. *-ėnas, -enis, -ienis*; *-ун* < лит. *-ūnas, -аль/-оль* < лит. *-alas, -elis*; *-айла/-ель/-ела/-и (ы)ла* < лит. *-elis*; *-уль* < лит. *-ulis, -уць* < лит. *-utis*. В белорусском ареале широко представлены также фамилии, образованные от древних балтийских двучленных имен. В белорусском ареале нами выявлено наибольшее число антропонимических балтизмов в отношении соседних славянских территорий [11, с. 162–180].

О сложных конвергентных процессах свидетельствуют примеры «смешанного» происхождения фамилий в результате многовекового совместного развития АС родственных языков на пограничных территориях, что отражено в невозможности точно определить, какой из языков послужил источником образования антропонима.

Таким образом, ареально-типологический анализ белорусской АС позволяет ее квалифицировать как переходную, имеющую незамкнутый характер в рамках русско-белорусского, западно-восточнославянского и балто-славянского антропонимического континуума. Общность антропонимических систем Беларуси, Украины, Польши и Литвы, а также Смоленщины обусловлена сходством исторических судеб территорий, входением в состав одних и тех же государственных объединений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Прохорова, С. М.* О переходном характере белорусского синтаксиса / С. М. Прохорова. – Минск : БГУ, 1998. (XII Междунар. съезд славистов. Доклады).
2. *Кожурина, Т. А.* Могилёвские говоры как переходные русско-белорусские (белорусско-русские) говоры / Т. А. Кожурина // Весн. Магілёў. дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. – Магілёў : МГУ, 1999. – № 2–3 (3).
3. *Полетаева, О. А.* Принципы составления регионального синтаксического атласа: переходная русско-белорусская языковая зона (Витебщина – Смоленщина) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01; 10.02.19 / О. А. Полетаева. – Калининград, 2003.
4. *Dacewicz, L.* Obce czy rodzime? W kwestii nazewnictwa na pograniczu polsko-wschodniosłowiańskim / L. Dacewicz // Studia Slawistyczne 1. Nazewnictwo na pograniczach etniczno-językowych. – Białystok, 1999.
5. *Абаев, В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада / В. И. Абаев. – М. : Наука, 1965.
6. *Унбегаун, Б. О.* Русские фамилии / Б. О. Унбегаун; пер. с англ.; общ. ред. Б. А. Успенского. – М. : Прогресс, 1989.

7. *Королёва, И. А.* Словарь фамилий Смоленского края / И. А. Королёва. – Смоленск : СГПУ, 2006.
8. *Королёва, И. А.* Смоленские и белорусские фамилии с диалектными основами // Материалы междунар. науч. семинара, посвященного памяти О. В. Озаровского, Могилёв. гос. ун-т им. А. А. Кулешова, 27–28 февраля 1996 г. – Могилёв, 1996.
9. *Бірыла, М. В.* Тыпалогія і геаграфія славянскіх прозвішчаў / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1988. (X Міжнар. з’езд славістаў. Даклады).
10. *Бірыла, М. В.* Беларуска антрапанімічныя назвы ў іх адносінах да антрапанімічных назваў іншых славянскіх моў (рускай, украінскай, польскай) / М. В. Бірыла. – Мінск : выд-ва АН БССР, 1963. (V Міжнародны з’езд славістаў. Даклады).
11. *Гурская, Ю. А.* Становление антропонимической системы на полиэтнической территории (на материале белорусского ареала) / Ю. А. Гурская. – Минск : Право и экономика, 2016.
12. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске: в 32 вып. / Центр. архив древних актовых книг Витеб. и Могилёв. губерний. – Вып. 1–30. – Витебск, 1871–1906.
13. Акты, издаваемые Археографической комиссией для разбора древних актов: в 39 т. – Т. 1; 5; 7; 14; 17; 21; 28; 29; 38; 39. – Вильна : Тип. А. К. Киркора, 1865–1915.

О. И. Десюкевич (Минск, Беларусь)

ОБРАЗ *HOMO LABORANS* В БЕЛОРУССКИХ ДИАЛЕКТАХ

По данным тематического словаря «Чалавек» в белорусских говорах фиксируется 341 номинация человека, характеризующая его с точки зрения отношения к труду. Из них две номинации описывают человека, не занятого трудом, и являются при этом нейтральными (*слабодны, вольны*), 10 характеризуют человека хозяйственного и обладают позитивной оценкой, 329 используются для номинации человека, уклоняющегося от труда, и окрашены пейоративно [1].

Путем обнаружения семантических моделей [2; 3], лежащих в основе данных номинаций, мы попытаемся выяснить, какие семантические признаки мотивируют данные номинации и в своей совокупности составляют отрицательный образ, который косвенно свидетельствует о содержании прототипа *homo laborans* для белоруса. Мотивационный признак выражен с разной степенью интенсивности в производном слове, при собственно семантической деривации (метафоре) и в исконном (этимологическом) синкретизме значений, в последнем случае семантическая связь может вообще не осознаваться, здесь возникает также вопрос о характере заимствования, переосмыслении – все это требует, безусловно, дальнейших исследований. Мы отметим лишь те мотивационные модели, базовый семантический признак которых подтверждается как на уровне этимологии, так и на уровне семантической деривации.

Положительный образ *homo laborans* составляют следующие признаки: ‘хозяйственный’ (*хазяйлівы, спадарскі, гаспадарлівы, зылец/зыліца*), ‘страстно преданный’ (*апантаны*), ‘практичный’ (*жыццейны*), ‘заботливый’ (*дбайлівы*), ‘сообразительный’ (*прамышлёны*), ‘стремящийся к порядку’ (*тумарнік/тумарніца*).

Номинации, создающие отрицательный образ *homo laborans*, не только многочисленны, но и разнообразны. Мотивирующий номинацию признак составляет внутреннюю форму производного слова (*нераб, нерабацень* ‘тот, кто не работает’, *дзяньгуб* ‘тот, кто теряет день, время’). Семантические признаки, эксплицируемые в результате этимологической реконструкции в одних номинациях и являющиеся основой метафорического переноса в других, т.е. актуализирующиеся на двух уровнях, обладают, с нашей точки зрения, большей степенью достоверности, их совокупность и составляет отрицательный образ *homo laborans*.

1. Самой многочисленной группой являются номинации, мотивированные семой ‘*движение*’.

1.1. ‘бесцельное движение’: номинация *гультай* мотивируется в большинстве этимологических словарей глаголом *гулять*, вместе с тем надо отметить, что Ф. Славский возводит ее к слову **goľ* ‘голый’, а по мнению Ю. А. Лаучюте, в основу данной номинации положена семантика глагола *gulti* ‘ложиться’, отсюда *gultojas* ‘тот, кто лежит, ничего не делает’. Глаголом *гулять* мотивирован целый ряд производных номинаций, среди которых *гуляка, гульбес, нагула, гульнівы*. Тот же семантический признак лежит в основе номинаций *лында, лындуліна* (от лит. *lindėti* ‘ходить из одного места в другое’), *дында, дындань* (ср. лит. *dinda, dinduoti* ‘ходить без дела’), *дрында* (ср. пол. *dryndać* ‘ходить без дела’) [4]. Сема бесцельного движения актуализируется в оценочных номинациях с эксплицитной внутренней формой *валацуга, брында, шлында, совалка, сованка, пабадзай, пацягайла, заблуда* и др. В этом же ряду следует отметить номинацию с ложной этимологией *валантыр, валантырка* – результат переосмысления англ. *volunteer* на основе сближения с глаголами *валачыцца, валэндацца*;

1.2. ‘движение медленное, вялое’: *ляны* из прасл. **lepъ* ‘спокойный, медлительный’, а также его многочисленные однокоренные слова *лянівы, ленаваты, аблянелы; лайдак, лайдачына* (от в.-нем. *landern*, в котором значение ‘бесцельно ходить’ вторичное, производное от ‘медлить, бездействовать’, на что указывает также лтш. *laidaks* ‘увалень, неуклюжий’); *агурэнь* (в рус. и укр. *огурный* имеет значение ‘упрямый, непослушный’, однако в балтийских языках – в лит. *gura*, лат. *gurat* – актуализируется сема медленного движения); *калуш* (предполагается, что эта номинация восходит к *калупша* ‘медлительная женщина, не обладающая умениями’); *пацюпайла* (от лит. *šiuventi* ‘медленно идти, медлить’).

1.2.1. С последним признаком в единый семантический комплекс сливаются признаки ‘неподвижный’ и ‘крупный, неповоротливый’, которые мотивируют номинации: *лайбус* (от *лайба* ‘большой воз для перевозки сена’ > ‘корова с большим животом’ > ‘очень крупная здоровая женщина’ > ‘ленивый, малоподвижный’), *лантух* (‘большой мешок для сена’ > ‘человек

с большим животом' > 'лентяй'), *бамбіза* (ср. пол. *bombiza* 'толстый, брюхатый'), *атланка* ('крупная ленивая женщина'), *нярэпа* (ср. лит. *perėpa* 'обжора') и 'предпочитающий оставаться дома': *няывалака*, *заўгольнік*, *хатніца*.

1.2.1.1. Часть номинаций прямо указывают на склонность такого человека к лежанию: *абібок*, *лежань*, *завала* и многочисленные однокоренные, часть метафорически уподобляет 'колоде, пню': *біндус* (контаминация литуанизма *біндзюк* 'лентяй' и нем. *bindas* 'топор'), *баглай* ('кусочек дерева' > 'неповоротливый' > 'лентяй'), *памок* ('колода, которая долго лежит в воде'), *какора* ('старая береза' > 'бревно с кривым загнутым концом'), *апока* ('тяжелый предмет, бревно' > 'пьяница' > 'лентяй').

2. Меньшее количество номинаций объединены общей семой '**быть несерьезным**':

2.1. Поведение человека, не проявляющего серьезного, ответственного отношения к жизни и позволяющего себе свободное проведение досуга, подвергается осуждению: *лаштай* (ср. серб. *ластовати* 'жить привольно'), *беззаботніца*, *цымбал*, *апікур* – возможно, существует связь с Эпикуром или мотивировано названием игры *пікары* типа городки (ср. лит. *apikuras*); такой человек подобен ребенку: *ляля* ('не приученная к работе девочка'), *бульбяшнік* ('тот, кто живет за счет родителей').

2.2. Здесь же, очевидно, следует указать очень немногочисленную группу номинаций человека, избегающего тяжелого труда, предпочитающего занятие, которое носителями диалектов рассматривается как имитация деятельности и осуждается: *сачок* (от рус. 'то, чем ловят рыбу'), *манкірант* 'инструмент для проведения на грядках рядов', *лучнік* (сокр. от *лучыннік* 'тот, кто занимается освещением в помещении').

2.3. Сюда же отнесем группу номинаций, мотивированных глаголами речи: *балажнік*, *пабаўня*, *рэйда* (возможно, от *рэйдзіць* 'ходить без дела', возможно, от *рэйдаць* 'говорить ерунду, болтать'), *брус* (предположительно от *брусіць* 'лгать, болтать, пьянствовать'), *блаўкіня*.

3. Группа номинаций с общим признаком '**слабый, плохого качества**': 'сломанный': *зломак*, *ламацень*, *ламіна*; 'слабый, больной': *апоўзлік* ('непослушный ребенок' > 'слабый, никчемный' > 'лентяй'), *лядашчы* ('тот, кто плохо себя чувствует, капризный, избалованный, испорченный, ленивый'), 'бесхарактерный': *лярва* ('личинка' > 'бесхарактерная, слабая натура' > 'лентяй').

Выявленные признаки, составляющие отрицательный образ *homo laborans*, можно найти и в употреблении номинаций в текстах, анализ последних позволяет не только обнаружить уже выявленные семантические признаки, но и дает несколько новых штрихов к портрету человека, уклоняющегося от труда, и более точно очерчивает прагматический ореол номинаций.

Рассмотрим лишь несколько примеров употребления номинации *гультай*. Первый контекст позволяет отметить в образе персонажа связь лени и бесцельного движения, а также обнаружить концептуализацию, согласно которой быть ленивым – это постоянно присущее человеку качество, которое

формирует его сущность: *Разам з задаволенай нянавісцю згасла і энергія – Андрэй Шыбянкоў ураз вытхаўся, як адкаркаваная пляшка эфіру, і астаўся ад яго нікчэмны гультай, ушчэнт раздуроны бязладна-вальготным жыццём валацугі* (М. Зарэцкі).

В качестве прототипа труда выступает исключительно физический труд, поэтому номинация *гультай* может быть применена к человеку любого его вида: *Аўсееў-то сапраўды паніч, распешчаны ў дзяцінстве беларучка, майстра на навуку і гультай у працы* (В. Быкаў). В текстах поддерживается выраженная в диалектах концептуализация человека, избегающего тяжелого труда, предпочитающего более приятное занятие: *А меншы сын такі гультай удаўся, хоць ты яго з хаты гані. Дзень і ноч сядзіць з вудаю на рэчыцы, за гаспадарку ані не бярэцца* («Стралец і рыбак». Беларуская народная казка).

Ту же оценку получают люди, работающие на земле, но нарушающие заведенный порядок, выполняющие работу не вовремя: *Во было б смеху, калі б у канцы лістапада нейкі гультай і недалэнга выйшаў з плугам на поле! З надыходам прымаразкаў людзі мелі безліч іншых турбот і клопатаў* (В. Гардзей).

В прагматическом отношении отметим, что, при общей неодобрительности контекстов употребления номинаций, в выражении осуждения формируются определенные градации: *гультай* – хуже, чем несерьезный, шутник, трепло: *Петрука Зайца пры ўсіх яго дзівацтвах не трэба, аднак, дужа ганіць і бэсіць: балбатун, трапло, ды не гультай, весялун, штукар, ды не цюхай бязрукі* (В. Гардзей).

Отрицательный образ *homo laborans* осложняется ассоциативными семантиками 'лишенный энергии', 'расслабленный отсутствием порядка'; его внешний образ соответствует выявленному на основе мотивационных моделей – лентяй изображается полным, уставшим от лежания: *«Гультай, несусветны гультай – таму і мяса ня сцёгнах столькі нарасло», – пад'юшчвала сына свякроў* (В. Адамчык) – или абсолютно неподвижным, нечувствительным к каким-либо вынуждающим к поступкам событиям: *Або: гультай як грамадзкае паняцце? Што людзі – як тыя валуны, удзірванелыя, якія не варушацца і ў буры з пярунамі? Маланка смаліць такому па хрыбце, ажно дым ідзе зь яго, а ён ляжыць сабе й нават не пачухаецца* (С. Яновіч).

Выделенные признаки, высокая степень выраженности в них прагматической составляющей и собственно преобладание в анализируемой группе слов, создающих отрицательный образ *homo laborans*, свидетельствуют о важности труда для белорусского традиционного сознания, недопустимости уклонения от него или замены на более легкое занятие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чалавек: тэматычны слоўнік / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; склад. В. Дз. Астрэйка [і інш.]. – Мінск, 2006.
2. Толстая, С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира / С. М. Толстая // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 1 (3). – С. 112–127.
3. Топоров, В. Н. Из индоевропейской этимологии. V (1) / В. Н. Топоров // Этимология 1991–1993. – М., 1994. – С. 126–153.

4. *Лаучюте, Ю. А.* Словарь балтизмов в славянских языках / Ю. А. Лаучюте. – Л., 1982.
5. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – М., 1986.
6. *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы.* Т. 1–13. – Мінск, 1978–2010.
7. *Brückner, A.* Słownik etymologiczny języka polskiego / A. Brückner. – Warszawa, 1898.
8. *Długosz-Kurczbowa, K.* Wielki słownik etymologiczno-historyczny języka polskiego / K. Długosz-Kurczbowa. – Warszawa, 2008.

О. А. Полетаева, М. Томотака (Минск, Беларусь)

БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ О ЯПОНИИ

Язык, являясь отражением культурной ментальности нации, содержит национально-культурный код, в котором может быть выделена особая часть, отражающая связь языка и культуры. Внимание к особенностям знаний и представлений о мире, отраженным в языковой картине мира, является одним из приоритетов современной лингвистики. Знание культурологической информации, представленной в текстах различного типа, и умение грамотно интерпретировать ее особенно важны в процессе межкультурной коммуникации.

Наиболее ярко взаимосвязь языка и культуры представлена на лексическом уровне, поскольку номинативные средства языка находятся в наибольшей связи с внеязыковой действительностью. Безэквивалентная лексика представляет собой в основном обозначения специфических явлений местной культуры. При заимствовании данный класс слов рассматривают как экзотизмы, которые часто не только отражают чужую культуру, но и становятся ее знаками, символами.

Для выявления национально-культурного компонента в текстах по туризму в Японии нами были отобраны четыре текста различной тематической направленности: «Киото – древняя столица Японии», «Особенности национальной кухни Японии», «Икебана – искусство цветочной аранжировки Японии», «Театр Японии», которые отражают разные аспекты культуры, интересующие туристов. Выбор тематически разных текстов и их последующее сопоставление, создание гипертекста обеспечивают наиболее адекватное представление культуры Японии в текстовой картине мира.

Национально-маркированные языковые единицы (безэквивалентные, коннотативные, фоновые), функционирующие в пространстве текстов различных типов, аккумулируют в них национально-культурный компонент.

Стратификация культурно-маркированной лексики в составе изучаемых текстов позволила выделить следующие классы слов: 1) собственно русские слова (непроизводные и производные, образованные в русском языке на базе русских производящих основ (*ткань, искусство, свиток*)); 2) слова, образованные с использованием русских словообразовательных формантов

от иноязычных основ (*буддистский, бабмуковый, императорский*); 3) слова, заимствованные из языков европейского ареала: греческие (*кукла, каллиграфия, живопись*), латинские (*ритуал, текстиль, скульптура, навильон*), французские (*костюм, фестиваль, ансамбль*); 4) слова-варваризмы-экзотизмы, заимствованные из японского (*кимоно, микоси, сакура*); 5) имена собственные, отражающие культурно маркированные реалии Японии (*Кинкаку-дзи (золотой навильон), Гион Мацури (фестиваль)*).

Одним из аспектов анализа стало выявление безэквивалентной лексики и описание способов достижения эквивалентности при передаче их значений на русском языке. Предметом анализа стали 213 имен собственных и 176 безэквивалентных лексем.

Собственные наименования являются носителями национально-маркированной информации и часто представляют собой прецедентные феномены. Среди функционирующих в анализируемых текстах имен собственных можно выделить несколько групп – топонимы: *Бива* (озеро), *Киото* (город), урбонимы: *Маруяма* (парк), *Иватаяма* (парк обезьян), *Ниномару* (сад), антропонимы: *Камму* (император) *Нобунага* (полководец) *Юкио* (писатель) и некоторые другие. В наибольшей степени представлены имена из следующих тематических групп: «Названия сооружений»: *Тогецукё* (мост), *Кацура* (императорская вилла), *Фусими* (замок), *Хамагури* (ворота) – 26%, «Названия географических объектов» *Камакура* (город) – 27%.

Имена собственные – антропонимы в совокупности составляют значительную часть выборки и представляют собой как имена реальных политических (императоры *Камму, Мейдзи*, полководец *Нобунага*, сёгун *Токугава*) и культурных (композитор *Рютацу*, поэт *Бусон*, писатель *Юкио*) деятелей – всего 40 номинаций, так и персонажей театральных произведений разбойник *Гоэмон*, монах *Эйкан* – всего 9 номинаций.

Авторы текстов о Японии данный класс слов передают, как правило, посредством ресурсов русского алфавита, отмечены единичные случаи фиксации имен собственных при помощи латинских букв (*Hikari, Kodama, Shugakuin-misni*).

Далее мы провели тематическую классификацию безэквивалентных лексем. Нами были выделены 11 тематических групп, среди которых наиболее многочисленными стали «Кухня Японии», «Театр Японии», «Ингредиенты», «Искусство» и «Архитектура». Результаты анализа систематизированы в таблице.

Т а б л и ц а

Тематическая стратификация безэквивалентной лексики

Тематическая группа	Количество единиц (%)	Примеры
1. Кухня Японии (наименование блюд, напитков, сладостей)	55 (31)	<i>нихонрё:ри, васёку, Бэнто, Кайсэки</i>
2. Театр Японии	51 (29)	<i>пантомима Гигаку, танец Бугаку, театр кабуки</i>

3. Ингредиенты (наименование продуктов и соусов)	18 (10)	<i>рис сорта мотигомэ, морские водоросли под названием нори, амаэби (сладкие креветки)</i>
4. Искусство (наименование искусства, стилей и приборов икебаны, эстетические выражения и т.д.)	15 (8)	<i>тядо (чайная церемония), поэзия хайку, морибана (цветы, сложенные на плоском контейнере), ваби (эстетическая категория)</i>
5. Архитектура (наименование зданий и конструктивных частей сооружений) и ландшафтный дизайн	10 (6)	<i>ходзё (жилище настоятеля) фусума (сдвижные панели) каре-сансуи (сухой ландшафтный сад), сад дзен</i>
6. Политика, социальная структура, история	7 (4)	<i>кугэ (японский аристократ), сёгунат, харакири</i>
7. Обыденные предметы (наименование одежды, предметов обихода и т.д.)	6 (3)	<i>палочки для еды – хаси, горячее полотенце осибори, японский столик катацу с подогревом</i>
8. Религия	5 (3)	<i>микоси (переносная кумирня), обон (религиозный праздник)</i>
9. Природа (наименование растений) и деятельность, связанная с природой	5 (3)	<i>фестиваль любования цветами (ханами), хаботан (цветы капусты)</i>
10. Заведения общественного питания	3 (2)	<i>изакая (бар-паб)</i>
11. Транспорт	1 (1)	<i>синкасен</i>
Всего	176 (100)	

В результате анализа мы пришли к выводу, что национально-культурный компонент в текстах о Японии находит свое выражение прежде всего при описании таких специфичных для этой страны денотативных сфер, как кулинария, театральное искусство, архитектура, икебана.

Далее мы проанализировали, как авторы русскоязычных текстов о Японии передают семантику безэквивалентных единиц. Исследование проблемы лексической безэквивалентности является одной из самых важных для переводоведения. Безэквивалентная лексика, как правило, вызывает наибольшую трудность при переводе на иностранный язык, так как подобрать однозначный словарный эквивалент в таком случае оказывается невозможным. Поэтому для передачи подобного рода лексики необходимы дополнительные переводческие трансформации. Анализ проводился на фоне данных словаря. Следует отметить стремление пишущих максимально точно передать все нюансы значения и национальный колорит, поэтому они, как правило, используют комплексные методы передачи национально-культурной информации. Более того, часто словарь не фиксирует безэквивалентные

лексемы, представленные в текстах, в то время как их составители стремятся наиболее точно и доступно передать национально маркированный компонент текста.

Мы зафиксировали несколько переводческих стратегий: 1) использование одного способа, причем наиболее частыми из них выступают: транскрипция *мандара* → *мандала*, транслитерация *сакура*, генерализация *икэбана* → *аран-жировка цветов*; 2) комбинация из двух способов: транслитерация + аналог *гидаю* → певец–сказитель *гидаю*, транслитерация + описательный перевод *фусума* → *фусума* (сдвижные панели), транслитерация + калькирование *хондо* → *хондо* (главный зал); 3) комбинация из 3 способов, например транслитерация + аналог + описательный перевод: *окономияки* → *оконо-мияки* – пряная лепёшка, наполненная любым количеством продуктов (как правило, капустой и свиной). Авторские стратегии передачи значения безэквивалентных единиц анализировались на фоне данных переводных словарей, что позволило выявить единицы, не зафиксированные лексикогра-фами (например, *тонкацу* – панированная и хорошо прожаренная во фритюре свиная котлета). Подводя итоги, необходимо отметить, что каждый из описанных способов имеет свои достоинства и свои недостатки, знание которых поможет переводчику выбрать оптимальный вариант перевода, исходя из учета функции текста, информированности получателя перевода и т.д.

Интересно, что составители текстов о Японии иногда не в полной мере владеют информацией о национально маркированных единицах языка, что иногда приводит к переводческим ошибкам, которые, как правило, обусловлены разницей фонологических систем: *карен-сансуи* – верный вариант *карэ-сансуи*, *кокё* – верный вариант *кокую*, *хамбагау* – верный вариант *ханбагу*, *ёсанабэ* – верный вариант *ёсэнбэ*, *кэдзан* – верный вариант *кэндзан*

Изучение текстов показало, что передача безэквивалентной лексики, которая включает в себя национально-культурный компонент, является сложной проблемой, поскольку перед переводчиком всегда стоит проблема выбора между калькированием и разъяснительным, описательным переводом. Этот выбор не может быть закреплён какой-либо универсальной переводческой нормой, а основан только на степени мастерства и вкуса переводчика. Знания национально-маркированной лексики выступают как необходимый компонент лингвистических знаний, они позволяют языковой личности выйти за пределы собственной культуры и приобрести качества, отмеченные различиями национально-культурных картин мира.

Секция I

ЯЗЫКОВАЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА

А. Ю. Корнеева (г. Москва, Россия)

ОЛИГАРХ: СЛОВО И КОНЦЕПТ

Начиная с конца 80-х гг. ушедшего века и по настоящее время русский язык становился сферой действия активных языковых процессов, под которыми следует понимать явно выраженные на исторически коротком временном отрезке (от нескольких до двух-трех десятков лет) разноуровневые и разнокачественные динамические языковые явления, последовательное развитие которых нередко приводит к изменениям языковой нормы. Активные процессы наиболее интенсивно и отчетливо проявляются в лексической системе языка, в частности, в форме появления новых значений (лексико-семантических вариантов) давно существующих в русском языке слов и эквивалентных им словосочетаний [1; 2].

Слово *олигарх* появилось в русском языке в XIX в. как заимствованное из греческого (*oligarches*) [3, с. 387]. В XX в. функционировало в русском языке как двузначное: (1) правитель олигархии, т.е. существовавшего в древности или в Средние века государства, основанного на господстве аристократической верхушки; (2) империалист, представитель монополистического капитала [4, с. 411–412]. В 1996 г. в России слово *олигарх* вошло в самый широкий обиход в новом своем значении, которое вплоть до настоящего времени не является чётко сформулированным и общепринятым. На наш взгляд, *олигарх* – это крупнейший или крупный собственник средств производства (в России и на постсоветском пространстве). Словосочетания *российский олигарх*, *украинский олигарх* и т.п. в языке современных российских СМИ употребляются часто. При этом в современной России не принято называть олигархами крупнейших западных собственников средств производства (их чаще всего называют миллиардерами).

Слово *олигарх* в новой своей интерпретации, будучи употребленным в форме множественного числа, объединяет в себе значения множественности и собирательности, т.е. может именоваться как любую по численности группу представителей данного социального слоя, так и всех его представителей в целом, рассматриваемых как некое единство.

Всякое новое языковое явление (в данном случае – новое значение слова *олигарх*) для более глубокого его понимания следует рассматривать в трехуровневой системе: объективный (внешний) мир ↔ человеческое сознание (концептуально-понятийный или ментальный уровень) ↔ язык (языковой уровень). Новое явление, возникшее в объективном мире, отражается в сознании в форме концепта или понятия, а затем закрепляется на языковом уровне.

Понятие есть существующий в индивидуальном сознании и сформированный на основе познавательной деятельности человека мысленный образ материального или идеального объекта (предмета, явления, процесса, их свойств и признаков), неразрывно связанный в сознании с соответствующим языковым знаком – словом или словосочетанием, эквивалентным слову. К категории концептов относятся наиболее сложные понятия, субъективно значимые для отражающего субъекта – конкретного человека [5; 6].

Концепты и понятия можно рассматривать в качестве элементов не только индивидуального, но и массового сознания – группового (коллективного сознания какой-либо профессиональной и/или половозрастной группы), социально-классового (коллективного сознания того или иного общественного класса или слоя), национального (коллективного сознания нации или соотносимого с нацией социального коллектива) и, наконец, на уровне общественного сознания (коллективного сознания людей, проживающих в пределах (границах) единого государственного образования). Применительно к конкретно-историческим условиям современной России понятия национального и общественного сознания являются очень близкими, почти синонимичными.

Для изучения языковых явлений наиболее значимым является их рассмотрение во взаимосвязи с их отражениями на уровне общественного (национального) сознания. К примеру, для того чтобы положительная или отрицательная оценка какого-либо объекта, явления или процесса закрепились на языковом уровне, стала фактом языка, необходимо, чтобы именно такой отзыв прочно укрепился в структуре общественного (национального) сознания. Данные о состоянии общественного сознания в тот или иной период времени содержатся в материалах общенациональных социологических исследований, поэтому эти материалы можно рассматривать в качестве ценнейших лингвистических источников [6].

Олигархи как особый социальный слой появились в России в первой половине 90-х гг. ушедшего века не в результате естественно-исторического процесса развития отношений собственности на средства производства, а в ходе приватизации, которую до настоящего времени значительная часть россиян считает незаконной и именуется *прихватизацией*. Численность российских олигархов невелика (десятые доли процента от всего населения), однако их экономическое и политическое влияние значительно. Не случайно сложившийся российский капитализм называют олигархическим (или криминально-олигархическим).

В июле 2003 г. одна из известных российских статистических организаций – Фонд «Общественное мнение» – провела широкомасштабный опрос россиян об их отношении к олигархам. Подавляющее большинство респондентов (59 %, при 33 % затруднившихся ответить) были убеждены, что олигархи приносят своей стране больше вреда, чем пользы. А каждый четвертый из опрошенных по сути поставил знак равенства между словами *олигарх* и *преступник* [7]. В том же 2003 г. ученые Института комплексных

социальных исследований Российской академии наук (ИКСИ РАН) в сотрудничестве с представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ провели два общероссийских социологических исследования, направленных на изучение динамики социальной структуры российского общества. Один из немецких ученых (Якоб Фрухтман), принимавший непосредственное участие в этих исследованиях, отмечал, что «слово олигарх в России сегодня (т.е. в 2003 г. – А. К.) сродни ругательному» [8]. Таким образом, можно утверждать, что в 2003 г. в общественном сознании россиян концепт «олигарх» имел явно выраженную негативную окраску. Более того, негативное отношение россиян к олигархам как социально-экономическому явлению закрепилось на языковом уровне в форме наличия явно выраженного негативно-оценочного компонента в семантической структуре слова *олигарх*. Интересен вопрос о том, сохранился ли компонент негативной оценки в слове *олигарх* до сегодняшнего дня. Обратимся опять к материалам социологических исследований. В последние годы Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провел серию опросов населения, в ходе которых среди прочих ставился вопрос и об отношении россиян к олигархам. В начале марта 2017 г. гендиректор ВЦИОМ Валерий Фёдоров, опираясь на данные этих опросов, заявил, что «отношение россиян к присвоившим общенародную собственность олигархам по-прежнему остается резко негативным». Россияне считают, что олигархов в стране «быть не должно, а прихваченную собственность надо вернуть государству» [9]. Точная цифра количества россиян, отрицательно относящихся к олигархам, не озвучивается, но из контекста выступления В. Фёдорова следует, что таких россиян подавляющее большинство (т.е. эта цифра в сравнении с 2003 г. выросла).

Таким образом, можно констатировать, что (1) на языковом уровне вплоть до сегодняшнего дня сохраняется явно выраженный компонент негативной оценки в семантической структуре слова *олигарх*; (2) на ментальном уровне усиливается негативная составляющая в содержательно-оценочной структуре концепта «олигарх», существующего в общественном сознании россиян; (3) на уровне объективной действительности в условиях затянувшегося экономического кризиса идет нарастание и углубление противоречий между олигархами и остальным населением России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнеева, А. Ю. Отражение активных процессов в русской экономической терминологии новейшего периода в нетерминологических источниках / А. Ю. Корнеева // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры. – М. : Изд-во «Элпис», 2006. – С. 727–737.
2. Корнеева, А. Ю. Активные процессы в русской экономической терминологии последних десятилетий / А. Ю. Корнеева // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. – 2008. – № 5. – С. 54–63.

3. *Климова, М. В.* Большой этимологический словарь русского языка / М. В. Климова – М. : Дом славянской книги, 2016. – 960 с.
4. *Ожегов, С. И.* Словарь русского языка. – 10-е изд., стереотип. / С. И. Ожегов. – М. : Совет. энцикл., 1973. – 846 с.
5. *Корнеева, А. Ю.* О становлении когнитивной лингвистики как самостоятельной научной дисциплины // Русское слово в мировой культуре. X конгресс МАПРЯЛ: пленарные заседания: сб. докл. Т.1. / А. Ю. Корнеева, под ред. Е. Е. Юркова, Н. О. Рогожиной. – СПб. : Политехника, 2003. – С. 250–255.
6. *Корнеева, А. Ю.* Материалы социологических исследований как лингвистический источник / А. Ю. Корнеева // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. – 2015. – № 3. – С. 9–18.
7. Олигархи как понятие [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://bd.fom.ru/report/cat/soc_gr/rich_poor/dd032833. – Дата доступа : 25.03.2017.
8. *Королёва, Н.* Почему в России не любят олигархов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dw.com/ru/a-1362221>. – Дата доступа : 26.03.2017.
9. ВЦИОМ: «Россияне мечтают раскулачить олигархов» // Свободная Пресса. – 2017. – 3 марта [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://svpressa.ru/society/article/167513>. – Дата доступа : 24.03.2017.

М. Р. Арпентьева (Калуга, Россия)

МЕТАФОРЫ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

Метафоры динамического, трансформирующегося мира, метафоры как маркеры перемен, – обозначающие различные миры и времена, их смещения и перемещения, зоны пограничья и приграничья, взаимного преобразования, – важная часть свершающихся или намечающихся переходов. Эти переходы – между мирами и временами – изменяют и сами метафоры, жизнь которых порой оказывается, в отличие от понятий, довольно короткой. Судьба метафоры строится между двумя возможностями: одна, более вероятная, – возможность исчезнуть, выполнив свое предназначение, в том числе – разрушить те или иные «лоскуты» реальности и/или интегрировать противоречащие друг другу лоскуты в единое целое; вторая, менее вероятная, – стать понятием или концепцией, образовав свое пространство-время реальности, свой «лоскут», занимающий место среди иных «лоскутов». Каждая метафора – зародыш или обозначение интенции, которой люди, события, концепции следуют на пути к самим себе, друг другу к гармонии как к разрешению кризиса и нахождению оптимального баланса, точки отсутствия противоречий между разными «лоскутами» реальности.

На пути к разрешению противоречий человек преодолевает отчуждение от себя и мира, преодолевает лиминальность. Он учится осмыслять перемены в себе и мире, признавая их бытие и право на изменение. Узнавание себя и других в том или ином нарративе, узнавание себя и друг друга участниками нарратива, их самопонимание и понимание других людей – процессы, которые могут быть практически параллельными.

Условием является семантический резонанс: в процессе построения, трансформации и/или изучения нарратива происходит поиск сходного содержания между сочиняемым/изучаемым/изменяемым нарративом и описываемым им «лоскутом» реальности и другим нарративом, привычным компонентом привычного жизненного мира: фрагмент («лоскут») образа мира резонирует с фрагментом (вос)создаваемого мира, возникает семантический (смысловой) резонанс, благодаря которому «распаковывается», актуализируется новое, продуктивное и более точное понимание происходящего. «Трансдеривационный поиск» – поиск соответствия актуальной ситуации и фрагментов жизненного опыта, так или иначе фиксированного в языке. Он осуществляется через смысловой резонанс, который, как правило, сопровождается чувством понятности (узнавания и прояснения, децентрации и перецентрации и т.д.). Когда в резонанс вступают фрагменты переживаний или образа мира, которые соотносятся с проблемами или жизненными целями человека, им переживается значимость ситуации и опыта, раскрытие сокровенных смыслов – уровней бытия, ранее не доступных его пониманию, возникают новые метафоры – предвестники и предшественники новых парадигм жизнедеятельности, происходит формирование новых, более продуктивных ролевых, ценностных и т.д. моделей.

Создание и коммуникация метафор пропорциональны открытости между сознательным и бессознательным у человека. Процессы метафорической коммуникации для обычного человека – важный способ и канал осмысления того, что запрещается, отчуждается по тем или иным причинам, и, будучи отчужденным, становится причиной нарушений. Для специалиста процессы метафорической коммуникации становятся важной частью научного исследования и помощи. На каждом отдельном временном этапе в каждом отдельном пространстве («лоскуте») реальности миф как система концепций о себе и мире рано или поздно в том или ином месте становится столь избыточным, что перестает быть продуктивным, тормозя осмысление нового опыта и развитие личности и окружающего мира. Чтобы преодолеть связанные с этим процессом неконструктивные способы самозащиты, сделать более подвижными выработанные в ходе предыдущего профессионального и общего жизненного опыта структуры-схемы и процессы-стратегии понимания себя и мира, становится необходимым метафорический язык, интегрирующий в себе ценностное отношение человека к себе и миру, а также способы воплощения этого отношения в реальной жизни – в процессе осмысления происходящего и общения с другим человеком. Метафоры в итоге становятся маркерами и триггерами перемен: ничто не действует порой так сильно, как метафора, примененная и/или уловленная общающимися. При этом ее понимание есть деконструкция полилога «слабых» и «сильных» голосов [1; 2]. Каждая из возможных стратегий понимания – опирающаяся на сильные и/или слабые сигналы или голоса – выступает как совокупность способов понимания себя и другого человека, мира. При использовании и осмыслении метафор каждая стратегия выступает, с одной стороны, как относительно равноценная, позволяющая достигнуть той или иной – желаемой – глубины или «высоты» анализа феноменов

внутреннего и внешнего миров и, с другой – как обладающая заведомо разным диалогическим и экологическим потенциалами. В практиках речевого общения, связанных с исследованием нарративов и структурирующих их метафор и понятия, например, в психотерапии, человек имеет возможность оценить и освоить стратегию, поддерживающую «слабые» голоса, ориентированную на диалог, возвращающий человека к самому себе и к миру, помогающий принять перемены во всей их полноте, трансформировать интенции жизнедеятельности. В повседневности обычно преобладают стратегии, эти голоса игнорирующие, в результате чего возникает монолог, и, вслед за ним, отчуждение человека от мира и самого себя, стремление препятствовать переменам, принимая лишь те их фрагменты, которые соответствуют имеющимся интенциям.

Вообще говоря, маркеры и триггеры перемен могут быть весьма интенсивными, эксплицитными, связанными и декларируемыми ценностями и целями пациента и/или его системы отношений. При этом они формируются в виде понятий, обладающих более или менее фиксированными социальными значениями и личностными смыслами. Они могут быть и слабыми, скрытыми, в том числе, связанными с имплицитно существующими, но до определенного момента не проявленными характеристиками системы. Они оформляются в виде метафор и возникают в диалоге с психотерапевтом и другими людьми. Метафоры – наиболее яркие сигналы – предвестники серьезных изменений во внутреннем и внешнем мире, а также наиболее мощные триггеры этих изменений, позволяющие трансформировать внутренние интенции личности/группы/ситуации. Активная и точная идентификация и использование метафор не только позволяют прогнозировать «непрогнозируемое», но и вмешиваться в течение процессов, корректируя их с наименьшей затратой сил, ресурсов материального, психического и духовного типа. Их особенность заключается в том, что даже минимальные изменения параметров приводят к непропорционально значительным изменениям в поведении всей системы: эти сверхчувствительные зоны принято именовать «границами хаоса» [2; 3].

Однако найти в окружающем мире «чистый хаос» непросто, так же как сложно найти абсолютный порядок. Вместо ограниченной сложной адаптивной системы, окруженной хаосом, исследователи, как показали работы Г. Бейтсона, В. Лефевра, И. Пригожина и других, имеют перед собой безграничную сложную гетерогенную и адаптивную среду, которая похожа на бескрайнее «лоскутное одеяло», в котором сосуществуют несколько времен, несколько пространств [4; 5]. Отдельные «лоскуты» системы – области большей или меньшей гомеостатической устойчивости. Однако и сама «устойчивость» бывает, как минимум, двух видов: устойчивость порядка и покоя и устойчивость кризиса и беспорядка.

В «дырках» каждого лоскута (смысловых пробелах), а также на границах соприкосновений лоскутов, «ткань» того или иного фрагмента социальной и личностной реальности / сложной системы оказывается разорвана. Там присутствует «относительно чистый» хаос как полная неопределенность: упорядочивающие силы здесь не действуют или действуют

иначе, в том числе, в направлении увеличения хаоса. «Границы хаоса» можно назвать «границами порядков»: они находятся на стыках лоскутов, в местах соединения и взаимодействия областей упорядоченности и гомеостатической устойчивости [6; 2; 3; 7].

В этих стыках происходит конфликт и взаимодействие двух (или большего числа) соседних порядков: находящиеся в них «точки» личностной или социальной реальности попадают под конфликтующее влияние одновременно двух или нескольких гомеостатических систем, что создает в них особую «напряженность», сравнимую с остротой пограничного перехода между двумя враждебно настроенными странами: один порядок противоречит, враждебен другому, а там, где два порядка соприкасаются, возникает напряжение и пристальное взаимное внимание, развивается непропорциональная чувствительность даже к незначительным событиям («провокациям»). Здесь проявляются нелинейные, рекурсивные характеристики, на которые указывал один из создателей теории сложных систем Эд. Лоренц [8]. Эти зоны можно назвать пограничными или мерцающими, подчиняющимися описанному Лоренцем эффекту бабочки. Общими характеристиками «мерцающих зон» или «областей столкновения порядков» являются дезадаптивность, неустойчивость/изменчивость, нестабильность жизненного цикла и способность усиливать или ослаблять экспансии «зон порядка». В пограничных зонах или «швах» между «лоскутами» социальной реальности области порядка активно сталкиваются, возникают уникальные свойства «мерцающих зон». Например, «сверхчувствительность» когнитивных структур к своей периферии, «чувствительность к проблемам» этой периферии, а, значит, и всего «лоскута» – понятия, концепции процентируемых и (ре)конструируемых ими социальных феноменов и объектов т.д. [3; 7]. При этом в дискурсе любого взаимодействия присутствуют два вида механизмов: 1) предназначенные для представления и фиксации понятий и концепций, а также связанных с ними областей социального порядка («значения» и «понятия»); 2) существующие для взаимодействия, столкновения когнитивных структур и их совокупностей в «мерцающих зонах» («смыслы» и «метафоры»). Метафоры, как и строгие понятия, могут обозначать одни и те же фрагменты реальности – одни и те же «мерцающие зоны». При этом они имеют разную «индикаторную ценность». Общие признаки «индикаторной ценности» и разделенности метафор таковы: многократное повторение метафоры в различных обстоятельствах разными людьми; метафора повторяется не буквально, а видоизменяется с сохранением смысла; наконец, она распространяется [2].

Однако, помимо порожденных людьми искусственных метафор, существуют и естественные, создаваемые потоком социально значимых событий и указывающие на «мерцающие зоны», существование которых еще не осознается, а проявляются они как «странные совпадения», «ирония судьбы», «джокеры», в практически не связанных как в пространстве, так и во времени между собой событиях – синхронизмы как проявления

коллективного бессознательного: сюжеты событий метафорически тождественны [2]. Через синхронии внешне не связанных между собой событий, коллективное бессознательное «указывает» на появление «мерцающих зон» социальной реальности, в которой происходят значимые события. Обычно слабые сигналы легко затеваются другими факторами, включая ожидания тех, кто пытается заниматься прогнозами. Они настолько малы, что легко прячутся среди более сильных, но irrelevantных факторов или считаются несущественными для статистических и логических экстраполяций. На самом деле, их обнаружение – выявление/детекция и правильное толкование – осмысление – могут стать вопросом успеха или поражения перехода/трансформации. В стыках реальности, пограничных или «мерцающих зонах» находятся точки, воздействуя на которые можно изменить события.

Для увеличения вероятности и интенсивности нужного эффекта вмешательств в эти зоны можно прибегать к методам повышения их «индикаторной ценности»: многократное использование языковой или событийной метафоры, ее варьирование с сохранением сути и широкое распространение контекстов применения языковых – искусственных или событийных – естественных метафор в социальном пространстве, например, «засеивание» как многократное использование событийных и языковых метафор по «целевой» «мерцающей зоне» [2]. В метафорах реализуется единство диахронического и синхронического, жизненная диалектика, перипетии жизни «схватываются» особенно легко и гармонично: человек получает доступ к осмыслению ценности своего опыта – как для себя самого, так и для окружающих его людей [1; 2]. Метафоры позволяют осмыслить наиболее сложные, неполные или амбивалентные аспекты проблемных отношений, обнаружить и принять грядущие перемены, а также оказать направленное воздействие на процесс изменений [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арпентьева, М. Р. Взаимопонимание как феномен межличностных отношений: дис. ... д-ра психол. наук / М. Р. Арпентьева. – М. : МГУ, 2015. – 497 л.
2. Уфимцев, Р. Мерцающие зоны / Р. Уфимцев – Калининград : Ателье ER, 2009. – 29 с.
3. Loveridge, D. Foresight / D. Loveridge // The Art and Science of Anticipating the Future. – N. Y. : Routledge, 2009. – 420 p.
4. Бейтсон, Г. Экология разума / Г. Бейтсон. – М. : Смысл, 2000. – 476 с.
5. Пригожин, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.
6. Бек, Д. Спиральная динамика / Д. Бек, Кр. Коуэн. – М. : Открытый Мир; Best Business Books, 2010. – 424 с.
7. Meadows, D. H. Leverage Points: Places to Intervene in a System / D. H. Meadows – N. Y. : The Sustainability Institute, 1999. – 21 p.
8. Lorenz, E. N. Predictability / E. N. Lorenz // 139th Annual Meeting of the American Association for the Advancement of Science (29 Dec. 1972). – N. Y. : AAAS, 1972 in Essence of Chaos. – 1995. – Appendix 1. – P. 181.

9. *Harris, D. Weak signals: Detecting the next big thing / D. Harris & St. Zeisler // The Futurist. – 2002. – V. 36 (6). – P. 21–29.*
10. *The Never Ending Quest / Cowan Ch. C. and N. Todorovic (eds.). – Santa Barbara, CA : ECLET Publishing, 2005. – 570 p.*

Е. А. Акуленко, В. В. Леонтьева (Минск, Беларусь)

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ ПЕРИФРАСТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ КАК ЗНАКИ ВРЕМЕНИ

Географические номинации перифрастической природы используются в языке современных электронных и печатных СМИ крайне широко. Данные функциональные речевые единицы, будучи косвенными номинациями конкретных денотатов, становятся реальными конкурентами их прямых номинаций. Прагматические возможности вторичной номинации огромны: использование образных, выразительных, экспрессивных ресурсов языка в процессе «создания образа» предмета разговора – наиболее верный путь «конструирования» нужного представления о нем у читателя, действенный способ воздействия на сознание адресата. Субстантивные перифразы, которые рождаются в современных СМИ, успешно справляются с задачей профилирования заданных, в том числе и коннотативных, компонентов смысла.

Эмпирическую базу нашего исследования составили материалы русскоязычных сайтов Беларуси, охватывающие период с 2008 г. по 2017 г.: официального сайта Республики Беларусь BELARUS.by, сайта «Беларусь. Факты» (belarusfacts.by), сайта TUT.BY, интернет-портала БРСМ «Молодежь Беларуси» (brsm.by), сайта агентства новостей Telegraf.by, белорусского телеграфного агентства БЕЛТА, новостей naviny.by, сайтов газет, развлекательного сайта Relax.by, туристических сайтов и порталов, региональных сайтов.

В центре нашего внимания – перифрастические единицы, заменяющие прямые номинации географических объектов Беларуси. В данном исследовании нас в первую очередь интересуют ойконимы – имена собственные, являющиеся названиями населенных пунктов, а также единичный хороним – имя собственное, являющееся названием страны, – *Беларусь*.

Среди ПЕ данной сферы легко обнаружить традиционные и новаторские речевые выражения. В качестве традиционных мы рассматриваем такие обнаруженные нами перифрастические номинации, как *страна тысячи рек и озер, озерный край, партизанский край, страна / край аистов, страна / край аистов и зубров, земля под белыми крыльями, край васильков, страна картошки* (Беларусь), *столица знаменитой сгуценки* (Рогачёв), *самый древний город Беларуси* (Полоцк), *столица белорусской нефтехимии* (Новополоцк), например: *Прибыв в белорусскую столицу, мы проезжаем мимо величественных многоэтажных новостроек, какие привычны в крупнейших азиатских городах, но никак не в стране аистов и зубров*

(«Витебский курьер», 01.12.2012); *В Гомельской области есть уникальное место для любителей половить плотву, щуку, окуня – это всем известная столица знаменитой сгущенки – город Рогачёв («Город Рогачёв – лучшее место для рыбалки!» (www.21.by/biz-info/4689.html)); Самый древний город Беларуси отпраздновал свое 1154-летие. Фоторепортаж со Дня города в Полоцке («Витебские вести», 31.05.2016); В Новополоцке провели акцию «Семь чудес Новополоцка». Они располагаются следующим образом: улица Молодежная, памятник «Первая палатка», с которой начиналась столица белорусской нефтехимии, государственный университет, Дворец бракосочетаний... («СБ. Беларусь сегодня», 21.10.2008).*

Каждый день перифрастическая сфера языка обогащается новыми функциональными речевыми единицами. Парадигма средств, которые оказываются в распоряжении коммуникантов, крайне динамична. Язык СМИ – та функциональная его разновидность, которая первой откликается на события в общественной, экономической, политической, спортивной, культурной жизни страны. Отметим ставшие узнаваемыми и привычными номинациями недавние «новоделы»: *страна замков, страна ледовых дворцов, страна биатлона, страна хоккея (Беларусь), курортная столица Беларуси (Браслав), столица «Славянского базара» (Витебск), родина белорусского мирного атома, город атомщиков, город будущего (Островец) и др.*, внутренняя форма которых прозрачна для коммуникантов. Язык СМИ реагирует на изменения в объективной действительности (культурная жизнь страны, государственная политика в сфере туризма и формирование туристического бизнеса, спортивные победы на мировой арене, массовое строительство спортивных объектов и т.д.), вследствие чего в текстах наблюдается резкий всплеск употребительности новообразований перифрастической природы и их укоренение в языковом сознании и речевой практике говорящих: *Беларусь – это не только страна голубых озер, но теперь еще и страна ледовых дворцов. Особенно это видно в Минске... (http://otvet.expert); Начиная путешествие к «Столице Славянского базара» из Полоцка, туристы заглянут в городок Шумилино, входящий в число четырех самых соловьиных городов страны (https://www.holiday.by); Браслав не зря называют курортной столицей Беларуси: здесь тьма-тьмущая туристов, причем не только «наших», но и из-за границы. А еще браславский загар не отличишь от морского («Витебский курьер», 25.08.2016).*

Отдельные перифразы типа *столица экидэна (Копыль), столица драгрейсинга (Быхов)* до сих пор сохраняют привкус новизны вследствие как экстралингвистических причин (говорящим незнакомы (пока еще!) сами явления), так и собственно лингвистических (подобные знаки выходят за пределы лингвистической компетенции говорящих). Именно такие перифразы обладают максимальным аттрактивным эффектом, мощным прагматическим потенциалом. ПЕ с единичными агнонимами в своем составе, синтагматически связанными с компонентами – общеупотребительными лексическими единицами, привлекают внимание адресата мгновенно и зачастую формируют в языковом сознании читателя потребность в дополнительной информации: *Копыль по праву считается столицей отечественного экидэна – Националь-*

ного фестиваля эстафетного бега «Капыльскія пагоркі» (minsk-region.gov.by); Быхов! Открытие сезона 2009. В субботу 18 апреля столица белорусского драгрейсинга открывает сезон самого доступного и массового вида автоспорта (информационно-развлекательный портал для белорусов Realby.net); Но... Но никаких но – позволь себе все! Приезжай в середине лета в столицу белорусского драгрейсинга – город Быхов («АвтоМалиновка», 08.07. 2008).

На момент возникновения перифразы мотивировка для нее не просто чрезвычайно важна, она необходима. Изначально внутренняя форма – не вероятностный, а конститутивный компонент ПЕ как семантического комплекса. Интересны примеры «предвозникновения» перифраз, их предыстории, отмеченные в СМИ: Беларусь может стать страной цмоков (драконов) (туристический портал Holiday.by, 02.03.2012); Белоозерск рискует превратиться в «столицу» наркомании Беларуси («Виртуальный Брест», 10.09.2014); ... В общем, все идет к тому, что наш город станет «цыганской столицей» («Гомельская правда», 18.02.2010) (о Василевичах); В Петрикове будет новая калийная столица. «Беларуськалий» начал освоение крупного месторождения за свой счет, (gomel.today, 28.08.2014); К слову, стать вторым белорусским городом шахтеров Петриков собирается всерьез... (ctv.by›novosti-gomelya, 17.05.2016). Второе дыхание получит и сам Петриков – в городе шахтеров построят новое социальное жилье, обновят инфраструктуру... (ONT.by, 17.05.2016).

История создания перифразы и ее жизнь в речевой стихии всегда индивидуальны. Так, этимология и семантика ПЕ страна цмоков и Бульбаестиков для русскоговорящих в Беларуси прозрачны и интуитивно понятны, в то время как за пределами языкового пространства Беларуси говорящие могут испытывать некоторые трудности в процессе декодирования заключенной в ней информации: «Почему Беларусь – страна цмоков и Бульбаестиков?» («Комсомольская правда» в Беларуси», 18.05.2012) (Бульбаестик – герой сказок белорусского автора Р. Дейкун: в основе номинации – сложение 2 корней белорусского языка *бульба* и *есці*; *цмок* – бел. ‘дракон’, ‘змей’).

Случается, отдельные ПЕ со временем теряют свою внутреннюю форму: Бобруйск называли еврейской столицей Беларуси (БЕЛТА, 02.02.2017); ...В позднем средневековье Борисов называли «смоленскими воротами» (<http://edinstvo.by/?p=87962>, 11.09.2013); ...Слуцк называли «неприступным бастионом Литвы» (сайт «Наследие слущкого края», nasledie-sluck.by/ru/sluchina/188/902); Полесские Афины, Усадьба Муз – так называли наш город современники Михала Огинского (О Слониме) (<http://news.21.by/regional-news/2010/09/15/154829.html>, 15.09.2010). При этом такие перифразы могут распознаваться современными коммуникантами: еврейская столица Беларуси (Бобруйск), а также не распознаваться: неприступный бастион Литвы (замки Слуцка в XV–XVIII вв. не покорились ни одному врагу).

ПЕ, ставшие на сегодняшний день узнаваемыми знаками кода коммуникантов, употребляются в текстах СМИ подчас с весьма изменчивыми коннотациями: страна ледовых арен, страна драников, страна картошки, страна хоккея и т.д.: И согласитесь, интереснее звучит так: «Давайте

поедем на выходных в «Страну цмоков (драконов)». Чем такой вариант: «А не съездить ли на недельку в страну драников» (туристический портал Holiday.by, 02.03.2012). Этим проектом авторы хотят разрушить миф о том, что Беларусь – исключительно страна драников, и показать, насколько разнообразна белорусская кухня («В Беларуси появилась кулинарная карта для туристов, на подходе – книга» // сайт «Медиа-Полесье», 18.05.2016); Беларусь – это не страна драников («Страна национальной кулинарии» // «Витебский курьер», 11.01.2016).

Коннотативная неустойчивость перифраз языка СМИ – факт чрезвычайно интересный: ведь главное предназначение ПЕ состоит именно в профилировании и дальнейшей успешной трансляции заданных адресантом смыслов. Наиболее коннотативно неустойчивыми функциональными единицами являются, на наш взгляд, перифразы из мира политики. Вспомним вторичную номинацию страны *«последняя диктатура» Европы / «последняя диктатура»*, источником которой является прецедентный текст. (ПЕ *«последняя диктатура» Европы* впервые прозвучала в отношении Беларуси в 2005 г. в речи госсекретаря США К. Райс и с тех пор употреблялась политиками и в СМИ, а в 2012 г. вышли сразу две книги, в названиях которых также фигурировала данная ПЕ). Реакция языка на изменения в мире политики следует незамедлительно, она мгновенна, и сегодня узнаваемая номинация уходит из текстовой реальности, ее коннотации размываются, ср.: *В свете событий на Украине и роли Беларуси как медиатора и миротворца, наша страна получила, наконец, возможность сбросить с себя клеймо «последней диктатуры Европы»* (<https://news.tut.by/politics/415401.html>, 13.09.2014); *А, так вы из Беларуси! – радостно набрасывается на нас в берлинском музее старичок-гардеробщик, быстро перейдя с немецкого на русский. – И как там ваш... Порошенко? Ой, нет, Лукашенко! Ну, вы же – «последняя диктатура», так?* («*Провинция*” или “*диктатура*”. Какими нас видит мир» // *Белорусский журнал*, 23.05.2016).

Языковая компетенция говорящих, по нашим наблюдениям, не всегда поспевает за текстовой реальностью. Распознавание и декодирование ряда ПЕ, употребленных в СМИ говорящими, иногда сопряжено с определенными трудностями, что может приводить к коммуникативной неудаче: *В массовом сознании уже давно закрепилось: агрогородок Ольшаны – огуречная столица Беларуси. Все знают, что у местных жителей – шикарные коттеджи, в почти семитысячной деревне никто не пьет и не курит, зато за сезон можно заработать по 10 – 15 тысяч долларов. Ведь белорусские огурцы фурами едут в Россию («Комсомольская правда в Беларуси», 04.06.2013); Говорят, что сейчас Шклов называют огуречной столицей (shklovinfo.by); Шклов в шутку называют «огуречной столицей» Беларуси. Выращиванием огурцов здесь занимается большинство жителей («СБ. Беларусь сегодня», 12.07.2013); Город Глубокое с более чем 600-летней историей называют «вишневой столицей» Беларуси (Belarus.by).*

В текстах сосуществуют перифразы, рожденные совсем недавно, фиксирующие реалии сегодняшнего дня, и перифразы – хранители истории.

Нередки случаи, когда в рамках одного контекста (или в ближайшем текстовом окружении) встречаются перифразы разных времен. Подобные текстовые фрагменты, являясь репрезентацией языка СМИ, зачастую полемически заострены и не лишены эмоциональности: *Когда-то Беларусь называли страной замков, а сейчас это страна руин* («Сон в зимнюю ночь – о привидениях, Гольшанах, Multivan» // Автопортал ABW.by, 28.01.2009); *«королевский город» Гродно и сегодня является уникальной архитектурной жемчужиной Беларуси...* (BELARUS.by). Попутно заметим, что образность, эмоциональность перифраз весьма успешно эксплуатируется в языке СМИ с определенными прагматическими целями: *Hyundai Solaris, Kia Rio или Volkswagen Polo Седан? Рассмотрим еще одного серьезного конкурента, задуманного в стране сыров и вина, собранного в стране драников, озер и цветущих васильков – в Беларуси* (сайт «АвтоМалиновка», 21.05.2016).

В перифразах языка СМИ оживает история: сталкиваясь с миром перифраз, говорящий получает доступ к огромному информационному потоку, зачастую экстралингвистической природы. Например, Ивье в текстах СМИ предстает как *столица белорусских татар, столица белорусских мусульман, столица веротерпимости, маленький Иерусалим, маленький Стамбул. Ивье называют «маленьким Иерусалимом», «столицей белорусских татар», местом, которому в наследство достался богатый пласт истории и культуры* («Ивьевский край», belsmi.by/archive/article/32252, 08.12.2015); *Наше Ивье остается негласной столицей белорусских татар, которые известны на всю республику своим трудолюбием...* (<https://www.sb.by>, 29.01.2014). (Оказывается, татары появились в Беларуси более 600 лет назад по приглашению великого князя Витовта (1397 г.) с целью охраны границ Великого Княжества Литовского, и как раз в Ивье сохранилась мечеть, которая была единственным работающим мусульманским храмом в советское время).

Перифрастический фонд языка СМИ, как и любого другого языкового образования, по нашему мнению, уникален в силу его многоуровневой организации как хранилища информации. Он обладает долговременной и кратковременной «памятью» на любом временном срезе. Это та сфера языка, в которой синхрония неотделима от диахронии. Перифразы как знаки времени снова и снова оживают в текстах СМИ и позволяют современным коммуникантам успешно взаимодействовать друг с другом, а также постоянно обогащать перифрастический корпус новыми функциональными единицами.

Т. Ф. Кузенная (Калининград, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «ЛЮБОВЬ» В РАЗНОЖАНРОВЫХ ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ КОНЦА XIV – СЕРЕДИНЫ XVII в.

Лингвокультурный концепт «любовь» является ключевой аксиологической категорией, формирующей мировоззрение русского народа: он организует православную картину мира носителя древнерусского языка, связываясь

с рядом других основополагающих категорий христианства. В памятниках древнерусской письменности конца XIV – середины XVII в. прослеживаются эволюционные изменения в структуре рассматриваемого концепта, связанные с переходным этапом в становлении национального мировоззрения.

Термин *концепт* используется в культурологии для обозначения некой ментальной сущности, функция которой состоит в сосредоточении компонентов знания о культуре в сознании человека. Ю. С. Степанов называет концептом «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [1, с. 43]. Данными фактами объясняется его сложная многоуровневая структура. Так, современный культурологический подход представляет термин *концепт* в когнитивно-прагматическом аспекте. Такое сложное многоуровневое образование, как концепт, является синтезом различных пластов культурного опыта человечества. Он образуется взаимодействием различных по своей природе начал, таких как метафорическое, аналитическое, синкретическое. Характер культурологических категорий подчас оказывается феноменальным. Следовательно, структура концепта оказывается нечеткой. В памятниках древнерусской письменности рассматриваемого периода концептосфера «любовь» образована взаимодействием категорий «Человеческое» и «Божественное». Способы репрезентации данного концепта в древнерусской письменности рассматриваемого периода находятся в логической связи с особенностями моделируемой в древнем сознании картины мира и специфики ее ориентации. Так намечается определенным образом структурированная система аксиологических категорий, в рамках которой доминантой выступает божественное начало в жизни субъекта. Особое место занимают такие характеристики Божьей любви, как сила и постоянство. Принципиальное отличие любви Бога к человеку состоит в неизменности данного состояния и пребывающей в нем вечной энергии. Так, слова Послания апостола Павла цитируются в Диоптре Филиппа Пустынника: **Пророчества бо, – рече, – упряднятся и разуми престануть, любовь же николи же не отпадает**¹ (Диоптр. Филипп. XV). Следовательно, любовь определяется как божественное по своей природе не допускающее разумного толкования явление, выступающее обязательным компонентом сознания человека. Роль данного компонента состоит в раскрытии существенных особенностей внутреннего бытия субъекта. Условием реализации данного компонента служит связь субъекта с миром вечным, принципиально отличным от существующей в сознании человека реальности. Отсюда дефиниции данного понятия отмечены семантикой времени и пространства: **Любовь его безмерную воспрять** (Расск. о см. Пафн. Бор.). **Такоже де и царь, великия власти по достоянию присных же вѣрует и любитъ вовеки** (Александр.). Разум человеческий принципиально отличен. Его характеризует такое свойство, как ограниченность, состоящая в невозможности познания природы категорий трансцендентального порядка. Следует отметить, что рационалистический подход в древнерусской литературе возникает в конце XV века. Теоцентрическая картина мира постепенно

¹ Примеры из древнерусских текстов цитируются по изданию «Библиотека литературы Древней Руси» [4].

сменяется антропоцентрической. В центре внимания при этом оказывается сам субъект познания – человек. Так, представления о человеческой сущности есть представления о взаимодействующих началах, устремленных к единению и достижению целостности. Категория «любовь» репрезентируется через категорию целостности.

Например, в «Повести о Петре и Февронии Муромских» суть понятия «любовь» выражается посредством репрезентации христианской идеи супружества, изложенной в Евангелии: **БУДУТ ДВА ОДНОЮ ПЛОТЬЮ, ТАК ЧТО ОНИ УЖЕ НЕ ДВОЕ, НО ОДНА ПЛОТЬ** (Мф., XIX, 5). Примечательно, что лексема *любовь* применительно к отношениям между мужем и женой в рассматриваемом тексте не употребляется. Для раскрытия идейно-философского содержания понятия «любовь» следует обратиться к христианскому пониманию категории единства. В памятниках древнерусской письменности старшего периода акцентируется внимание на едином характере человеческой сущности, которая включает в себя связанные между собой Дух, Ум и Плоть. В парадигме земных благ Ум занимает главенствующее положение и имеет своей функцией управление. Он есть «голова» (вершина), но все три рассматриваемые сущности находятся в движении до соединения с высшим Благом, до воссоединения с Богом. Не случайно в произведениях древнерусской письменности подчеркиваются такие качества людей праведных, как целомудрие, любомудрие, чистота и братолюбие.

Последующий период характеризуется изменениями, произошедшими в сознании народа. Религиозная составляющая вступает в сложные отношения с фактами внешней действительности, которая анализируется и познается все более посредством разума. Рациональный подход определил специфику отношения к действительности, отразившуюся в письменности данного периода. Необходимо отметить, что следствием коренных изменений, произошедших в сознании людей, явился процесс «индивидуализации». Безусловно, этот процесс имеет непосредственное отношение к произведениям литературы. Д. С. Лихачев отмечает индивидуализацию на уровне жанра и стиля. Быт проникает в литературу, в сугубо церковные произведения и, можно сказать, становится своеобразным героем [2, с. 14]. Отсюда столь популярный жанр бытовой повести, так широко представленный в литературе конца XV в. и более позднего периода. В XVII в. возрастает личностное начало в литературе, происходит рост индивидуального авторского начала. Процесс индивидуализации, ставший тенденцией в развитии древнерусской литературы, обнаруживает свои черты в большей степени в литературе XVII в. Благодаря внешним, а особенно внутренним конфликтам, в произведениях постепенно возникает динамичность, представленная в оппозиции статичности предшествующих произведений. Рассматривая систему признаков данного концепта, мы можем установить некоторые принципы его определения. В текстах интересующего нас периода существительное *любовь* формируется такими коллокациями, как *истинная*: **ТО ЕСТЬ ИСТИННАЯ ЛЮБОВЬ, КТО ПОЛОЖИТ ДУШУ ЗА БРАТА СВОЕГО** (Пов. Тим. Влад.), *духовная*: **ИСУСОМ ХРИСТОМ, ПРИШЕДШИМ В МИР СПАСТИ, ДА СОТВОРИШИ МИ ЛЮБОВЬ ДУХОВНЮ** (Пов. Тим. Влад.), и **вскоре изучиша божественнаго**

писания, и того ради иноцы его возлюбиха духовную любовию бысть же чтець божественнымъ книгамъ (Пов. папе Григ.), великая: И живяше он с нею великою любовию (Пов. Карпе Сутул.), равная: Никако же, человеце, занеже до всѣхъ любовь моя равна (Пов. о споре жизни и смерти), нелицемерная: Имей чада, истинную правду и любовь нелицемерную ко всемъ... чевосамъ не любишь, того и другу не твори (Домостр.); божия: безо лжи любовь божию сотворити и тамо идти (Пов. Тим. Влад.).

В древнерусском языке XI–XIV вв. наличие достаточного количества определений существительного *любовь* свидетельствует о его многозначности. Любовь божественная занимала одну из главных позиций в ориентированной по вертикали картине мира славян, вершиной которой был Бог. В более поздний период понятие «любовь» проникает в личную сферу человека, характеризуется как через призму понятия «Бог», так и через призму понятия «человек».

Вместе с обширным процессом индивидуализации, охватившим главным образом сознание человека, происходит «индивидуализация» любви. Можно полагать, как замечает Д. С. Лихачев, «что любовь, как судьба человека, индивидуализируется, часто становится его вторым бытием, отделяется от самого человека, персонифицируется» [2, с. 49]. Этим, в частности, объясняется наличие такого признака в семантике данного слова, как *сила*. Как элемент психологической сферы, эмоциональная универсалия «любовь» оказывается неподвластной субъекту.

Своеобразным условием для обретения высшего Блага выступает целомудрие супругов. Это особый характер связи ума, являющего собой сущность духовную, и плоти, раскрывающей сущность телесную. Так, в «Повести о Карпе Сутулове» восхваляется разум целомудренный, ибо он есть истинный, ведущий к жизни праведной: **И похвали еє целомудреннии разум, яко ... таковыє любви с ними не сотворила.** Речь в данном случае идет о власти сущности духовной, которая есть первичная, над сущностью плотской, которая ей подчиняется. В рассматриваемом примере целомудрие и страсть находятся в отношениях противопоставления. При этом лексема *страсть* в ряде контекстных употреблений служит обозначением понятия «любовь»: **Нѣчто, речеши, тебѣ, много разъярениѣ любовию будущаго твоего мужа, злыхъ належащихъ в законехъ звѣздныхъ нерадѣниемъ оставльшихъ?** (Из Троян. ист.). Подобное явление свидетельствует о нарушении изначально установленной гармонии между постоянно взаимодействующими фундаментальными образованиями Духом, Разумом и плотью. Лексема *любовь* содержит в своем компонентном составе семы со значением 'содействие', 'соединение'.

В. В. Колесов считает, что в переводных текстах XIV века любовь связывается, в первую очередь, с верой и надеждой [3, с. 67]. Согласно христианским понятиям устанавливается семантическая близость: 'верный' – 'верующий' (ср.: *благоверный* – 'истинно верующий, праведный'). Данная лексема образует синонимический ряд с такими лексемами, как *святой, праведный, блаженный*.

Содержание концепта «любовь» раскрывается, главным образом, через восходящее еще к древнегреческому пониманию любви как привязанности, благосклонности, милости. Здесь интерес представляет семантическая близость лексем *милость* и *любовь*. В психолингвистическом аспекте данные лексемы объединяются наличием в своем составе эмоции особого рода: жалости, сострадания. Лексемы *милость* и *любовь* имеют общий семантический компонент, который определяется как 'содействие', 'соучастие', поскольку обязательно наличие так называемого объекта, к которому направлено особого рода чувство. Так, *милость* определяется как 'сочувствие'.

В польском языке *lubić* 'любить, симпатизировать', то есть 'иметь чувство по отношению к кому-либо, чему-либо', ст.-чеш. *lúbati* 'любить, целовать', современное *milovat* 'любить, миловать'. Глагол *miłować* в польском языке имеет значение 'любить, лелеять, миловать'. Литовское *mylėti* означает 'любить' (испытывать чувство по отношению к человеку), а *liuõbti* – 'кормить, чистить'.

Таким образом, приведенные примеры свидетельствуют о взаимодействии семантических полей, образованных концептами «любовь» и «милость», и наличии сходных элементов смысла в данных концептуальных пространствах. Связь с понятием «милость» обнаруживается в целом ряде лексем с корнем *-мил-*, представленных в русских говорах: *милаш* 'любовник'; *миловать* 'любить'; *милок* 'любимый человек, возлюбленный'; *милка* 'возлюбленная, возлюбленный'; *милёна* 'любимая девушка, возлюбленная'; *милешенько* 'ласково, с любовью'.

Итак, рассматриваемая лингвокультурная категория занимает особое место в системе сознания древних славян, представляя собой ценности религиозно-нормативного порядка. Несмотря на эволюционный характер концепта «любовь», обусловленный постоянным изменением психологического состояния субъекта и характеристики его личной сферы посредством теологических категорий, понятие «любовь» остается потенциально избыточным, поскольку обнаруживает способность к формированию новых уровней в своей структуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд. – М. : Яз. рус. культуры, 1997.
2. Лихачев, Д. С. Величие древней литературы / Д.С. Лихачев // Библиотека литературы Древней Руси / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. – СПб., 1997. – Т. 1 : XI–XII вв.
3. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове : в 5 кн. / В. В. Колесов. – Добро и зло. – СПб., 2001. – Кн. 2.
4. Библиотека литературы Древней Руси [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lib.pushkinskijdom.ru/>. – Дата доступа : 25.06.2016.

Список сокращений

Александр. – Александрия (Сербская Александрия).
Диоптр. Филипп. – «Диоптра, или Душезрительное зеркало» Филиппа Пустынника.

Домостр. – Домострой.

Пов. папе Григ. – Повесть о папе Григории.

Пов. Карпе Сутул. – Повесть о Карпе Сутулове.

Из Троян. ист. – Троянская история.

Пов. Тим. Влад. – Повесть о Тимофее Владимирском.

Расск. о см. Пафн. Бор. – Рассказ о смерти Пафнутия Боровского.

Т. Ю. Собко (Калининград, Россия)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУЖДЕНИЯ В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ (на материале русского и немецкого языков)

Социальная реклама привлекает внимание к общественно значимым проблемам, транслирует социально одобряемые модели поведения и влияет на ценностную систему общества. Многоаспектность данного феномена осложняет его дефиницию, на наш взгляд наиболее содержательную трактовку предлагает А. Б. Белянин, рассматривая ее как «форму массовой коммуникации, содержательной основой которой является информация о социальных проблемах общества, адресованная большой массе людей, с целью стимулирования их гражданской, социально одобренной активности в русле традиционных для данного общества нравственных ценностей, чем обеспечивается его способность к саморегуляции, обусловленной требованиями развития социума» [1, с. 21–22]. Характерными чертами социальной рекламы, отличающими ее от других видов массовой коммуникации, являются направленность на улучшение благосостояния общества, некоммерческая основа создания и распространения, яркое выражение идеи благовидности или неблаговидности объекта рекламирования, использование способов речевого воздействия, что предопределено стратегической рациональностью рекламной деятельности.

Речевое воздействие «представляет собой особым образом организованную деятельность, направленную на изменение картины мира реципиента с целью воздействия на его мотивационную сферу» [2, с. 7–8]. А. Н. Солодовникова выделяет в социальной рекламе в качестве способов оказания влияния на реципиента убеждение, внушение и побуждение [3, с. 8]. Для нашего исследования особый интерес представляет побуждение, потенциал воздействия которого оценивается исследователями неоднозначно. Однако в нашем случае необходимо принять во внимание дискурсивные особенности рассматриваемого типа рекламы, так как «релевантная социальная реклама подразумевает наличие директивной иллокутивной силы» [4, р. 71]. Данную точку зрения поддерживает Л. А. Андросова, подчеркивая, что «функциональное различие между социальной рекламой и другими формами обращения общества к своим членам связано с режимами повелительного наполнения, требующего от них исполнения, но с разной степенью настоятельности» [5, с. 82]. Данные рассуждения позволяют нам рассматривать побуждение как структурно-содержательную основу социальной рекламы.

Значение побуждения тесно связано с экстралингвистическими условиями протекания коммуникации, так как от них зависит категоричность волеизъявления и способы его выражения, которые, однако, обусловлены во многом и национально-специфическими чертами. Следовательно, «в рекламном тексте находит отражение своеобразие национально-специфической картины мира» [6, с. 158].

Дискурсу социальной рекламы на русском языке свойственно использование ядерных средств выражения побуждения, а именно форм повелительного наклонения, что свидетельствует о импозитивном характере рассматриваемого контекста: **Позвони родителям!** (Всероссийский конкурс социальной рекламы «Новый взгляд», 2016); **У перехода пыл свой укроти, И дай дорогу людям перейти!** (Международный конгресс «Безопасность на дорогах ради безопасности жизни»); «Как де...?» **Не разговаривайте по мобильному телефону за рулем** (Московский фестиваль социальной рекламы, 2007); **Тот самый понедельник, с которого вы бросите курить. 31 мая день отказа от курения. Навсегда. Давайте меняться! Сознательно** («Здоровая Россия»). Несмотря на высокую категоричность побуждения, передаваемого императивом, отправитель сообщения может использовать средства его интенсификации. К ним относятся обращения, так как они позволяют более точно определить адресата, и побудительная интенция за счет четкой адресации становится более интенсивной: **Ученый, проснись, долой лень и скуку! Платят не плохо за дружбу с наукой! Лучшие доктора наук, преподающие в Пермских вузах, получают ежемесячную доплату до 30 тысяч рублей. Мода на мозги** (Администрация Пермского края); **Хозяин! Убери мусор!** (Экологический проект «Знаки против мусора»). Аналогичный эффект достигается при использовании лексических единиц, имеющих сниженный стилистический тон, междометий: **Не ругайся матом, уши вянут!** (Московский фестиваль социальной рекламы, 2007); **Не будь животным на дороге!** (Конкурс социального плаката «Московский транспорт»); **Да не будь же ты оленем, Возьми сумку на колени!** (Конкурс «Социальный плакат в общественном транспорте Москвы»); **Не будь свиньей, убери за собой!** (Экологический проект «Знаки против мусора»); **Эй, профессор, бери ноги в руки и вперед – в авангард науки! В Пермском крае создаются «Международные инновационные группы» для сотрудничества наших вузов с ведущими мировыми университетами. Мода на мозги** (Администрация Пермского края).

В примерах на немецком языке прямое побуждение также выражается преимущественно императивными предложениями: **HIV-positiv & Freund sein? Sag deine Meinung auf welt-aids-tag.de. Positiv zusammen leben** (Deutsche AIDS-Hilfe); **Brennt's? Dann bitte zum Arzt. Stopp Geschlechtskrankheiten** („Love Life“-Kampagne des Bundesamts für Gesundheit); **Rettet die Robben. Jahr bei Jahr werden Zehntausende Babyrobber abgeschlachtet. Fordern Sie jetzt ein definites Ende des grausamen Robbenmassakers in Kanada** (PETA); **Spenden Sie Mut im Kampf gegen den Hunger** (Swissaid). Однако рассматриваемые конструкции встречаются в немецких рекламных текстах гораздо реже по сравнению с русскими. Отличительной чертой примеров на немецком языке является широкое употребление инфинитивных предложений, имеющих сему

побуждения. Например: *Gemeinsam helfen: Wildtiere gehören in Freiheit – nicht in den Zirkus* (PETA); *E10 stoppen! – sparsame Autos statt klimaschädlichen „Biospirit“!* (Greenpeace); *Kindern in Not jetzt helfen! Mit einer Spende oder Patenschaft die Welt verändern* (Kindernothilfe). Употребление данного экспликатора побудительной модальности свидетельствует о большой степени уверенности говорящего в том, что действие будет исполнено. Следовательно, несмотря на меньшую по сравнению с русским языком частотность употребления императива, широкое использование инфинитивных предложений в дискурсе социальной рекламы на немецком языке указывает на тенденцию к выражению побудительной интенции в категоричной форме. Специфическая черта немецких культурных тенденций, проявляющаяся в смягчении инфинитивных предложений лексемой *bitte*, позволяет придать побуждению оттенок просьбы, однако конструкции подобного рода встречаются в социальной рекламе достаточно редко: *Gib`s uns! Aber ordentlich! Schöne alte Sachen bitte zum Mistplatz bringen. Andere können`s noch brauchen!* (МА 48); *Helle Birnen entsorgen richtig. Kaputte Energiesparlampen sind Problemstoffe. Bitte am Mistplatz oder beim Handel entsorgen. Danke* (МА 48).

В текстах немецкой социальной рекламы встречаются средства интенсификации побуждения, частотность использования которых значительно отличается от аналогичных средств в примерах социальной рекламы на русском языке. Одним из наиболее частотных является наречие *jetzt* ‘теперь’ [7], передающее интенцию к немедленному исполнению каузируемого действия, например: *Tierversuche töten. Stoppt die Qual – jetzt!* (PETA); *Schützt die Arktis! Helft jetzt!* (Greenpeace); *Jetzt aufbrechen: Für mehr Beschäftigung* (DGB Jugend); *Ehrlich Geld ist knapp und Umwelt kostbar. Jetzt sinnlose Grossprojekte stoppen. Grün. An der Zeit* (die Grünen).

Национально-специфические черты средств выражения побуждения проявляются особенно ярко в случае, когда они соотносятся с интертекстуальными знаками. Интертекстуальность характерна для рекламных текстов, так как она обладает большим манипулятивным потенциалом: реципиент, узнавая прототексты и протоизображения, вплетает их в смысловую структуру рекламы, за счет чего она получает дополнительные смыслы.

К средствам подобного рода мы относим пословицы, которые в дискурсе социальной рекламы функционируют в модифицированном виде. Например: *А с какой скоростью ты торопишься сменить водительское кресло на инвалидное? Тише едешь – дальше будешь* (Конкурс социального плаката «Московский транспорт»). Выражение *тише едешь – дальше будешь* является производным от пословицы *тише едешь – дальше будешь*, которая трактуется как ‘чем меньше поспешности в чем-л., тем лучше’ [8, с. 325]. Идея неспешности оказалась к месту в рекламе против превышения скорости, однако словоформа *дальше* была заменена на пароним *дольше*, так как превышение скорости может привести к аварии с непредвиденными последствиями для участников дорожного движения. Приведем еще один пример: *Мороз и солнце – день чудесный! ... а дальше? Александр Пушкин*

и *Mr Bookman*. **Читать не вредно. Вредно не читать** (Издательство «Эксмо»). В нем конструкция *Читать не вредно. Вредно не читать* отсылает к разговорному высказыванию *хотеть не вредно, вредно не хотеть*, которое трактуется как ‘выражение поощрения желаний собеседника’ [9, с. 168]. Использование данной поговорки для популяризации чтения обусловлено наличием семы поощрения желаний, однако отсылка именно к разговорному выражению при распространении чтения имеет, на наш взгляд, несколько ироничный оттенок.

В социальной рекламе на немецком языке также встречаются подобные примеры: ***Was du heute kannst versorgen, dass verschiebe nicht auf morgen*** (Die Förderrente). Первоначально поговорка имела вид *Was du heute kannst besorgen, dass verschiebe nicht auf morgen* ‘не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня’ [10, с. 129]. Глагол *besorgen* ‘выполнять/выполнить’ [7], употребляемый в оригинале, был заменен на *versorgen* ‘обеспечивать/обеспечить, запастись/запасться’ [11], что отражает идею накопления пенсионных вкладов в рекламе по поддержке пенсионного страхования.

Таким образом, выбор средств выражения побуждения обусловлен как дискурсивными особенностями рассматриваемого контекста, так и национально-специфическими чертами. Социальной рекламе свойственна импозитивность, что в русском языке проявляется в высокой частотности употребления императивных предложений, а в немецком языке наряду с ними широко используются инфинитивные предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белянин, А. Б.* Социальная реклама как коммуникативный ресурс управления : автореф. ... канд. социол. наук. / А. Б. Белянин. – М., 2007.
2. *Горячев, А. А.* Моделирование речевого воздействия в рекламной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Горячев. – СПб., 2010.
3. *Солодовникова, А. Н.* Современная социальная реклама: способы воздействия на адресата : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Н. Солодовникова. – Саратов, 2013.
4. *Mbisike, R. C.* Speech Acts Sequences in Discourse / R. C. Mbisike // Political Discourse Analysis / S. Gyasi Obeng, B. Hartford. – N. Y. : Nova Science Publ., Inc., 2008. – P. 63–72.
5. *Андросова, Л. А.* Политическая и социальная реклама : учеб. пособие / Л. А. Андросова. – Пенза : Информ.-изд. центр ПензГУ, 2008.
6. *Стрижкова, О. В.* Сопоставительный анализ выражения лингвокультурного аспекта в русскоязычном и англоязычном рекламном дискурсе / О. В. Стрижкова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 25 (240). – С. 158–163.
7. *Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch-Russisch = Большой немецко-русский словарь* : в 2 т. – М. : Астрель ; АСТ, 2002. – Т. 1 : А – К.
8. *Жуков, В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М. : Рус. яз., 2000.

9. *Белянин, В. П.* Живая речь. Словарь разговорных выражений / В. П. Белянин, И. А. Бутенко. – М. : ПАИМС, 1994.
10. *Цвиллинг, М. Я.* Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок : ок. 700 ед. / М. Я. Цвиллинг. – М. : Рус. яз., 1984.
11. *Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch-Russisch = Большой немецко-русский словарь* : в 2 т. – М. : Астрель ; АСТ, 2002. – Т. 2 : L – Z.

О. Н. Жизневская (Минск, Беларусь)

ЯВЛЕНИЯ СМЫСЛОВОГО СБЛИЖЕНИЯ НОМИНАЦИЙ ОТЦА, МАТЕРИ И РЕБЕНКА В СМИ БЕЛАРУСИ

Как известно, современные СМИ не только отражают факты и интерпретируют их, но и ведут особую работу со словом, фиксируют изменения в языковой и концептуальной картине мира, развенчивают традиционные стереотипы и формируют новые, являются «катализатором языковых тенденций и закономерностей» [1, с. 3]. Появление в белорусских СМИ таких номинаций, как *SOS-родители, родитель1, родитель2, офисная мама, мама напрокат, выходной папа, папа-банкомат, беременный папа, папа-школа, ребенок из пробирки, дети на вынос, ребенок особого статуса* и многих других свидетельствует о трансформации традиционных стереотипов семейных ролей, что требует особого осмысления, тщательного изучения и детального описания.

Попытка СМИ осмыслить и дать оценку изменениям, которые происходят в сфере современных семейных отношений (возникновение и развитие институтов суррогатного материнства, замещающей семьи и т.д.) стимулировали появление большого количества синонимов среди номинаций отца, матери, ребенка. Уточним, что в данной работе синонимия понимается широко, как явления смыслового сближения не только на уровне отдельных лексем, но и на уровне конструкций. Для языка СМИ, для его лексики, которая характеризуется открытостью и готовностью к обновлению, характерна актуализация использования синонимов. Синонимия является основой для построения различных средств речевого воздействия, обладающих качествами образности, эмоциональности, оценочности и функционально-стилевой маркированности, следовательно, ее использование дает возможность раскрыться в полной мере информативной функции, экспрессивной функции (для максимального воздействия и убеждения), а также направлено на достижение взаимопонимания между автором и читателем (контактоустанавливающая функция). Выявленные нами в медиатекстах сходные по смыслу номинации семейных ролей, с одной стороны, расширяют, детализируют, конкретизируют понятие, названное доминантной номинацией, с другой – позволяют выявить, принимают или не принимают современные белорусы то или иное явление, оценивают его положительно, отрицательно либо амбивалентно. Проиллюстрируем это на примерах.

Увеличение числа разводов в современном белорусском обществе, недобросовестное отношение отцов к исполнению своих родительских обязанностей, в том числе и после развода с матерью ребенка, обусловило активное пополнение следующих синонимических рядов:

а) *отец-алиментщик, алиментщик, недисциплинированный отец, отец-уклонист, папа-должник, папаша-беглец, горе-папаша, папа с долговым хвостом, отец по принуждению, «уклонист», злостный неплательщик, «мастер» алиментного жанра;*

б) *папа-«кукушка», «кукушонок-папа», папа-«перекати-поле»;*

в) *«воскресный» папа, «выходной папа».*

Возможность нахождения отца в отпуске по уходу за ребенком до трех лет, закрепленная законодательно, привела к появлению ряда синонимичных номинаций с доминантой *папа в декретном отпуске: папа в декрете, папа в «декретном», «декретный папа», папа-декретник, отец-нянька, «усатый нянь», усатый мам, «мама», министр с коляской, усмиритель капризных малышей.*

Появлением института одинокого отцовства и его динамикой обусловлено пополнение ряда с доминантой *отец-одиночка: «классический отец-одиночка», «суррогатный» отец, папа самых честных правил, папка с «бриллиантами», мапулечка.*

Развитие биомедицинских технологий, в частности вспомогательных репродуктивных технологий, призванных решить проблему бесплодия, в том числе и мужского, создание собственных банков спермы в Беларуси – экстралингвистические факторы, стоящие за синонимичными номинациями *донор генетического материала, донор спермы, анонимный отец, «пробирочный» папа, папа из «пробирки», отец-удалец.*

Развитие института замещающей семьи и его активная социальная реклама способствуют пополнению синонимических рядов, доминантами которых являются номинации:

1) *приемный родитель: приемный отец, приемный отец-одиночка, профессиональный папа, новый папа, папа навсегда;*

2) *родитель-воспитатель: SOS-папа, новый папа.*

Синонимический ряд *биологический отец, официальный папа, первый папа, «старый папа», «бывший папа», «прошлый папа»* выявляется в контекстах, связанных с отцовством как работой и противопоставляющих биологических отцов приемным и родителям-воспитателям. Кроме того, данные номинации могут употребляться в контекстах, противопоставляющих биологического отца ребенка и отчима. Чаще всего в текстах СМИ номинации из данного ряда являются негативно-оценочными.

В СМИ зафиксированы неузואльные номинации, входящие в синонимический ряд с доминантой *отчим: новый папа, «новый папа», второй папа, «второй» папа.* Анализ контекстов, противопоставляющих биологического отца ребенка новому мужу матери ребенка, свидетельствует, что данные номинации могут быть как позитивно-оценочными, так и негативно-оценочными.

Отстраненность некоторых отцов от воспитательного процесса, которая может быть обусловлена как постоянной занятостью, так и отсутствием эмоциональной связи с ребенком привела к появлению следующих синонимических рядов:

а) *функциональный отец, занятой отец, деловой папа, узкопрофильный отец, отец-бизнесмен, «папа-банкомат», «папа-который-всегда-работает»;*

б) *отсутствующий отец, формальный отец, отчужденный отец, «холодный» отец, папа в эпизодах, отец-белорубашечник.*

Среди номинаций *матери* также выявлено много сходных по смыслу. Появление института суррогатного материнства, неоднозначное отношение к нему в белорусском обществе, несовершенная система правового регулирования в данной сфере – экстралингвистические факторы, обусловившие активное пополнение синонимического ряда, доминантой которого является номинация *суррогатная мать*:

1) однословными безоценочными и оценочными номинациями (*сурмама, «инкубатор», «производительница»*);

2) неоднословными оценочными номинациями (*временная мама, потенциальная мама, «чужая мама», своя чужая мама, мама по договору, «мать-курьер», мама-инкубатор, инкубатор для созревания плода, «сосуд» для вынашивания неродного малыша*).

Развитие института замещающей семьи и его активная социальная реклама способствуют пополнению синонимических рядов, доминантами которых являются номинации *приемная мать* и *родитель-воспитатель*. Так, в контекстах СМИ о приемной семье как виде замещающей семьи доминанта *приемная мать* является самой частотной и имеет немного синонимических номинаций: *профессиональная мама, новая мама*. Гораздо большим количеством синонимов характеризуется синонимический ряд с доминантой *родитель-воспитатель*, в который входят:

1) однословные номинации: *«мама», SOS-мама;*

2) неоднословные номинации: *мама-воспитательница, «профессиональная» мама, наемная мама, подневольная мама, «потерянная» мама, мама по призванию.*

Активно пополняется новыми номинациями синонимический ряд с доминантой *биологическая мать*: *генетическая мать, кровная мать, потенциальная мать (в значении «беременная женщина»), родительница, биологическая родительница, кровная родительница, старая мама, простая мать, бывшая мать*. Данная группа номинаций требует отдельного описания.

Для контекстов о суррогатном материнстве характерен синонимический ряд *биологическая мать, генетическая мать*. Отметим, что с появлением института суррогатного материнства традиционно дублетные номинации *генетическая мать* и *биологическая мать* могут функционировать и как абсолютные синонимы, и как частично синонимические, что обусловлено разделением суррогатного материнства на частичное (традиционное) и полное (нетрадиционное). Более того, когда речь идет о полном (нетрадиционном) суррогатном материнстве, номинации *биологическая мать, генетическая мать* и *суррогатная мать* максимально сближаются и, по сути, являются синонимами.

Синонимический ряд *биологическая мать, кровная мать, родительница, биологическая родительница, кровная родительница, старая мама, простая мать, бывшая мать* выявляется в контекстах, связанных с материнством как работой и противопоставляющих биологических матерей приемным и родителям-воспитателям. Чаще всего в контекстах СМИ данные номинации являются негативно-оценочными. Контекстуальными синонимами *биологической матери* являются следующие номинации:

1) *старая мама* (в значении 'биологическая мать ребенка, которую лишили родительских прав'): *Сегодня к Тосеньке приезжала мать. Она не видела ее с весны. Пригласила гостей в дом. Дочка задумчиво рассматривала ее. Потом сказала ей, что она «невкусно пахнет». Но – узнала, на руки залезла и всем доложила, что к ней приехала ее **старая мама**. Мама очень обиделась, что ее обозвали старой. А сама была то ли непротрезвевшая, то ли слегка принявшая на грудь* (СБ. Беларусь Сегодня, 23.01.2016);

2) *бывшая мать* (в значении 'биологическая мать ребенка, которую лишили родительских прав'): *У самой младшенькой тоже своя история. **Бывшую мать** своих приемных детей, которую раз за разом лишали родительских прав, Елена как-то встретила на улице. Тогда и узнала, что та беременна в четвертый раз! В честь Борисенко, не побоявшейся взять на себя груз ответственности за ее и других детей, трижды лишенная родительских прав женщина новорожденную назвала Леной. Но вырастить-воспитать не смогла и эту малышку: как и ее старшие братья и сестра, девочка также оказалась в «казенном доме»* (Рэспубліка, 28.03.2009);

Среди номинаций *ребенка* в СМИ выявлено большое число синонимичных. Наиболее многочисленными являются синонимические ряды, связанные с различными проявлениями семейного неблагополучия (недобросовестным отношением к исполнению родительских обязанностей и распространением социального сиротства, пагубными пристрастиями членов семьи):

1) *отказник, ребенок-отказник, отказной ребенок, брошенный ребенок, «ничей» ребенок, «ничейный» ребенок, «потерянный» ребенок, «лишний» ребенок, «ущербный» ребенок, кукушкин ребенок, ребенок с особенной судьбой, «безмамный», брошенный, чудо с грустными глазами, кукушонок;*

2) *ребенок, нуждающийся в государственной защите, ребенок НГЗ, ребенок с неопределенным статусом, «временный» ребенок, «забытый» ребенок, «изъятый»;*

3) *бесхозный ребенок, перелетный ребенок, ребенок перекаати-поле;*

4) *ребенок пьющих родителей, ребенок из пьющей семьи, «при-тонный» ребенок.*

Большое число синонимов выявлено также среди номинаций, свидетельствующих о заболеваниях ребенка. В данном случае синонимический ряд могут составлять номинации терминологического характера, эвфемизмы, метафорические выражения:

1) *ребенок с особенностями развития, ребенок с особенностями, ребенок с ограничениями, «особенный» ребенок, «ущербный» ребенок;*

2) *ребенок с синдромом Дауна, «солнечный ребенок», даунонок;*

3) *ребенок с диагнозом «несовершенный остеогенез», «хрустальный» ребенок;*

- 4) *ВИЧ-инфицированный ребенок, ребенок особого статуса;*
- 5) *ребенок с синдромом дефицита внимания и гиперактивности, гиперактивный ребенок, «неудобный» ребенок, взрывной ребенок, ребенок-катастрофа, ребенок с моторчиком, конь-огонь, вечный двигатель;*
- 6) *ребенок с гиподинамичным синдромом, гипоактивный ребенок, ребенок-тюфяк.*

Развитие вспомогательных репродуктивных технологий способствует пополнению следующих синонимических рядов:

- 1) *«суррогатный» ребенок, «донорский» ребенок, «незаказанный» ребенок, ребенок на заказ, ребенок на вынос, чужая оплодотворенная яйцеклетка;*

- 2) *ЭКО-ребенок, ребенок из пробирки, ребенок «из пробирки», «ребенок из пробирки», «искусственный» ребенок.*

Таким образом, изменения в институте современной семьи находят отражение в современных белорусских СМИ. Появление новых номинаций отца, матери, ребенка отражает данные изменения. Как видно из приведенных примеров, активное пополнение синонимических рядов номинаций отца, матери, ребенка свидетельствует об актуальности тех явлений, которые отражены данными номинациями. Синонимические ряды, в большинстве случаев, пополняются за счет экспрессивной лексики, слов в переносных и фразеологически связанных значениях, что говорит о важности не столько детализировать, конкретизировать содержание, сколько выразить отношение к новому явлению, оценить его, привлечь внимание, сформировать общественное мнение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Іўчанкаў, В. І. Культура маўлення журналіста: СМІ як каталізатар моўных тэндэнцый і заканамернасцей / В. І. Іўчанкаў // Жыццём і словам прысягаючы. Культура маўлення журналіста : зб. навук. артыкулаў міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, Беларусь. – Мінск, 2012. – С. 3–12.*
2. *Ивушкина, Н. В. Синонимия как средство эмоционального воздействия в языке СМИ [Электронный ресурс] / Н. В. Ивушкина // Альм. современной науки и образования. – 2009. – Режим доступа : www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/35.html. – Дата доступа : 02.03.2016.*

Т. У. Балаш (Мінск, Беларусь)

ФРАГМЕНТ КАНЦЭПТУАЛЬНАЙ КАРЦІНЫ СВЕТУ ЛАРЫСЫ ГЕНІЮШ

Дадзены артыкул прысвечаны вывучэнню асаблівасцей канцэптуалізацыі моўных знакаў «беларусы» («народ», «беларускі народ»), «мова» («беларуская мова») як ключавых у творчай спадчыне Ларысы Геніюш. Значнасць гэтых слоў пацвярджаецца: 1) высокай частотнасцю іх ужывання

ў паэзіі аўтара; 2) вынясеннем слоў у моцную пазіцыю (у назвы вершаў «Беларусы», «Беларуска», «Родная мова», «Мая мова»); 3) асаблівай семантычнай напоўненасцю і семантычнай звязанасцю слоў у творах паэткі.

Дэкадаванне заключанай у дамінантных словах інфармацыі нацыянальнага характару дазволіць прадставіць профіль канцэптаў «беларусы», «беларуская мова» ў вершах паэткі. Зварот да тэкстаў паэтычных твораў Л. Геніюш паказаў, што яна любіць свой родны край, яго шматпакутны народ, а таксама занепакоеная лёсам роднай мовы. Думкі і пачуцці абвостраныя, паколькі воляй лёсу яна вымушана жыць удалечыні ад радзімы, на чужыне.

Асаблівую значнасць набывае канцэпт, які ў творчасці паэткі вербалізуецца з дапамогай моўных знакаў *беларусы, народ, беларускі народ*. Профіль дадзенага канцэпту прадстаўлены наступнымі пазіцыямі:

1) беларусы – патрыёты сваёй краіны, яе абаронцы: *Пад горды сцяг збіраліся дружыны / грудзямі-мурам ворага спаткаць, / нашчадкам імя слаўнае пакінуць / ды родных пушчаў недругам не даць* («Дзяды») [1, с. 10];

2) беларусы – адважны і моцны народ: *Як дуб магутны, адважныя, як зверы, / адужалі ў лясах суровае жыццё* («Дзяды») [1, с. 9]; *Мы, як зубры, / мы ў сябе дома, / тутэйшыя, што ад вякоў жывуць. / Мы, як дубы, нас можна знішчыць громам, / але з зямлі нас роднай / не скрануць...* («Мы, як зубры...») [1, с. 276];

3) беларусы – народ пакутлівы: *Так балюча і гэтак даўно / стогне любы народ ў паняверцы...* («Родная мова») [1, с. 37];

4) беларусы – людзі, якія імкнуцца здабыць волю: *Ўжо даволі нам стагоддзі / адну горыч піць! / Боль і гора сваё годзе / ў Нёмане тапіць! / Ўстанем, крыўды нагародзім, / запыём мы аб свабодзе, / станем вольна жыць!* («Ўжо даволі») [1, с. 21]; *Воля – не тое, што рукі развяжуць, / зменяць на большую клетку малую. / Воля – не тое, што / «вольны ты» – скажуць. / Воля – то воля, якую адчую* («Воля – не тое, што рукі развяжуць...») [1, с. 40];

5) беларусы – працавіты народ: *Між палеткаў, ўсхвалёваных жытам, / сёлы ў зелены тонуць вясной; / вокал людзі жывуць працавітай, / як адною, вялікай сям'ёй* («Майму сыночку») [1, с. 55]; *Як нашы пчолы, гэтак працавітыя, / нібы мурашкі, дружныя з сабой* («Вырай малады») [1, с. 203].

Спакон вякоў беларусы вядуць аселы лад жыцця і апрацоўваюць зямлю. Беларусы, ва ўяўленні Л. Геніюш, паходзяць ад зямлі, ад касы: *Мы ад зямлі – складаныя і простыя / і шчодрія такія ж, як яна... З зямелькі ворнае, / з сяўні і поту мы, / так пакахаўшыя касу і серп* («Вырай малады») [1, с. 203]; *Беларусы ад касы. / З асялком у кішэні кожны. / Пахінаюцца каласы / з налітым зернем на пожню...* («Беларусы») [1, с. 148]. З касой ішоў беларускі народ абараняць родную зямлю: *Дарогамі да світанна хлопцы з косамі ішлі ў лясы, / на бунт ішлі, на паўстанне. / Вашчыла іх вёў, Кастусь. / Звінелі ў паходах косы. / Адраджалася Беларусь / пад звон іх рашучы і востры* («Беларусы») [1, с. 148].

Лексема *мова* ў паэзіі Л. Геніюш таксама канцэптuallyна значная. Ва ўяўленні аўтара, *мова* – сакральнае паняцце. Гэта скарб, бясцэнны дар, перад якім паэтка схіляецца і які абагаўляе: *...мова скарб наш, дарагі, нятленны...* («Звычайны дзень, шляхі і раздарожжы...») [1, с. 94], параўноўвае з каштоўным металам: *Малітвена ўздымаю сэрцам словы / з няску вякоў да зорнай вышыні. / Высокай пробы звон радзімай мовы, / вякамі гартаванай на агні* («Скарбы слоў») [1, с. 215]. «Ніццю вечнасці» называе паэтка мову, якая злучае мінулае і сучаснасць беларускага народа: *Наша ж мова, як вечнасці ніць, / з праславянскіх крыніц і узвышшаў / красаваць будзе з намі і жыць* («Іншы бохан ляжыць пад абрусам...») [1, с. 307]. Усё зменліва ў жыцці, час усё мяняе, толькі мова не мяняецца, не старэе, ёй не ўласціва завяданне: *Іншы бохан ляжыць пад абрусам, / на сцяне цікавейшы абраз, / толькі роднае мовы на вуснах / не крануў ўсё мяняючы час* («Іншы бохан ляжыць пад абрусам...») [1, с. 307]; *Мая мова не знае змярканняў / ад маленства да старасці лет, / буду песціць яе, як каханне, / разглядаць, як чароўны букет* («Мая мова») [1, с. 107].

Сакральны сэнс набывае канцэпт «матчына мова», у якім выяўляюцца пазіцыі «залаты фонд народа», «народны скарб» (*Матчынай мовы, багатай і слаўнай, / Што ў скарбах народа, бы фонд залаты...* («Матчынай мовы, багатай і слаўнай...») [1, с. 307], а таксама «мова песень, казак, прыказак і прымавак», «мова вёскі»: *На гэтай мове маці мне пяяла / над зыбкаю пра наш народны жаль* («Скарбы слоў») [1, с. 215]; *Цягнулася доўга за ніткай льняной / Прымаўкай мудрай, і казкай, і песняю... Родная мова старога сяла, / Ад іншых сваёй цеплынёю адметная* («Зжылася з зямлёю, у дрэвы ўрасла») [1, с. 305].

Мова ў паэзіі Л. Геніюш надзяляецца таксама ўласцівасцямі і якасцямі, характэрнымі для жывой прыроды: яна пахне і гучыць: *Хрышчоная ў полі вясняным дажджом, / Пахучая белым рамонкам і мятай, / Задорны уздым за святочным сталом / Іладная, сціпляя гутарка хатняя* («Зжылася з зямлёю, у дрэвы ўрасла...») [1, с. 305]. Як чалавек, яна свеціцца мудрасцю, ласкаю... / *Мова з крыўдай, са скарбамі ўласнымі... / і сівая, і разам сучасная, / як харошы, жывы чалавек* («Іншы бохан ляжыць пад абрусам...») [1, с. 99], можа суцешыць у цяжкую хвіліну: *Промнямі слоў суцяшае ў бядзе* («Два рэхі») [1, с. 145].

Канцэптuallyна значнай у творчай спадчыне паэтэсы з’яўляецца метафара *мова* – *кветка*. Л. Геніюш зачараваная прыгажосцю роднай мовы, яе фарбамі, «цветабоём»: *Мова наша – буйны цветабой! ... / Ты – вясною аквечаны луг, / шум дубровы магутны, пявучы ... / Ты як неба, як сонца для нас, / ты як накеццю сад заінелы* («Родная мова») [1, с. 37].

Канцэпт «мова» перасякаецца ў вершах Л. Геніюш з канцэптам «музыка». Гэтая сувязь выражаецца з дапамогай лексем *песня, музыка, гімн*: *Мова родная, мова дзядоў! / Іншай мовы мы сэрцам не чуем. / Мілагучнасцю любых нам слоў, / быццам музыкай, душы чаруеш... / Любай песняй старою гучыш / з-пад калыскі, з гадоў тых дзядзіных, / салаўіным разлівам ўначы, /*

звонам хваляў прыткой ручайны («Родная мова») [1, с. 37]; *Мова, падобная да салаўя, / Прасякнута любасцю жніўнай і роснай, / Мова дзядоў моіх, мова мая, / Гімн нашай долі пакутны і ўзнёслы!* («Перад вачыма неба і поле...») [1, с. 306]; *Яна гойдае спевам калыску, / літасціва шчабеча ў бядзе, / на ёй песні складаюць вятрыскі / ў неспакойны, разбуджаны дзень* («Мая мова») [1, с. 107]. Мову паэтэса параўноўвае з музычным інструментам – лірай, здольнай спяваць і гудзець: *...а мова, як ліра: спявае, гудзе, / стагоддзямі вусна прадзеца. / Промнямі слоў суцяшае ў бядзе. / А мова, як сэрца, б'еца* («Два рэхі») [1, с. 145].

Такім чынам, профіль даследаваных канцэптаў «беларусы», «беларуская мова» адлюстроўвае як агульнанацыянальныя, так і індывідуальна-аўтарскія асаблівасці іх канцэптуалізацыі, што абумоўлена асаблівасцямі светаўспрымання паэтэсы.

ЛІТАРАТУРА

1. *Геніюш, Л.* Белы сон : вершы і паэмы / Л. Геніюш. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 351 с.

Г. А. Гвоздович (Мінск, Беларусь)

ЛЕКСИКА КАТРУШНИЦКОГО ЛЕМЕЗЕНЯ

Вынесёнае в заглавіе словасочетанне *катрушніцкі лемезень*, на наш выгляд, нуждается в поясненні. Даннае выражэнне нашло адражэнне в составленном в 1889 г. и изданном в 1890 г. Е. Р. Романовым словаре «Катрушніцкі лемезень». [1, с. 9–16]. Словарь насчитывал 370 слов тайного (условного) языка шаповалов (шерстобитов) м. Дрибина Чаусского уезда Могилевской губернии (ныне Дрибин – районный центр Могилевской области). Термины тайный (условный) язык рассматриваются нами как синонимы. «Тайный (условный) язык, или криптолалія (греч. *kryptos* ‘тайный, скрытый’), – язык обособленных, замкнутых социальных групп, выполняющий определенную конспиративную функцию. Сведения о тайных языках относятся к XIII в. См.: аргон, жаргон, сленг, словари социальных и профессиональных диалектов» [2, с. 635–636].

В переводе на современный язык слово *катрушнік* означает ‘шаповал’ (от *катруха* – ‘шапка’), а *лемезень* – ‘язык’. Пользовались этим условным языком дрибинские шаповалы (кустари-изготовители шапок, валенок и других изделий из шерсти), чтобы сохранить в тайне то, о чем они разговаривали между собой.

Язык как «система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе» [3, с. 813] социальное явление, одно из важнейших средств сохранения и передачи будущим поколениям разного рода знаний. В то же время возникали определенные сообщества людей и конкретные обстоятельства, когда

информация предназначалась не для всеобщего получения и использования, а скрывалась с целью сохранить личные или профессиональные секреты, а зачастую и для того, чтобы избежать ответственности перед законом. И тогда для общения среди «своих» изобретался «свой» язык.

Следует заметить, что условные (тайные) языки нашли широкое распространение во всем мире, время их возникновения устремляется своими корнями к «глубокой древности, и они были известны уже Геродоту» [4, с. 3], однако прослеживается их появление и в совсем недалеком прошлом. В качестве примера тайных мировых языков можно привести следующие: хобо – тайный язык американских рабочих-бродяг, возник в Америке в начале XX века после окончания Гражданской войны, особенно популярен был во времена Великой депрессии; полари – английский тайный язык секс-меньшинств; лунардо (сегодня часто называют языком танго) – был ходовым в трущобах Буэнос-Айреса, со временем стал даже популярным в городе языком; кальяуайя – тайный язык странствующих знахарей, проживающих в боливийских Андах, истоки культуры которых восходят к периоду инков; парлаче – колумбийский уголовный диалект, появился на улицах Медельина в 1980-х; код да пинчи – символы, используемые британскими ворами-домушниками, на которые полицейские обратили внимание только в 2009 году; французские коробейники – используется в тюрьмах Великобритании, а также контрабандистами; феня – офенями в России называли странствующих мелочных торговцев, история которых началась в XV веке, когда на Русь переселилось значительное количество греков, называвших себя выходцами из Афин... Были и свои «перехожие» люди, купцы и путешественники. Постепенно сложился общий условный язык – феня». Подробнее смотри: «Тайные языки мира» (Infoglaz.ru?p=82687). Какие-то свои тайные выражения есть и в детской среде, не говоря уже о молодежной. Вспоминается случай, когда мне пришлось долго искать в доме стакан со шнурками после того, как от пятилетнего сына, разговаривавшего по телефону с другом, услышала, что он что-то там не может сделать, поскольку «шнурки в стакане». Позже выяснилось, что это означает ‘родители дома’.

Весьма интересным и загадочным представляется Язык Птиц, который открыл Грасе д’Орсе в XIX веке и опубликовал ряд статей об этом языке в журнале «Ревю Британик». Перевод этих работ с французского в наше время сделан В. Быстровым. Грасе д’Орсе создал конспирологическую теорию и метод расшифровки текстов, что дало возможность проникнуть в секретный язык тайных обществ. Вот что пишет Фулканелли в книге «Дворцы философов» о предназначении Языка Птиц: «...старые мастера, публикуя свои трактаты, использовали прежде всего герметическую кабалу, которую они называли еще Языком Птиц, языком богов, веселой наукой или веселым знанием. Таким способом они скрывали от профанов принципы своей науки, набрасывая на них каббалистическое покрывало...» [5, с. 10].

Как видим, даже небольшой обзор тайных языков показывает их чрезвычайную распространенность. Е. Р. Романов собирал материалы о тайных языках на территории Белоруссии. Результатом его работы стало переиздание пополненного словаря катушницкого лемезеня (915 слов), публикация

«Очерк быта нищих Могилевской губернии и их условный язык – любецкий лемент». Могилевские нищие называли себя любками, а свой условный язык – лементом. Словарь любецкого лемента насчитывал около 1 000 лексических единиц.

Лексика катрушницкого лемезеня очень разнообразна и подается она в словаре по предметным группам и частеречной принадлежности: явления и предметы природы; предметы духовные; человек; пища; одежда; жилище; утварь, орудия; животные; растения; наиболее употребительные глаголы, наиболее употребительные прилагательные и т.п. Приводится и несколько словосочетаний и выражений. Собственной грамматики у катрушницкого языка нет, все изменения слов (склонения, спряжения) происходят в соответствии с белорусским языком. Не находим мы в словаре союзов, предлогов и междометий, зато местоимения весьма оригинальные (например *манька – я: гурь маньку хавбовь – дай мне денег; поцукруй манька – поцелуй меня*). Поскольку условный язык бытовал в устной форме, судить об особенностях орфографической и пунктуационной нормы не представляется возможным.

Рассматриваемый нами словарь насыщен словами, происхождение и внутреннее содержание которых пока не определены: *шимско – хорошо, бальвинь – ваш, шаперь – пятак, клёвые хавбы – золотые деньги, корнуть – быть* и т.п. В то же время встречается немало лексических единиц с метафорически мотивированными основами: *скрыготникъ – мельник, ходуха, ходула – нога, слыхта – ухо, настыжница – юбка, утиральникъ – полотенце, котень – колесо, подухвейка – подушка, укорник – учительница* и т.п. Прослеживается определенная связь с другими языками, на которые указывал Е. Р. Романов [4, с. 4], то есть имеется немало грецизмов: *Ахвесь – Бог, кресо – мясо, хирка – рука, микрый – малый, питрусъ – камень, хлюса – церковь, тэсарь – четыре*, реже встречаются латинизмы: *деушница – воскресенье, неделя, вохтымиръ – восемь, деус – солнце*, а также заимствования из немецкого (или еврейского жаргона): *штэкъ – палка, махерь – нож, хазъ – хата, комната, шихта – девушка, дочь*; из шведского: *стодъ – богатый*; из польского: *свено – праздник*; из чешского: *карфия – священник*; татарского: *басать – резать*. Встречается определенное количество областных слов, провинциализмов, которые употребляются только в одной какой-либо местности: *шкорни – сапоги, сиворка – зима, лохъ – мужик, ряха – молодница, суразный – красивый*.

Для катрушницкого лемезеня, как и для других условных языков, характерно создание слов путем определенной игры со слогами, в результате чего затемнялось внутреннее содержание слов. Здесь и перестановка слогов: *лосома – солома, лапстырь – пастырь*; и замена начальных слогов: *югун – чугун, учта – почта, юган – цыган*, или последних (характерно для глаголов): *кидориць – кидать, курдомиць – курить, кусмориць – кусать, любжаць – любить*; и подстановка в начале слова (особенно распространена) таких криптоформантов, как *ку-*, *шу-* с ударением именно на них и зачастую добавлялись они к белорусским словам: *купопел – зола, куцэгла – кирпич, шутруна – гроб, купляшка – бутылка, кудежка – квашня, кушкло – стекло, шуиндык – индюк, купоречка – красная смородина, шулуна – луна*,

шуглина – *глина*. В этой связи интересным представляется высказывание М. Н. Приемышевой о том, что язык белорусских шаповалов отличается от русских условных языков тем, что «помимо офенской части они включают большой процент лексики только белорусских и украинских аргю. Их особенностью также является то, что оригинальная лексика в них образуется путем широкого системного использования криптоформантов... ку-, ску-, шу-, ту- ... как криптопрефиксов» (прибавление к основе, субституция первого слога)» [6, с. 20].

Встречаются в языке дрибинских шаповалов явления полисемии: *хазь* – дом и комната, *шихта* – девушка и дочь, *басать* – это резать, *жать*, *стричь*, *косить*, *сечь*, *рубить*, а также синонимии: *кузорька*, *кузезда* – звезда, *питрусь*, *шукамень* – камень, *югун*, *кучугун* – чугунок, *шукун*, *христовникъ* – крестный отец. Немаловажным представляется фактор наличия определенных словообразовательных процессов с использованием как специфических, так и общеупотребительных морфем. Например, большинство имен прилагательных образуется с помощью элементов *имн-*, *-омн-*: *тонкимный*, *голимный* (голый), *скутимный*, *солодимный*, *худимный*, *кисломный*, *низкомный*, *тихморный*. Примечательно образование родственных слов у существительных: *жбан* (муж) – *жбаха* (жена); *волот* (конь) – *волотиха* (кобылица) – *волоток* (жеребец) – *волотенок* (жеребенок); *керха* (свинья) – *кяршонок* (поросенок), *ськил* (собака) – *ськиленок* (щенок); находим и приставочные формы: *безлемезный* (немой).

Таким образом, катрушницкий лемезень с точки зрения лексической наполняемости представляется достаточно объемным, слова по происхождению не являются однородными, тем они и интересны, а в целом изучение условных (тайных) языков не только увлекательное для лингвистов занятие, оно имеет и большое практическое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романов, Е. Р. Катрушницкий лемезень / Е. Р. Романов // Живая старина. – СПб., 1890. – Т. 1. – С. 9–16.
2. Старичёнок, В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Старичёнок. – Ростов н/Д. : Феникс, 2008. – 811 с.
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 15-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1984. – 816 с.
4. Романов, Е. Р. Белорусский сборник. Опыт словаря условных языков Белоруссии. С параллелями великорусскими и польскими / Е. Р. Романов. – Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1912. – 129 с.
5. Грасе, д'Орсе. Язык птиц. Тайная история Европы / пер. с фр. В. Ю. Быстрова / д'Орсе Грасе. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. – 334 с.
6. Приемышева, М. Н. Тайные и условные языки в России XIX в.: историко-лингвистический аспект : автореф. ... д-ра филол. наук / М. Н. Приемышева. – СПб., 2009. – 43 с.

К. П. Любецкая (Мінск, Беларусь)

БЕЛАРУСКАЕ ДЫЯЛЕКТНАЕ ТЭРМІНАЗНАЎСТВА

Беларуская навуковая тэрміналогія, якую прынята лічыць «паказчыкам сталасці нацыі» (Сцяцко, 2005) неаднойчы з'яўлялася аб'ектам аналізу ў айчыннай лінгвістыцы. Хоць у беларускім мовазнаўстве значна вырас аб'ём тэрміналагічных ведаў, сёння вырашэнне задачы філіяцыі беларускага тэрміназнаўчага ведання знаходзіцца ў самым пачатку. Як вядома, «філіяцыя ў тэрміназнаўстве ідзе па аб'ектыўна-прадметнай аснове: агульнае тэрміназнаўства, галіновае тэрміназнаўства, рэфлексіўнае тэрміназнаўства (гісторыя і тэорыя тэрміназнаўства), дэскрыптыўнае тэрміназнаўства, прэскрыптыўнае тэрміназнаўства, тыпалагічнае тэрміназнаўства, супастаўляльнае тэрміназнаўства, анамасіялагічнае тэрміназнаўства, семасіялагічнае тэрміназнаўства, дыяхранічнае тэрміназнаўства, функцыянальнае тэрміназнаўства, функцыянальнае тэрміназнаўства, прыкладное тэрміназнаўства і інш.» (Татарінов, 2001). Вызначэнне вектараў ажыццёўленых тэрміналагічных даследаванняў, размежаванне наяўных падыходаў да вывучэння спецыяльнай лексікі беларускай мовы істотна не толькі ў плане інвентарызацыі і сістэматызацыі назапашанага вопыту, але важна для пераходу ад назіранняў і абагульненняў да аналізу ўласцівых заканамернасцей і ў далейшым мэтанакіраванага планавання. Асэнсаванне праблем, паказальных для айчыннага тэрміназнаўства, дазваляе меркаваць не толькі пра прыярытэтныя кірункі ажыццёўленых даследаванняў, але і спрыяе ў цэлым акрэсленню спецыфікі нацыянальнага тэрміназнаўства. Праблема тыпалогіі беларускамоўнага тэрэтычнага тэрміназнаўства яшчэ далёкая ад свайго вырашэння. Прычына гэтага палягае найперш у шматаспектнасці праведзеных даследаванняў, што значна абцяжарвае вылучэнне так званай дамінантнай прыкметы пры класіфікацыі ажыццёўленых прац у галіне тэрміналогіі. Фактычна сёння можна весці гаворку пра прынцыповую бясконцасць падыходаў да тыпалогіі. Аўтары, аналізуючы розныя аспекты спецыяльнай лексікі, працуюць у розных філіяцыях, не абмяжоўваючы сябе строгімі межамі асобнага напрамку. Увогуле, навукоўцамі адзначаецца «поліпарадыгмальнасць сучаснага мовазнаўства, а ў выніку і тэрміназнаўства як аднаго з яго структурных падраздзелаў і цалкам самадастатковай навуковай дысцыпліны» (Івашчанка, Казімірава, 2013).

У межах прадстаўленага артыкула спынімся на асэнсаванні аднаго з кірункаў айчыннага тэрміназнаўства – дыялектнага. Натуральна, што ў межах артыкула немагчыма ахапіць усе даследаванні ў сферы беларускага тэрміназнаўства, таму абмяжуемся аналітычным аглядам дысертацыйных прац (1990–2017), што прынята далучаць да прац так званага рэпрэзентаўнага характару.

Аўтары навуковых прац перакананы, што значнасць праведзеных даследаванняў перадусім ва ўвядзенні ў навуковы ўжытак лексічнага матэрыялу, не зафіксаванага ў дыялектных выданнях, які пры гэтым адлюстроўвае нацыяльную спецыфіку мовы. Цікаvasць да вывучэння разнастайных лексіка-тэматычных груп істотна для навукі, бо «можа знікнуць тое, што

складае непаўторную каштоўнасць народа, значную частку яго духоўнай культуры» [1, с. 3]. Акрамя гэтага, вучоныя лічаць, што прааналізаваная імі шматлікая і разнастайная сістэма найменняў можа выкарыстоўвацца як адна з крыніц папаўнення тэрміналогіі літаратурнай мовы. На думку навукоўцаў, шматаспектны лінгвістычны аналіз спрыяе вырашэнню тэарэтычных і практычных пытанняў дыялекталогіі, лексікалогіі, лексікаграфіі, стылістыкі, словаўтварэння і г.д.

У традыцыях дыялектнага тэрміназнаўства лінгвісты вывучаюць асобныя групы лексікі: лексіка цясярскага і сталарнага рамёстваў (Кніга, 1995), лексіка хатняга жаночага рамяства (Казачэнка, 1996), тэрміналогія аўтамабільнага транспарту (Мінакова, 1999), лексіка воднага транспарту (Аніськова, 2000), народная лексіка ткацтва (Трухан, 2001), канфесіянальная лексіка (Шаўчэнка, 2001), метэаралагічная лексіка (Новік-Шчарбенка, 2003), лексіка народнай медыцыны (Мазуркевіч, 2003), сельскагаспадарчая тэрміналогія (Лаўшук, 2003), энтамалагічныя назвы (Бунько, 2005), батанічная наменклатура (Кісель, 2010), лексіка народных промыслаў і рамёстваў (Макарэвіч, 2012). Варта адзначыць пры гэтым, што пад увагу браліся працы, прысвечаныя вывучэнню не толькі выключна спецыяльнай лексікі, але і асэнсаванню гісторыі развіцця пэўных лексіка-семантычных груп. У гэтым выпадку цалкам пагаджаемся з укладальнікамі «Паказальніка тэрміналагічных дысертыцый» (2006), якія сцвярджаюць, што «ў сучасны час практычна кожны назоўнік (за выключэннем стылістычна афарбаваных) абазначае і паняцце або спецыяльнае ўяўленне, што з'яўляецца прадметам даследавання той або іншай навукі... У перыяд да фарміравання навукі, спецыяльная лексіка адпаведнай галіны ведаў існуе ў выглядзе лексіка-семантычнай групы...» [2, с. 11].

Дамінуючым вектарам у межах дыялектнага тэрміназнаўства становіцца разгляд такіх пытанняў, як а) прадметна-тэматычная класіфікацыя найменняў спецыяльнай лексікі; б) акрэсленне семантычнага аб'ёму лексем; в) сістэмныя адносіны ў тэрміналогіі (гіпанімія, полісемія, антанімія, сінанімія, аманімія). Варта адзначыць пры гэтым, што амаль стандартны аналіз груп рэгіянальнай лексікі спрыяў уніфікацыі прыёмаў апісання.

У традыцыях тэарэтычнага тэрміназнаўства навукоўцы асэнсоўваюць паняцці тэрмін, тэрміналогія, сістэмнасць тэрмінаў. Абмеркаванне праблем тэарэтычных асноў тэрміналогіі, бяспрэчна, стымулявала станаўленне тыпалагічнага тэрміназнаўства, скіраванага перадусім на вытлумачэнне працэсаў, што адбываюцца падчас упарадкавання тэрміналогіі.

Адна з тэм – гэта лексіка-семантычны аналіз пэўнай групы спецыяльных найменняў, лексіка-семантычная характарыстыка тэрмінаў. Бяспрэчна, на карысць развіцця айчыннай навукі аб тэрмінах спрацоўвае асэнсаванне адрозненняў у семантычных працэсах, што адбываюцца ў спецыяльнай і неспецыяльнай лексіцы. Традыцыйна пры гэтым разглядаюцца такія лексіка-семантычныя з'явы, як сінанімія, дублетнасць, варыянтнасць, полісемія, аманімія, антанімія.

Асобнай тэмай для вывучэння стала акрэсленне найбольш прадуктыўных словаўтваральных мадэлей і спосабаў утварэння спецыяльных

намінацый. Пры разглядзе спосабаў утварэнняў тэрмінаў (сінтаксічнага, лексіка-сінтаксічнага, марфалагічнага) увага звяртаецца на спосабы ўтварэння спецыяльных найменняў у беларускіх гаворках. Дзякуючы асэнсаванню структурнага аспекта тэрмінаў падкрэсліваюцца спецыяльныя асаблівасці тэрміналогіі. Традыцыйны зварот даследчыкаў да вырашэння гэтай праблемы спрыяе ўстанаўленню агульных заканамернасцей тэрмінаўтварэння, упарадкаванню асобных тэрмінагалін, а таксама стымулюе выпрацоўку рэкамендацый па стварэнні новых тэрмінаадзінак, паколькі на аснове аналізу можна весці гаворку аб тэндэнцыях і заканамернасцях тэрмінаўтварэння пэўнай тэрмінасферы.

Аўтары, як правіла, спыняюцца на высвятленні пашырэння рэгіянальнай спецыяльнай лексікі ў народных гаворках, вызначэнні іх месца у беларускай нацыянальнай мове. Выяўляюцца асноўныя заканамернасці функцыянавання і развіцця спецыяльных найменняў за межамі даследаванага рэгіёна, акрэсліваецца іх пашыранасць у беларускай мове. У частцы даследаванняў аналізуецца лінгвагеаграфічнае размеркаванне спецыяльнай лексікі, арэальныя ўзаемасувязі паміж спецыяльнымі назвамі.

Дыялектнае тэрміназнаўства ўзбагачаецца таксама праблемай этымалогіі, паходжання спецыяльных намінацый, іх генетычнага аналізу.

Асобная ўвага навукоўцаў звяртаецца на скрупулёзнае апісанне крыніц і шляхоў тэрміналогіі, праблему запазычання.

Адметным для дыялектных тэрміназнаўчых прац з'явілася ўключэнне ў іх структуру лексікаграфічных матэрыялаў перакладнога або тлумачальнага характару.

Такім чынам, разгляд праблематыкі у сферы вывучэння беларускай спецыяльнай лексікі даюць падставы прыйсці да наступных высноў. Тэрміназнаўчае поле ў беларускім дыялектным тэрміназнаўстве ў гэты перыяд характарызуецца шматпланавасцю: у тэрміназнаўчых працах знаходзіць адлюстраванне шырокі дыяпазон заяўленых для вырашэння пытанняў – ад вызначэння агульных тэарэтычных заканамернасцей развіцця асобных тэрмінасістэм да вырашэння практычных задач упарадкавання галіновай лексікі, акрэслення агульных прынцыпаў і метадаў тэрміназнаўчага ведання.

Падагульняючы назіранні, варта адзначыць, што сёння пакуль рана казаць пра тое, што беларускае дыялектнае тэрміназнаўства сфарміравалася ў асобны навуковы кірунак са сваім прадметам даследавання, катэгорыяльным апаратам, метадамі аналізу, праблематыкай і тэндэнцыямі развіцця. Разам з тым зварот навукоўцаў да асэнсавання гэтай часткі спецыяльнай лексікі сведчыць пра запатрабаванасць яе вывучэння для айчыннага мовазнаўства, а таксама пра паступовае развіццё асобнага доследнага поля ў айчынным тэрміназнаўстве.

ЛІТАРАТУРА

1. *Мяцельская, Е. С.* Беларуская дыялекталогія : хрэстаматыя / Е. С. Мяцельская, Я. М. Камароўскі. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1979. – 320 с.
2. *Указатель терминологических диссертаций : справ. пособие / С. В. Гринев-Гриневиц, [и др.].* – Белосток – Москва, 2006. – 750 с.

Б. Болеста-Врона (Белосток, Польша)

ПРАГМАТОНИМ И ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ ТОВАРА

Одно – их следствий изменений в экономической жизни России конца XX начала XXI – увеличение количества товаров на рынке. Рост производства товаров вызывает потребность в названиях этих товаров. Важнейшей составной частью маркетинга стал нейминг – «профессиональная деятельность по имяобразованию, представляющая собой подбор (поиск, придумывание) подходящего наименования для всего того, что с точки зрения заказчика нуждается в собственном оригинальном имени [1]. Фактически процесс имяобразования – это одна из составляющих общего процесса создания этого товара.

Часы – вид товара, занимающий прочное место в системе экономических благ, хотя теснится электронными гаджетами, которые кроме основных функций выполняют факультативную – отсчитывают и показывают время. На дисплеях всех типов телефонов и смартфонов имеется опция «часы».

Часы, как и иные товары, разнообразно именуются: «*Полет*», «*Ракета*», «*Восток*», «*Авиатор*», «*Снецназ*», «*Patek*», «*Omega*», «*Tissot*», «*Atlantyk*», «*Seiko*» и т.п. Созданные имена – названия самых различных товаров (в том числе часов) – составляют одну из постоянно изменяющихся подсистем ономастикона.

Многочисленные научные работы по проблеме имен товаров, как правило, содержат упоминание о существующей в лингвистике проблеме, связанной с ономастической номенклатурой, в частности с выбором термина для имени предмета. Используются разные термины: *хремадоним*, *ктематоним*, *прагматоним*, *прагмоним*. Во всех случаях составным элементом термина является греческая форма *πραγμα* со значением ‘дело, предмет, вещь’.

При рассмотрении проблемы координирования ономастической терминологии Н. В. Васильева обратила внимание на то, что «в ономастических системах славянских языков произошло размежевание по термину *хремадоним*» [2, с. 375]. Если в словаре Н. В. Подольской это «собственное имя предмета материальной культуры, в том числе название оружия, музыкального инструмента, ювелирного изделия, драгоценного камня, предмета утвари» [3, с. 161], то в терминологической традиции западных славян «хремадоним обозначает собственные имена и артефактов, и институций, и общественных явлений» [2, с. 375]. Все дело в широком толковании термина *вещь*. В этом случае к хремадонимам относят и различные товары.

В российских ономастических исследованиях активно используется термин *прагматоним* (см., например, [2; 4]). При этом обычно ссылаются на определение, данное Н. В. Подольской в Словаре русской ономастической терминологии – «номен для обозначения сорта, марки, товарного знака» [3, с. 81].

Следует остановиться на отличительных признаках прагматонима как названия не просто предмета, а именно товара. Прагматоним (наряду

с эргонимом) – это продукт нейминга, то есть явление коммерческой номинации. Появление такого названия обусловлено сугубо экономическими причинами.

Для понимания специфики прагматонима, необходимо обратить внимание на такое явление, как *жизненный цикл товара*. Этим термином в экономике называют период существования определенного вида товара от его появления на рынке (в продаже) до исчезновения с рынка. Лингвистическая сторона жизненного цикла товара состоит в том, что прагматоним (разработанный как товарный знак или элемент товарного знака) активно реализуется в деловом дискурсе – в производственных документах и, главное, в рекламных текстах.

Однако ситуация радикально меняется, как только кончается жизненный цикл товара, то есть прекращается его выпуск, продажа, а прагматоним, соответственно, исчезает из делового дискурса. Предмет перестает быть товаром, а его название перестает быть прагматонимом.

После метаморфозы название предмета может функционировать в бытовом, научном, публицистическом, художественном дискурсах. Когда мы слышим в речи людей *Нужно сдать в ремонт «Ракету», часы стали отставать* или читаем в художественных текстах *У меня на руке действительно был «Ролекс» – неброский, но настоящий* [5]. Имена часов здесь не прагматонимы, а хремотонимы – названия артефактов. При исследовании функционирования прагматонимов в художественных текстах необходимо учитывать, что функция названия артефакта как продаваемого товара и артефакта как предмета потребления совершенно различна. (Явление *продакт плейсмент* требует отдельного рассмотрения.)

Таким образом, прагматоним – это не просто тип названия, это *функция названия*. Название выполняет эту функцию до тех пор, пока предмет существует на рынке как товар, то есть в период жизненного цикла товара.

Удлинение продолжительности жизненного цикла товара – одна из задач маркетинга, и прагматоним является одним из рычагов маркетинга в выполнении задачи продления жизненного цикла товара. Когда жизненный цикл товара заканчивается, существование в деловом дискурсе соответствующего прагматонима сходит на нет: названия часов могут появляться в коммуникации коллекционеров, аукционистов, продавцов подержанных товаров и т.п.

Прагматонимы, как и иные типы онимов, не составляют однородной совокупности единиц и, обладая рядом признаков, могут быть так или иначе типологизированы.

Рассматривая прагматонимы в отношении жизненного цикла товара, можно выделить два их типа: 1) прагматонимы краткого жизненного цикла – те, которые вместе с прекращением выпуска и продажи товара быстро выходят из активного употребления в деловом дискурсе, и 2) прагматонимы долгого жизненного цикла – те, которые длительное время являются наименованием товара в деловом дискурсе по причине продолжительности

какого-то из этапов выпуска и продажи товара. В этом случае прагматоним сопровождает применение разных типов маркетинга: стимулирующего, поддерживающего, ремаркетинга и т.п.

Рассмотрев более 400 названий часов, которые были выпущены в России на протяжении последних 100 лет, мы установили, что к прагматонимам краткого жизненного цикла относятся наименования, связанные со спортивными событиями.

В честь XXII летних Олимпийских игр в 1980 г. в Москве были выпущены часы «*Олимпиада 1980*». Когда их выпуск прекратился по окончании игр, прагматоним перестал функционировать. В связи с окончанием Олимпиады в Рио де Жанейро 1916 г. компания «Полет» перестала производить часы с названием «*Рио*», выпускавшиеся в связи с предстоящими летними Олимпийскими играми в Бразилии.

Рассмотрение материала показывает, что подобная ситуация имеет место с прагматонимами, образованными в процессе трансонимизации общественных и политических событий. Например, часы «*Фестиваль*», созданные заводом «Полет» в честь Фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1985 г., перестали выпускаться в связи с окончанием события. Сейчас упомянутые наименования практически не функционируют, так как предметы невозможно найти не только в специализированных магазинах для любителей хронометров, но и на интернет-страницах. Существование имени как прагматонима прекращается с окончанием жизненного цикла товара.

Важным фактором жизненного цикла товара является мода. Так как часы – это не только прибор для измерения и демонстрации времени, но и аксессуар, к важным его признакам относятся дизайн и название. Поэтому связь прагматонима с модными тенденциями очевидна. И именно эта связь чревата тем, что прагматонимы как названия часов, репрезентирующих определенный стиль, быстро выходят из употребления. Так, часовой компанией «Ника» зарегистрированы как товарные знаки женские имена *Агата, Элен, Марта, Валерия, Регина, Оливия, Софи* и т.п., которые не относятся к ядру русской антропонимики. Оригинальность имени обычно коррелирует с элементами дизайна, которые определяются модными тенденциями конкретного года выпуска часов, например: синий цвет, серебро, растительные формы и т.п. Подобные товары имеют небольшой жизненный цикл, как правило, сезон, поэтому такие прагматонимы недолговечны.

Коротким жизненным циклом отличаются также часы ограниченных серий. Типичный пример – мужские часы «*Спецназ 5 стихий*». Каждой из 5 стихий (Земля, Вода, Воздух, Космос и Огонь) посвящена коллекционная модель часов с индивидуальными номерами от 1 до 100. На сайте производителя написано о том, что во всех пяти стихиях трудятся профессионалы – люди самых экстремальных и мужественных профессий: космонавты, спасатели и защитники, и в память об их труде созданы эти модели часов. Однако хотя эти серии активно рекламируют на различных сайтах, они являются ограниченными: обладателями изделий станут не более 500 человек. Как показывают наши наблюдения, названия часов закрытых коллекций быстро забываются.

Хотя важнейшая функция прагматонима – продление жизненного цикла товара, как видно из примеров, иногда прекращение жизненного цикла товара связано именно со свойствами прагматонима (например, часы с названием «*Олимпиада 1980*» или «*Рио*»).

Среди прагматонимов долгого жизненного цикла можно выделить те, которые образованы в результате трансонимизации событий, очень важных для человечества, например, такого, как полет первого человека в космос. Марка часов «*Ракета*» изготовлена в 1962 г. Петродворцовым часовым заводом в честь полета первого космонавта Юрия Гагарина.

Прагматонимами долгого жизненного цикла являются названия, возникшие на основе имен людей, которые добились в жизни значительного успеха. Продолжителен выпуск часов, имеющих названия «*Леонов*», «*Гагарин*», «*Чкалов*». Собранные нами данные позволяют считать долговечными прагматонимы, образованные от имен античных богов, героев мифов и т.п.: «*Юнона*», «*Сириус*», «*Одиссей*».

Уже много лет длится жизненный цикл часов, в качестве названий которых использованы имена русских царей: «*Александр Второй*», «*Елизавета Петровна*», «*Екатерина Великая*», «*Петр Первый*» и т.п.

Надо иметь в виду, что внеязыковые факторы, например высокое качество товара, обычно влияет на продолжительность существования и распространение товара. Например, названия таких марок часов, как «*Спутник*», «*Полет*», «*Кировские*», «*Столичные*», «*Родина*», «*Маяк*», «*Сигнал*», «*Москва*», «*Стрела*», «*Спортивные*», «*Победа*», «*Штурманские*», выпущенные Первым Московским часовым заводом «Полет» еще в XX в., стали известны не только в России, но и за рубежом.

В конце XX в. Чистопольский часовой завод экспортировал много изделий товарного знака «Восток» в страны Запада и США. Наибольшую популярностью получили часы «*Буря в пустыне*». Пентагон заказал 40 тысяч экземпляров хронометров «*Командирские*» для экипировки участников вооруженной операции в Персидском заливе.

Существует такое явление, которое можно было бы назвать возрождением прагматонима. Например, часы «*Урал*» были произведены в середине XX в. Затем более полувека это название часов было известно только некоторым работникам музеев и коллекционерам. Но в 2016 г. русская компания начинает производство часов с зарегистрированным названием «*Урал*»: прагматоним таким образом опять начинает функционировать в деловом дискурсе.

Нужно заметить, что краткость жизненного цикла товара и, соответственно, краткость функционирования прагматонима не мешает названию впоследствии, при смене функции быть своеобразным маркером определенной эпохи. Кратко, но интенсивно функционировавшие прагматонимы (например, «*Олимпиада 1980*») по окончании жизненного цикла товара могут изображать то или иное время уже как хремотонимы.

Итак, мы разграничили и определили соотношение двух терминов: прагматоним и хрегатоним, которые обозначают два состояния названия предмета. Пока предмет является товаром (то есть производится и продается), его название выступает как прагматоним, выполняя ряд функций: дифференцирующую, информативную, охранную, гарантийную и психологическую [4, с. 99]. Когда же предмет перестает быть товаром (то есть заканчивается жизненный цикл товара) название этого товара перестает выполнять предназначенные этому названию роли, оно становится хрегатонимом. Собственно прагматический компонент значения прагматонима (отношение знака к субъектам коммуникации: продавцу и покупателю), который по определению является самым существенным в прагматониме, при прекращении жизненного цикла товара фактически деактуализируется.

В отличие от эргонима прагматоним называет класс предметов (товаров, обладающих набором потребительских свойств). И хотя количество экземпляров товаров коррелирует с ценой (чем меньше выпускаемая партия изделия, тем оно дороже), прагматоним создается для того, чтобы способствовать удлинению жизненного цикла товара, чтобы количество экземпляров и, соответственно, прибыль были как можно большими. И это поддержание жизненного цикла можно считать еще одной важной функцией прагматонима.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркетинг : большой толковый слов. / под ред. А. П. Панкрухина. – М. : Омега, 2010.
2. Васильева, Н. В. О координировании ономастической терминологии / Н. В. Васильева // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Филология. – 2014. – № 2. – С. 373–377.
3. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978.
4. Исангузина, И. И. Прагматонимы в ономастическом пространстве: семантический, лингвокультурологический и синтаксический аспекты (на примере названий кондитерских изделий) / И. И. Исангузина // Вестн. Башкир. ун-та. – 2008. – № 4, т. 13.
5. Пелевин, В. Empire V / В. Пелевин. – М. : Эксмо, 2013.

Ю. В. Пацюпа (Мінск, Беларусь)

ТРЫЯДЫ Ў МОВЕ І КУЛЬТУРЫ: ПРА ЎНІВЕРСАЛІІ ДЫХАННЯ, ВЕРШАВАННЯ І МЫСЛЕННЯ

З самага пачатку мусім адмежавацца ад усякай нумаралагіі. Наадварот, усе нумаралагічныя інтэнцыі, якія трапляюцца ў навуцы і мастацтве, будуць разглядацца як патэнцыйныя аб’екты аналізу. Тое, пра што будзе гаварыцца, узнікла на грунце вершазнаўства і таму датычыцца яго ў першую чаргу.

Але мэта нашага даклада – выйсці за чыста вершазнаўчыя абсягі, наколькі гэта мажліва, каб убачыць, што верш – толькі вяршыня айсберга, за якім праглядаюць контуры больш фундаментальных з’яў – гэта задача не для адной асобы. Даклад, адпаведна, мае складацца з дзвюх частак: сціслага паведамлення пра ўжо зробленае і пастаноўкі новай праблемы, якая не можа быць развязаная тут і цяпер. Пачнём са справаздачы.

Першым этапам нашай дзейнасці было раскладанне вершавага рытму, што падпарадкоўецца закону рэгрэсійнай акцэнтнай дысіміляцыі, на такія элементы, якія дазволілі б апісаць яго матэматычна, пра што марыў у свой час А. П. Квяткоўскі [1]. У ходзе гэтага аналізу выявілася, што закон рэгрэсійнай акцэнтнай дысіміляцыі, сфармуляваны К. Тараноўскім [2], вынікае з двух прасцейшых фанетычных законаў: канцавой лакалізацыі сінтагматычнага і фразывага націску і закону стыку акцэнтаў. Апошні, адкрыты яшчэ А. Х. Вастокавым [3, с. 21–22], сфармулюем так: два ікты не могуць стаяць побач, а калі ў маўленчай плыні верша два акцэнты аказваюцца побач, то адзін з іх паслабляецца і не служыць іктам (óó) або паміж іктамі ўзнікае разрыў (цэзура ці лейма: ó||ó).

Другім этапам работы была праца з выклічнікамі і гукаперайманнямі як элементарнымі ўтварэннямі мовы дзеля назірання за прасадыхчымі з’явамі. У ходзе назіранняў высветлілася, што першасныя выклічнікі і гукаперайманні аглюцініруюць і арганізуюцца ў комплексы, якія маюць фіксаваную колькасць складоў: 1, 2, 3 або 5: *Ой! О-ёй! О-ё-ёй! О-ё-ё-ё-ёй!*. Іншыя комплексы або немажлівыя, або распадаюцца на аналагічныя групы, прыкладам: *Ой-ой! Ой-ой!* і да т.п. У аглюцінатыўных комплексах моцныя пазіцыі размяркоўваюцца згодна з вышэй азначанымі законамі, у выніку чаго апошні склад заўжды стаіць пад націскам, а рэшта альтэрнуе паводле закону рэгрэсійнай акцэнтнай дысіміляцыі: **О**; **оО**; **ОоО**; **ОоОоО**, што апісваецца харэічнай і адначасна пэанічнай шкалай. Пры гэтым выклічнікі і гукаперайманні на даным этапе дзейнасці разглядаюцца ў сінхранічным аспекце як «прыродная» мадэль, тым самым мы дыстанцуемся як ад выклічнікавай, так і гукапераймальнай тэорыі паходжання мовы.

Трэцім этапам быў перанос атрыманых вынікаў на фальклорны грунт. У народным вершы, як вядома, назіраецца адносны ізасілабізм пры даўжыні коланаў 3, 4, 5 або 6 складоў, і дамінуе харэічная кадэнцыя. Зазвычай коланы з цотным лікам маюць аднаскладовыя клаўзулы, а з няцотным – нулявыя. Значыць, ядры коланаў зводзяцца да двух тыпаў: 3- і 5-складовыя. Інакш кажучы, структура выклічнікавых 3- і 5-складовых комплексаў адпавядае метрычным інварыянтам народнага верша. Калі ж для двух тыпаў коланаў увесці літарныя абазначэнні, узяўшы за норму коланы з жаночай клаўзулай, то асноўныя віды народнага верша можна апісаць як варыяцыі і камбінацыі двух тыпаў *архерытмем*: α і β (**ОоОо** і **ОоОоОо**), α_{-1} і β_{-1} (**ОоО** і **ОоОоО**), α_{+1} і β_{+1} (**ОоОоо** і **ОоОоОоо**). Даныя ўніверсальныя рытму, сутыкаючыся з акцэнтнымі асаблівасцямі розных моў свету даюць неабмежаванае багацце ўвасабленняў. Прыкладам, у польскай мове пад уплывам фіксаванага націску

5-складовік набывае выгляд $\overset{\lambda}{p}$ (OooOo), у кітайскай, кхмерскай ці в'етнамскай мовах, радкі вершаў складаюцца з меншых – 2-складовых і нават 1-складовых – элементаў, адпаведна, *субрытэмы*: v (oO) і i (O).

На цяперашнім этапе мы можам не толькі фармалізаваць усе тыпы вершаў, але і прасачыць узнікненне тых ці іншых мадыфікацый у выніку эвалюцыі архерытмам. Але не будзем спыняцца на прыватнасцях і звернемся да агульнага, разгледзеўшы пару прыкладаў фармалізацыі народных песень:

А ў полі вярба,
Пад вярбой вада.
Там хадзіла, // там гуляла
Дзеўка малада.

Формула: $[(\beta_{-1} + \beta_{-1}) + (\alpha, \alpha + \beta_{-1})]$.

У нядзельку раненька // на зары
Шчабятала ластаўка // на моры.

Формула: $[(\alpha, \alpha_{+1} + \alpha_{-1})]$.

Адкрыццё ўніверсальнага рытму як інварыянтаў верша з гунту мяняе дачыненні паміж вершам і прозаю (апошня перастае быць пунктам адліку), мяняе стаўленне да артаметрыі (правілаў вершавання), якая можа супярэчыць законам мовы ці, наадварот, спрыяць ім. Ідэя інварыянта, якую па-рознаму развязвалі, з аднаго боку – Б. Тамашэўскі ды Р. Якабсон, а з другога – А. Квяткоўскі, якую катэгарычна адпрэчваў Л. Цімафееў і ягоныя вучні, цяпер атрымвае гунт, бо рэфікуецца ўрэшце ў выклічніках і гукаперайманнях. Цяпер можна несупярэчліва пагадзіць А. Квяткоўскага і Л. Цімафеева, калі максіму апошняга «У вершы няма нічога, апроча таго, што ёсць у мове самога жыцця» [4, с. 19] дапоўніць максімай В. Чудоўскага «У пэўным сэнсе я самую вершаваную мову гатовы азначыць як мову палегчаную для вымаўлення. Рытміка – эканомія голасу» [5, с. 83]. Урэшце, тэорыя А. Квяткоўскага, якая лічылася ўтапічнай, бо не магла патлумачыць паходжання пастуліраваных універсальных структур, цяпер мае апірышча ў лагерах сваіх антаганістаў і можа толькі ўдакладняцца.

І ўсё ж угрунтаванне рытму верша ў мове не закрывае праблемы, бо мова не апошня інстанцыя. Заканамерна ўзнікае пытанне, на чым палягаюць моўныя ўніверсаліі рытму? Перад намі паўстала праблема: да каго перш-наперш звярнуцца, каб зразумець прыроду тых структур, якія выявіліся ў народным вершы і, наагул, усякім вершы. Да матэматыкаў, музыказнаўцаў ці фізіёлагаў? Напачатку здавалася, што калі ў аснове моўнага рытму ляжыць рытм дыхання, два віды пульсацый (*chestpulse* і *stresspulse* – складалічыльны рытм і такталічыльны [6, с. 403–404]), то разгадку верша трэба шукаць у фізіялогіі, толькі потым можна апісваць верш матэматычна ці прымяркоўваць да музычных рытмаў, дыяпазон якіх значна шырэйшы. Аднак шматлікія факты наводзяць на думку, што фізіялогія таксама не апошня інстанцыя. Спакваля мы прыйшлі да думкі, што моўны рытм, рытм верша ў тым ліку, гунтуецца на *кагнітыўных* універсальных. Даследаванні работы мозга гэта пацвярджаюць: «Ад дыхання вершавы памер не залежыць, бо ён падпарадкаецца не лёгкаму рытму, а мазгавому» [7, с. 85].

Інакш кажучы, рытм гаварэння, як і верша, ёсць прадуктам мыслення, і менавіта такім спосабам усталёўваецца іх адзінства. Верш у гэтым выпадку – толькі адна з праяў ментальных рытмаў. На прыкладзе выклічнікаў мы маглі бачыць, што можна вылучыць некалькі элементарных рытмавых адзінак, а менавіта: *манады, дыяды, трыяды і пентады*. Далей мы засяродзім асноўную ўвагу на, мабыць, самай яскравай з гэтага шэрага – трыядзе. Не трэба нават шукаць прыклады, каб у культурным універсуме вылучыць патрэбныя факты. Наадварот, гэтых фактаў дастаткова шмат і належаць яны да такіх розных праяў культуры, што назіраецца рэакцыя тармажэння на лішак фактаў. Асабліва шмат трыядычных комплексаў у фальклору: на самых розных семіятычных узроўнях, ад складовага да тэкставага. Вось, прыкладам, народная замова, з якой нам даводзілася працаваць раней (запісала Т. Валодзіна у в. Барсукі Лепельскага раёна ад Ніны Сяргееўны Стэльмах):

Ішоў Пан Езус / чэраз гару, // нёс тры рожы – // вірлавую, белавую, елавую.

Ішоў Пан Езус / чэраз гару, // нёс тры рожы – // урочную, падзіўную, пасмешную...

Ішоў Пан Езус / чэраз гару, // нёс тры рожы – // ветраную, вадзяную, агнявую.

Ішоў Пан Езус / чэраз тры гары, // нёс тры рожы – // бабовую, гарохавую, касцявую.

Тут трыядычны рытм рэалізуецца і беспасярэдне, у называнні лічбы 3, і ў траякім паўторы эпітэтаў ружы, і ў трохстайным паўторы дзеяння, якое замыкаецца нібыта ўжо лішнім – чацвёртым, але ўсё ж адрозным ад астатніх, перыядам, у якім тройка ўзводзіцца на новы ўзровень. Падаваць прыклады з казак, песень, прымавак і загадак проста няма сэнсу, бо яны ўсім вядомыя.

Мабыць, чым больш выпадковы і больш эклектычны набор выпадкаў, тым лепш. Ад фальклору звернемся да філасофіі, навукі і літаратуры. *Клімент Смаляціч* (адзін з першых беларускіх філосафаў) казаў аб наступных ступенях экзэгетыкі тэксту: *целавы, душэўны, духовы сэнсы*, і ягоная ж гістарыясофія: *часы завету, закону і ласкі*. Аналагічную трыядычную цыклізацыю гісторыі мы сустрэнем у *Канстанціна Лявонцьева*, ужо на іншых падставах, але ў той жа паслядоўнасці: *першаснай прастаты, квяцістай складанасці і згасання*. І ў той жа час *марксізм*, які прэтэндаваў на навуковае тлумачэнне гісторыі, асабліва яго савецкая версія, адаптаваная ў грамадскай свядомасці, проста перанасычаны трыядамі, вось, скажам, тры крыніцы марксізму, якія і сёння шмат хто добра памятае: *класічная нямецкая філасофія, ангельская палітэканомія і ўтанічны сацыялізм*; класіфікацыя дысцыплін: *дыялектычны матэрыялізм, палітэканомія і навуковы камунізм*; тры эксплуатацыйныя фармацыі: *рабаўласніцтва, феадалізм, капіталізм* (пры гэтым азіяцкі спосаб вытворчасці, які быў у Маркса, чамусьці знік) і, урэшце, тры законы дыялектыкі: *адзінства і змаганне супярэчнасцей, пераход якасці ў колькасць ды адмаўленне адмаўлення* (у тэрмінах беларускага паэта *Зніча: спрэчва, сутва, знічва*). Да законаў дыялектыкі можна дадаць тры катэгорыі эстэтыкі: *прыгожае і пачварнае, высокае і нізкае, трагічнае і камічнае*. Варта звярнуць увагу, што ў апошнім прыкладзе кожная трыяда распадаецца на дыяды, якія таксама маюць сваю структуру.

Трыядычную класіфікацыю мы можам знайсці там, дзе яе здавалася б не магло быць у прынцыпе. Прыкладам, *Карл Понер*, які нямала высілкаў патраціў на выкрысцё *гістарыцызму*, *эсэнцыялізму* і *эстэтызму* ў навуцы і сацыяльным жыцці, класіфікуе спосабы пазнання ў тым жа трыядычным рытме: *эсэнцыялізм*, *інструменталізм*, *крытыцызм*. І гэта не адзіная трыяда, якую мы можам сустрэць у айца крытычнага рацыяналізму. Вось яшчэ прыклад, чыста навуковая спроба класіфікацыі літаратурных эпох паводле *Елізара Меляцінскага*: *паэтыка без паэтыкі*, *паэтыка стылю і жанру*, *паэтыка аўтара*. Спіс можна доўжыць, узяўшы экзистэцыйныя версіі асобы: тры воблікі абсурднага чалавека ў *Альбера Камю* – *Дон Жуан*, *акцёр*, *заваёўнік*, тры шляхі прыстасавання да рэчаіснасці ў *Фёдара Сцяпуна*: *мешчанін*, *містык*, *акцёр*, здавалася б, *Назін Хамітаў* класіфікуе асобу ў дыядычным ключы: *людзі нуды* і *людзі тугі*, але і ў яго дыяда лагічна пераўтвараецца ў трыяду: *туга*, *нуда*, *свабода*. Тут мы абстрагуемся ад таго наколькі арыгінальная, трывіяльная, мастацкая, навуковая ці антынавуковая тая ці іншая канцэпцыя, наколькі яна вядомая ці малавядомая. Структура іх разумовага рытму аднолькавая.

Бадай што, самая паслядоўная ўвасабленне трыядычнага прынцыпу можна знайсці ў малавядомага рускага філосафа XVI ст. *Ермалая-Еразма*. Свядома апелюючы да хрысціянскага прынцыпу траістасці, ён пабудаваў метафізіку ў форме вобразна-філасофскіх трыадзінстваў: прырода ў яго ўвасабляецца як *святло*, *змрок*, *цёмра* або *вецер*, *навальніца*, *бліскавіца*, чалавек, у сваю чаргу, дзеліцца на *розум*, *слова*, *душу*, а вонкава – на *галаву*, *тулава*, *канцавіны*. Чаго тут больш, фальклору ці містычнага інтуітывізму, – адразу і не скажаш, у прынцыпе, кожны з гэтых шэрагаў можна прадоўжыць на фальклорным матэрыяле, прырода: *сонца*, *месяц*, *зоры* і г.д. Звернем увагу, як гвалтоўна і непарапарцыянальна групуюцца адзінствы (*галава*, *тулава* і *канцавіны*) ні ў колькасным, ні ў якасным плане не супастаўляльныя, але ў нас гэта не выклікае дыскамфорту, наадварот, застаецца ўражанне зграбнасці і дасціпнасці мастацка-філасофскай канструкцыі Ермалая-Еразма. Яшчэ адну спробу пабудовы метафізікі трыадзінства, заснаваную на лагічным прынцыпе дыхатамічнага падзелу, уздымаў «рускі аль-Газалі» *Міхаіл Магніцкі*, але спыняцца на ёй мы не будзем.

Які ж працэнт гвалтоўнасці і чыстага эстэтызму ў нашых навуковых пабудовах? Даводзіцца прызнаць, што «чалавек зводзіць сігналы з навакольнага свету да сваіх уласных катэгорый і ўспрымае толькі тое, што наўпрост адказвае на пытанні, якія ён сам здольны задаць» [7, с. 75]. Мы пакідаем убаку іншыя лікавыя комплексы, скажам, дыяды, хоць матэрыялу аб іх не менш, чым аб трыядах. Асабліва цікавыя апазіцыі, у якіх разгортваецца чалавечае мысленне: *неба* – *зямля*, *інь* – *ян*, *плюс* – *мінус*, *паэзія* – *проза*, *дыгласія* – *білінгвізм* і г.д. Дыялектыка, што спрабавала адасобіцца ад міфалагічных апазіцый, структуралізм, які чынна аперыруе нібыта чыста навуковымі апазіцыямі – нішто не мае індульгенцыі на абсалютную праўду,

і самыя навуковыя канструкты падлягаюць такому самаму крытыцызму, як і архаічныя ўяўленні. Але ад слова *халва* не робіцца соладка ў роце. Што мы можам рабіць, назіраючы, кажучы словамі В. фон Гумбальдта, «лагічную эўрытмію», аналізуючы «рытміку сэнсу»? Пабудаваць граматыку лікавых комплексаў, арыфметыку рытму? Дэканструяваць усе чалавечыя веды?

Першая практычная выснова, якую мы можам зрабіць, – гэта паставіць пытанне аб *рытарычна паспяховых* разгортваннях думкі. Трыядычнае ўвасабленне пакідае ўражанне паўнаты і завершанасці, пэўнай вычарпанасці карціны свету. Ад яго застаецца ўражанне камфорту і праўдзівасці, маўляў, інакш і быць не магло. А ўвасабленне ідэі ў выглядзе бінарных апазіцый, наадварот, стварае эўрыстычную сітуацыю, уражанне акрэсленасці праблемы, і ў той жа час – адкрытасці яго развязанняў, «бясконцасці ў канечным». Раскладанне ведаў па лікавых комплексах трэба ўспрымаць як рабочы інструмент, які падлягае ўдасканаленню. Урэшце, веды аформленыя ў згодзе з рытмікай мыслення, лепш запамінаюцца. Другая ж, адваротная, выснова, якую можам зрабіць, – скептычная, дэканструктывісцкая: чым больш эстэтычна зграбны прадукт пазнання, тым больш пільнай фальсіфікацыі падлягае. Не ўсё, што здаецца нам слухным, такім ёсць насамрэч, бо ёсць магія рытму, якая стварае ілюзію праўдападобнасці.

ЛІТАРАТУРА

1. «В природе ритмических процессов лежит число...» : переписка А. П. Квятковского и А. Н. Колмогорова / вступ. зам. И. Роднянской ; коммент. И. Роднянской, В. Губайловского // Вопросы литературы. – 2008. – № 4. – С. 5–38.
2. *Тарановский, К.* О ритмической структуре русских двусложных размеров / К. Тарановский // Поэтика и стилистика русской литературы : сб. – Л., 1971. – С. 420–429.
3. *Востоков, А. Х.* Опыт о русском стихосложении / А. Х. Востоков. – 2-е изд., знач. поп. и испр. – СПб. : Морская тип., 1817. – 168 с.
4. *Тимофеев, Л. И.* Теория стиха / Л. И. Тимофеев. – М. : Худож. лит., 1939. – 232 с.
5. *Чудовский, В.* Несколько мыслей к возможному учению о стихе (с примерным разбором стихосложения в I главе «Евгения Онегина») / В. Чудовский // Аполлон. – 1915. – № 8–9. – С. 55–95.
6. *Аберкромби, Д.* Взгляд фонетиста на структуру стиха // Новое в зарубежной лингвистике / сост. и вступ. ст. И. Р. Гальперина. – М., 1980. – Вып. 9 : Лингвостилистика. – С. 404–412.
7. *Тернер, Ф.* Поэзия, мозг и время / Ф. Тернер, Ф. Пёппель // Красота и мозг: Биологические аспекты эстетики / под ред. И. Ренчлера, Б. Херцбергера, Д. Эпстайна. – М., 1995. – С. 74–96.

Ю. А. Подберезская (Минск, Беларусь)

ВАРЬИРОВАНИЕ ЦВЕТОВОЙ СЕМАНТИКИ МИКРООБРАЗА
В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ
О. ИПАТОВОЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Как известно, перевод художественных текстов является самым трудным и своеобразным из всех типов перевода, так как они отличаются особенной образностью и именно в них широко представлены выразительные средства языка (сравнения, метафоры, аллегории и т.д.). Адекватный перевод образов одного языка на другой – довольно сложная задача, так как любые изменения формы художественного образа могут привести к его расширению или упрощению. Анализ и интерпретация текстов оригинала и перевода позволяют проследить целостность внутренней организации художественного текста и неповторимость художественного образа. Изменение художественного образа при переводе связано прежде всего с преобразованиями, зависящими от речевой ситуации и вызывающими необходимость различного рода добавлений и опущений.

Нередко основным компонентом художественного образа являются колоративы, которые «благодаря семантической гибкости и многоплановости способны растворяться в контексте, образуя вместе со своим семантическим и ассоциативным окружением некое целое» [1, л. 6]. При этом они являются значимыми средствами художественной выразительности и представляют культурологическую информацию.

Интересными в плане исследования представляются лексические несоответствия между оригиналом и переводом художественного текста, а именно – случаи появления и случаи опущения колоративов в тексте художественного перевода, мотивированность этих процессов и степень их семантико-эстетической значимости в пределах художественной системы исторических романов О. Ипатовой.

Мы, вслед за Н. В. Усанковой, выделяем следующие виды таких несоответствий [Там же, л. 155]: 1) собственно замена (трансформация), то есть употребление в переводе слова, отличного от данного нюансами значения (случаи предпочтения переводчиком эквивалентов, которые могут быть не зафиксированы в словарях как прямые соответствия колоративу оригинала, но находятся с ним в непосредственной системно-языковой соотнесенности); 2) опущение колоратива, то есть отсутствие в переводе его эквивалента. Для обозначения отмеченного феномена семантико-эстетической вариативности художественного образа мы, как и Н. В. Усанкова, используем термин *интеграция*, иначе говоря, «семантическое объединение компонентов образной структуры оригинального текста в пределах коррелирующей с ней структуры в рамках текста переводного» [Там же, л. 156], осуществляемое на основе сходства картин мира, заключенных в языках оригинала и перевода; 3) случаи появления в переводе колоратива, отсутствующего в тексте оригинала. Подобные случаи могут быть представлены как дезинтегративные, при этом семантическое расчленение значения художественного образа оригинала предпринимается с целью создания и восстановления

ассоциативного компонента, который «в идеале призван способствовать облегчению восприятия художественного образа и обнаружению семантико-эстетической, ассоциативной взаимосвязанности конкретного образа с целостной структурой образной ткани произведения» [1, л. 156].

Феномен дезинтеграции объясняется желанием переводчика обеспечить достижение адекватного восприятия читателем смысловой и эмоционально-оценочной заданности художественного образа, которая в силу отсутствия языкового и культурного барьера легче декодируется носителем одного с автором текста языка и одной с ним культуры.

В соответствии с высказанной точкой зрения обращают на себя внимание случаи, в которых колоратив выступает в качестве концентрации контекстной заданности, которая при этом «настолько сильна, что способна выражаться в виде формально обозначенного (вербального) средства в тексте перевода» [2, л. 160]. Причем, кроме контекстной заданности, ничто другое программировать появление данного средства не может. Ср.: *Ліпец быў свараны яшчэ ўлетку, настаяўся, і ад яго ў святліцы пахла квеценню, хаця за вокнамі стаяла марозная, з шэранню на дрэвах раніца – Ліпец был сварен еще летом, настоялся, и от него в светлице пахло цветением, хоть за окнами стояло морозное, с серебряным инеем на деревьях утро.*

С появлением цветообозначения *серебряный* (цветом или блеском напоминающий серебро [3, с. 950]) в тексте перевода микрообраз становится более выпуклым, зримым. То, что присутствовало в тексте оригинала имплицитно, выходит на поверхность, и читатель перевода получает адекватное восприятие образа, основанное на ощущении блестяще-белого, радостного, морозного утра.

Если в предыдущем случае появлению цветового слова способствовал только контекст, то в иных случаях контекст побуждает к трансформации слова, функционирующего в оригинальном тексте и не имеющего отношения к наименованиям цвета, в цветовую лексему, обладающую дополнительными значимыми признаками: *Міндоўг, азмрочаны іх няміласцю, можа, і з'ехаў бы з Храмавага горада, каб не прыгледзеў тут прыгажунню-жрыцу – Миндовг, чернее тучи от такой немилости, быстро покинул бы Храмовый город, если бы не попалась ему на глаза красавица жрица; Гедзімін устаў. Сцёрты яго твар зноў ажываў, вочы шалёна ўспыхнулі... – Гедимин встал. Пепельное его лицо опять ожило, глаза бешено вспыхнули, когда он, с трудом разжимая губы, выдавливал из себя эти слова.*

Оба контекста можно рассмотреть параллельно. Если автору оригинального художественного текста для того, чтобы определенным образом воздействовать на читателя, достаточно указанных средств, то автор художественного перевода решил, что для передачи ощущения глубокой печали, тревоги, дисгармонии в душе героя, связанных со смертью любимой дочери, внуков и зятя, предоставленных средств окажется недостаточно. Оценка контекста выразилась в реализации цветового представления, заложенного в мысленной картине, связанной со смертью и скорбью, другими словами – дезинтеграции целостной семантики образа.

Приведенное ниже описание реализуется применительно к описанию болезни главного героя, вызванной потерей любимой женщины, кровавой резней и смертью близкого друга: *...наплылі блякля плямы, замільгали шалёна і рэзка – мёртвы твар Нізмата, чырвоная камізэлька і сіняя кашуля таго з вартаўнікоў, хто стаяў да яго бліжэй за ўсіх – ...а Алекса обессилено повалился на жесткий выцветший коврик, на котором лежал, и в глазах его поплыли **багровые** пятна, замелькали бешено и резко – мертвое лицо Нигмата, красный жилет и синяя рубашка одного из стражников, который стоял к нему ближе всех.*

Это центральное, в композиционном отношении кульминационное, а следовательно, наиболее значимое для данного художественного целого трагическое событие, отмеченное мощной негативной коннотативной направленностью. Появляющееся в тексте перевода цветное слово *багровые* является наиболее адекватным средством выявления характера цветового представления, его ситуативной отнесенности, коннотативной направленности. Семантика заявленной лексемы на коннотативном уровне определяется тем, что в соответствии со спецификой его преобладающих цветообразов (война, пожар, цветовая насыщенность, высокая степень цветового охвата), обусловленных наиболее типичными зонами функционирования, здесь как доминирующие выявляются коннотативные признаки резко отрицательной эмоциональной направленности.

Интегративная тенденция в процессе художественного перевода основывается на сходстве картин мира языка оригинала и перевода и выражается в отсутствии необходимости привлечения вербально обозначенных разъясняющих средств. Представим интегративные тенденции, заявленные в ходе перевыражения колоративов оригинала романов О. Ипатовой.

Большая часть подобных употреблений основана на ассоциативной связи с цветовыми прототипами. Ср.: прототип красного цвета – «огонь»: *Бывала, што людзі праляталі праз чырвонае пекла так хутка, што на іх амаль не заставалася слядоў – Бывало, што людзі пролетали через **огненную** преисподнюю так быстро, что на них почти не оставалось следов; ...падоўгу стаяў на каленьках перад ахвярнымі агнямі, як бы стараючыся нешта ўбачыць праз зменлівыя абрысы чырвані – ...подолгу стоял на коленях перед жертвенными огнями, будто стараясь что-то увидеть сквозь изменчивые абрисы **пламени** и т.п.*

Прототип «кровь»: *Мезенец на правай руцэ, адсечаны крыжацкім мячом, тырчаў чырвона-сінім абрубкам – Мизинец на правой руке, отрубленный мечом крестоносца, торчал **кроваво-синим** обрубком; А Альбрэхт, наадварот, уваходзіў у смак – яго круглы твар наліўся чырванню, ільсніўся, як намазаны маслам – А Альбрехт, наоборот, входил во вкус – его круглое лицо налилось **краской** и лоснилось, как намазанное маслом; І чырвань сапраўды заліла мой твар... – И **краска** действительно залила мое лицо...; Слухаў пульс, а ўласная кроў пабегла шпарчэй, чырвань ударыла ў шчокі – Слушал пульс, а собственная кровь побежала быстрее, **краска***

ударил в щеки; Але ён тут жа апусціў вочы, і гарачая **чырвань** заліла твар... – Однако он тут же опустил глаза, и горячая **краска** залила лицо...; Пад усмеішлівым яго позіркам дзяўчынка спачатку горда выпрасталася, але тут жа **чырвань** пачала заліваць яе бледныя шчокі – Под насмеішливым его взглядом девочка сначала гордо выпрямилась, но тут же **краска** начала заливать ее бледные щеки и т.п. В последних микроконтекстах колоратив по сути заменяет лексему *кровь*, что подтверждается наличием компонентов ‘налилось’, ‘залила’, ‘начала заливать’, которые принадлежат семантической группе «Жидкость». Подобная ассоциация естественна, если учитывать физиологический механизм покраснения кожи. Здесь на основании цветового признака осуществляется перенос в метафорах с компонентами ‘кровь’ и ‘краска’.

Помимо случаев, когда стимулом соответствующих интегративных процессов являются стойкие ассоциативные связи, отражающие цветовой миф, существуют и контексты, в которых «подмена становится причиной семантико-коннотативной специфики той или иной цветовой лексемы» [1, л. 167]. Ср.: ...а вусны гаротна сціснуліся ў палоску... і была яна без памяці, не было вакол рота гэтых маленькіх рысачак... а між брывамі круглай, як **ружовая** вішня, плямы. Я ведаў, што значыць гэтая пляма – чалавеку дадзена зазірнуць у вечнае, вокам не тым, што накіравана ў зямны свет, а тым, што бачыць незямное... Такія **ружовінікі** бывалі і ў мяне ў тыя ночы, калі бачыў вешчыя сны альбо перакідаўся ў мінулае ці будучае... – ...а губы горестно сжалісь в полоску... и была она без памяти, не было вокруг рта этих маленьких черточек... а между бровей круглого, как спелая вишня, пятна... Такие **отметинки** бывали у меня в те ночи, когда видел я вещи сны или переносился в минувшее или будущее...; Нейчая душа, якая вілася каля закаханых і толькі чакала моманту, увайшла ў ейнае тугое, **ружовае**, поўнае сіл цела – Чья-то душа, которая вилась вокруг влюбленных и только ждала момента, вошла в ее тугое, полное сил тело. Коннотация нежности, красоты, созревания, заключенная в семантической структуре колоратива *ружовы*, и наличие компонентов ‘вишня’, ‘полное сил’ способствует возникновению близких указанным коннотациям коннотативных компонентов ‘спелый’, ‘зрелый’, функционирующих в качестве эквивалентов указанного цветонаименования в пределах переводного текста.

При анализе следующего контекста: Яна ўтаропілася ў мяне, макавыя кветкі **чырвона** ўспыхнулі на круглых шчоках – Она вперилась в меня, маковые цветы **ярко** вспыхнули на круглых щеках – обращает на себя внимание некоторое сгущение красного цвета в оригинале, передающееся дополнительным, в какой-то мере избыточным компонентом – колоративом *чырвона*, которому в тексте художественного перевода соответствует лексема ‘ярко’, имеющая отношение к наименованию света, а не цвета.

Применительно к выше описанной ситуации целесообразно рассмотреть следующий контекст: Князь нягнуткімі пальцамі дастаў пярсцёнак з карабка. Дзівоснай **сінечы** лазурит падобны быў да кветкі – Князь

негнуцимся пальцями достал перстенок из коробка. Удивительной **красоты** лазурит подобен был цветку. Похожесть случаев не вызывает сомнения. Употребление в оригинале колоратива *сінеча* рядом с лексемой *лазурыт*, относящейся к цветовой группе «Синий» (лазурит – «минерал синего цвета, содержащий серу и являющийся ценным поделочным камнем» [3, с. 397]), вызывает переизбыток цветового компонента значения и в переводном тексте интегрируется в лексему *красота*.

В рамках следующих контекстов интегрированию подвергаются значения колоративов группы «Черный»: *...неразумна цяпер, перад вялікім паходам Міндоўга на сваіх родзічаў-ворагаў, уздымаць супраць князя **чорную** чадзь, ды дзе – на межах княства! – ...неразумно тепер, перад великим походом Миндовга на своих родичей-недрузов, подниматься на своих же людей и где – на границах княжества!; Быў бы **чорнай** чаддзю, засеблі б, можа, да смерці... – Был бы **простым** челядинцем, скорее всего, засекли бы лозою насмерть; ...што здабывае сабе **чорнай** працай за год які-небудзь бедалага-сялянін, то колькі трэба такіх сялян... – ...чего стоит хотя бы один камешек в сравнении с тем, что добывает себе **каторжным** трудом за год какой-нибудь бедолага-крестьянин, то сколько надо таких крестьян?..* Коннотации, связанные с представлением, что «черный – это образ земли... Черный составляет суть пищи и всего материально-земного» [4, с. 12] и что бедные «черные» люди (терминологическое сочетание «черные люди» обозначало «всю массу простых непривилегированных людей» [2, л. 105]), которые тяжело работали на земле, ели исключительно черный хлеб, свидетельствуют о социальной принадлежности описанных персонажей и способствуют возникновению в переводе в качестве эквивалента указанного цветоименования компонентов ‘простой’, ‘каторжный’.

Анализ приведенного выше материала позволяет сделать следующее заключение: глубокое включение, своеобразное растворение слов в контексте, содержащем цветное представление, может обусловить появление цветных слов в тексте перевода, обеспечить возникновение феномена семантико-эстетической дезинтеграции художественного образа. Семантическое растворение, при котором слово и его семантическое окружение вызывают ответные психологические импульсы у читателя-носителя языка без привлечения дополнительных (разъясняющих) средств, ориентируют переводчика на подбор адекватного средства, благодаря которому читатель перевода смог бы получить информацию, максимально близкую той, которую получает читатель оригинала. Зачастую в качестве подобного средства может выступить цветная номинация.

Интегративная тенденция основана на сходстве ассоциативных картин мира, она растворяет в контексте компоненты общепонятные, в каком-то смысле избыточные. Однако преобладание в тексте художественного перевода микрообразов с интегрированной цветовой семантикой ведет к ослаблению значимых, доминантных языковых средств, искажая тем самым адекватное восприятие читателем картины мира автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Усанкова, Н. В.* Специфика структурной соотнесенности лексико-семантической парадигмы цветообозначений красного тона в романах Г. Сенкевича и их русских переводах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03; 10.02.01 / Н. В. Усанкова. – Калининград, 2001. – 187 л.
2. *Кузнецова, И. С.* История переносных употреблений цветообозначений в памятниках XVII–XVIII вв. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / И. С. Кузнецова. – М., 1989. – 214 л.
3. *Ушаков, Д. Н.* Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Альта-Принт, Изд-во «ДОМ. XXI век», 2008. – 1239 с.
4. *Миронова, Л. Н.* Цвет в изобразительном искусстве / Л. Н. Миронова. – Минск : Беларусь, 2002. – 151 с.

А. А. Захарова (Минск, Беларусь)

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИЗУЧЕНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В БЕЛОРУССКИХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В настоящее время явление прецедентности тесно связано с современными средствами массовой информации, что отражает стремление авторов к активному использованию таких языковых единиц, которые, накапливая культурную информацию, несут особую смысловую нагрузку и могут отражать как универсальное, так и национально обусловленное восприятие окружающей действительности. В организации газетных текстов прецедентные феномены могут играть различную роль: прецедентность занимает доминирующее положение в структурной, смысловой и эстетической организации текста, прецедентные феномены служат для привлечения внимания к статье, побуждая читателя прочитать заметку.

Сказанное выше определяет актуальность данного исследования.

Источником материала для исследования послужили тексты, представленные в публикациях материалов газет «Советская Белоруссия» и «Сельская газета» в период с августа 2016 года по февраль 2017 года. Всего было отобрано 50 фактов употребления прецедентных феноменов.

Анализ существующих научных публикаций, посвященных феномену прецедентности, указывает на многообразие возможных оснований для классификации прецедентных феноменов. Выбор принципов классификации зависит от цели, задач исследования и рассматриваемого материала.

Для выявления специфики функционирования прецедентных имен в пространстве современных белорусских русскоязычных газет был осуществлен многоаспектный анализ, направленный на выявление типов прецедентных феноменов (ПФ), сфер-источников прецедентности, принадлежности к той или иной культуре и т.п.

Проведенная по итогам анализа классификация позволила разделить имена по различным признакам: прецедентные имена, которые являются именами реальных деятелей жизни общества; прецедентные имена, которые являются именами персонажей литературы, кино, мифологии и религии; прецедентные имена, которые представляют собой названия событий, в дальнейшем ставших прецедентными феноменами и прецедентные феномены, которые представляют собой названия объектов.

Исследование прецедентных феноменов, которые используются в белорусских средствах массовой информации, свидетельствует о том, что имеющаяся в национальном сознании система прецедентных феноменов – это важное явление в жизнедеятельности и культуре общества. Данный феномен является одним из средств осмысления, постижения, оценки и описания действительности.

Прецедентные феномены – это неотъемлемая часть национальной языковой картины мира. Они определяют национальные ценности, которые в разной степени координируют поведение представителей национально-лингвокультурного сообщества.

Рассмотренные нами классификации прецедентных феноменов показали, что к числу наиболее существенных оснований для классификации относятся следующие.

1. Классификация прецедентных феноменов по источнику прецедентности. Необходимо различать:

- прецедентные феномены-объекты;
- прецедентные феномены-события;
- прецедентные феномены-персоналии: прецедентные имена деятелей и прецедентные имена персонажей.

2. Классификация ПФ по сфере-источнику:

- прецедентные феномены из сферы искусства;
- прецедентные феномены из сферы науки;
- прецедентные феномены из социальной сферы;
- прецедентные феномены из сферы религии.

3. Классификация ПФ по происхождению.

4. Классификация ПФ по специфике функционирования в структуре текста.

Опираясь на результаты анализа прецедентных феноменов в белорусских средствах массовой информации, мы можем утверждать, что ассоциации с какими-либо объектами или историческими событиями вызывают всего 12 % от всех рассмотренных прецедентных феноменов, в то время как ассоциации с персоналиями встречаются в четыре раза чаще (88 %). Из прецедентных феноменов-персоналий нами были выделены феномены, восходящие к именам реальных деятелей, а также имена вымышленных персоналий, причем первые преобладают (70 % и 30 % соответственно).

Благодаря проведенному исследованию мы узнали, что в статьях белорусских средств массовой информации активнее всего используются прецедентные феномены инокультурного происхождения (54 %), из которых наиболее востребованными являются имена, названия событий и объектов, пришедших из культуры Великобритании и США.

Процентное соотношение прецедентных феноменов по сферисточнику позволяет отметить тот факт, что сфера искусства является доминирующей (64 %) при использовании прецедентных феноменов в средствах массовой информации. Данная сфера включает в себя феномены, восходящие к литературе, музыке, кинематографии, архитектуре, изобразительному искусству и т.д.

Определенный интерес вызывал тот факт, что белорусские авторы отдают предпочтение прецедентным феноменам, которые преимущественно происходят из литературной классики, а также именам и событиям, надолго остающимся в народной памяти, стараясь избегать использование прецедентных имен текущего момента.

При использовании прецедентных феноменов авторы статей ориентируются на реальный уровень эрудированности своих читателей, так как незнание значения прецедентных феноменов могут значительно затруднить понимание прочитанного, особенно для иностранных студентов.

О. А. Захарова (Минск, Беларусь)

ВЫЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В СИНОНИМИЧЕСКИХ РЯДАХ КОЛОРОНИМОВ (на материале русского и английского языков)

Актуальность данной работы состоит в изучении структуры синонимических рядов цветономинации в русском и английском языках, выявлении особенностей функционирования синонимов и факторов, способствующих синонимии. Рассматривается прагматический потенциал колоронимов и специфика их дистрибуции, асимметрия формы и содержания в синонимических рядах в английском и русском языках, а также особенности их употребления.

Русский и английский языки являются одними из самых богатых языков в мире, поскольку они обладают огромным количеством средств, позволяющих не только избежать тавтологии, но и сделать речь более выразительной, подобрав слова, наиболее подходящие для той или иной ситуации. Синонимия одно из таких средств языка. Синонимия может быть названа тождеством или близостью значения разных по звучанию единиц одного языкового уровня (слов, морфем или синтаксических конструкций).

Лингвистическую природу синонимии можно объяснить асимметрией знака и значения, стремлением выражать известное содержание не только своей первичной формой, но и другими языковыми средствами. Поскольку синонимам, как и большинству слов, свойственна многозначность, они включаются

в сложные синонимические отношения с другими многозначными словами, образуя разветвленную иерархию синонимических рядов. С иными словами синонимы связаны отношениями противоположности, образуя с ними антонимические пары.

Как отмечает Ю. П. Апресян «Отличия в синонимии русского и английского языков заключаются, в основном, в этимологии синонимов, определяющейся различием исторического развития столь неблизкородственных языков, какими являются русский и английский. Отличия касаются и стилистических особенностей употребления синонимов, например, в современном русском языке синонимы исконно славянского происхождения обычно имеют оттенок книжности, тогда как в современном английском языке исконно английские слова чаще принадлежат к разговорному стилю. Кроме того, специфической особенностью современного английского языка является наличие в нем синонимических групп, относящихся к категории британо-американских синонимов, в русском же языке подобного не наблюдается» [1, с. 502–540].

Основываясь на лексико-грамматическую соотнесенности, синонимическими рядами как в русском, так и в английском языках могут быть представлены только словами одной части речи. Также в синонимических рядах обоих языков могут объединяться сочетания слов разных типов: знаменательные слова и сочетания служебных слов со знаменательными.

Синонимические ряды в английском языке, так же как в русском, характеризуются относительной незамкнутостью, поскольку в них возможны изменения и дополнения, благодаря процессам развития всей лексической системы. Количество слов в выбранных синонимических рядах английского и русского языков неодинаково: в синонимическом ряду русского языка мы выявили 28 лексем, в английском же синонимическом ряду – 15.

Структура семантических полей в русском и английском языках идентична, поскольку их структурообразующими признаками являются 1) возможность выделить в составе поля ядро и группы слов на основе общности семантических значений (микрополя); 2) наличие иерархической структуры; 3) возможность определения его границ.

Основой нашего исследования было изучение синонимических рядов с точки зрения происхождения их элементов, изменения значения (расширение, сужение или перенос значения). В нашем исследовании мы определили, в каких сферах коммуникации употребляются данные колориты. Особое место в этой работе занимает рассмотрение сочетаемости имен прилагательных в синонимических рядах английского и русского языков.

Благодаря нашему исследованию, мы узнали, что в русском синонимическом ряду производные лексем составляют около 10 %, морфемные дериваты – 45 % и семантические дериваты – 45 %. В английском же синонимическом ряду производные лексем составляют около 29 %, морфемные дериваты – 29 % и семантические дериваты – 42 %.

Что касается этимологии лексем, то в русском синонимическом ряду появляются слова древнерусские, общеславянские, праславянские, старославянские и образованные от заимствованной основы. Большинство составляют лексемы, образованные от заимствованной основы – 39 %, старославянские – 26 %, праславянские – 19 %, древнерусские – 13 % и общеславянские – 3 %. В английском синонимическом ряду появляются слова староанглийские, заимствованные из старофранцузского, слова голландского происхождения и слова, заимствованные из латинского языка. Наиболее распространенным является явление заимствования слов из староанглийского и латыни – 34 % слов синонимического ряда. Слова, заимствованные из староанглийского составляют 20 %, а из голландского – 13 %.

В результате исследования значения слов в синонимических рядах мы обнаружили тенденцию к расширению значения слов как в английском, так и в русском языках. После изучения сфер употребления данных лексем мы сделали вывод, что процентное соотношение книжной, нейтральной и просторечной лексики в английском и русском языках приблизительно одинаково. В то время как количество разговорной лексики русского языка значительно превышает количество разговорной лексики в английском языке.

Результатом нашего исследования является вывод о том, что, в целом, несмотря на наличие определенных специфических черт и некоторых отличий колоронимов в обоих рассматриваемых языках, явление синонимии в таких неблизкородственных индоевропейских языках, как русский и английский, можно охарактеризовать как существенно сходное, поскольку обнаруживается значительное сходство как в структуре синонимических рядов, так и в их составе, употреблении, стилистических особенностях и выполняемых в речи функциях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян, Ю. Д.* Английские синонимы и синонимический словарь / Англо-русский синонимический словарь / Ю. Д. Апресян [и др.]. – М. : Рус. яз., 2000. – 540 с.

Секция II
НАИВНАЯ КАРТИНА МИРА,
ОТРАЖЕННАЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ

А. И. Головня (Минск, Беларусь)

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА
«ЗДОРОВЬЕ» В РУССКОЙ НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Концепт *здоровье* в русской культуре является ключевым, так как только здоровый и счастливый человек может создавать материальные и духовные ценности.

По словарю В. И. Даля *здоровье* – «состоянье животного тела (или растения), когда все жизненные отправления идут в полном порядке, отсутствие недуга, болезни» [1, с. 675]; по словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой – «правильная, нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие» [2, с. 223]. Толковый словарь Д. Н. Ушакова также уточняет, что *здоровье* – «состояние правильно функционирующего, неповрежденного организма» [3].

Еще одно толкование, даваемое многими словарями с оговоркой «переносное» для *здоровья* – состояние благополучия различных систем, отражающих некие социальные образования: «здоровье общественной жизни, предприятий и т.п.» [Там же].

Понятие *здоровья* в атрибутивном приложении выражено в русском языке однокоренным прилагательным *здоровый*. Значения лексемы *здоровый* в словарях русского языка представлены следующими дефинициями:

1. Обладающий здоровьем, не больной. *Здоровый ребенок. В здоровом теле здоровый дух. Долго болел, а теперь здоров.*

2. Выражающий, обнаруживающий здоровье. *Здоровый вид. Здоровый румянец.*

3. Полезный для здоровья. *Здоровая пища.*

4. перен. полезный, правильный. *Здоровая идея. Здоровая критика. Здоровый быт.*

Как просторечные обозначены следующие значения:

1. Сильный, крепкого сложения. *Здоровый парень.*

2. О предметах, явлениях: большой, сильный, громкий, крепкий. *Здоровый мороз. Здоровый голос. Здоровая палка.*

Одно из словарных значений лексемы *здоровье* «то или иное состояние организма» – сопровождается в словарях примерами ее употребления с оценочными определениями *хорошее, крепкое, слабое, плохое* и т.п., демонстрируя тем самым полярность оценки этого феномена: положительная оценка: *хорошее, крепкое*; отрицательная оценка: *слабое, плохое*. Положительная оценка номинируется лексемой-существительным *здоровье*, дефиниции которой включают оценочные номинации: «правильная, нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие» [4, с. 227]; «состояние правильно функционирующего, неповрежденного организма» [3].

Рассмотрим оценочные значения лексем, входящих в состав данных определений здоровья. Русская лексема *благополучие*, являясь фактически дескрипцией здоровья – «хорошей судьбы» [5, с. 48], как нельзя более точно передает то положение, которое человек занимает в мире, представляемом оценкой как «среда и средство для человеческого бытия»: его зависимость от этой среды, т.к. мир в конечном итоге обращен на него, и принцип оценки – «Мир существует для человека, а не человек для мира»; оценивается, таким образом, то, «что нужно (физически и духовно) человеку и человечеству» [6, с. 32]. Таково оценочное значение всего того, что способствует «хорошей судьбе» организма, факторов положительно на него влияющих: пищи, воздуха, воды, солнца, физических упражнений и т.п., обладающих «целебной силой» (подаваемой словарями как одно из значений лексемы *здоровый*), и имеющих следующие оценочные определения: *целебный, целительный, лечебный, укрепляющий, санитарный, тонизирующий, очистительный, корректирующий, асептический, питательный, санаторный, стимулирующий, восстанавливающий, оживляющий, живительный, освежающий, реконструирующий, поддерживающий, обновляющий, оздоровительный / оздоравливающий, полезный.*

Значительное количество фразеологических единиц (в особенности пословиц и поговорок) также содержат оценку такого вида: *Кто встал до дня, тот днем здоров; Баня – мать вторая, кости распаришь – все тело исправишь; Болен – лечись, и здоров – берегись.*

Благополучие организма (под которым подразумевается в данном случае благополучие человека) квалифицируется и частнооценочным типом аксиологического значения различных языковых единиц в виде оценочных номинаций: *кровь с молоком, свежест* и т.п.; оценочных определений: *завидное, крепкое, могучее* и т.п. (здоровье), *крепкотелый, живучий, выносливый* и т.п. (человек); оценочных предикатов: *чуть не лопнет, в хорошей / прекрасной форме; жив и здоров; абсолютно здоров; в здравом уме и твердой памяти; физически / психически здоров; все в порядке со здоровьем; (здоровье) в норме / в порядке.* Это закреплено и в паремиях русского народа: *Здоровый человек смотрит обоими глазами и работает обеими руками; Здоровье дороже богатства; Здоров, как бык, и не знаю, как быть; Не спрашивай здоровья, а глянь в лицо.*

Биомедицинские прототипы здоровья основаны на научном знании и общей эрудиции, близкой к определению здоровья толковых словарей, формулируются следующими паремиями:

– здоровье – благополучие и целостность организма: *цел и невредим, кровь с молоком (разг.)* (о румянном, здоровом человеке); *не спрашивай здоровья, а глянь в лицо;*

– здоровье – позитивное самочувствие: *Здоровому все здорово; Кость да жила, а все сила; Хоть телом не видна, да здоровьем крепка.*

Стереотипными являются и следующие более конкретные убеждения – «здоровыми», т.е. полезными для физического здоровья, по сути, являются его элементы:

– питание: *Ешь вволю, а пей в меру; Болезнь – не беда, коли есть хлеб и вода;*

– физические упражнения / труд: *Лежа на печи, о здоровье не кричи; От работы руки не отнимутся; Безделье – сестра болезни; Без работы и машина ржавеет. Но нельзя работать и чрезмерно много: От работы не будешь богат, скорее будешь горбат.*

– отдых и сон: *Кто рано ложится и рано встает, здоровье, богатство и ум наживет; Спать ложись с ягненком, а вставай с жаворонком; Кто встает до дня, тот днем здоров; С курами ложись, с петухами вставай;*

– чистота: *Чистота – залог здоровья, Который день паришься, тот день не старишься, Чистая вода – для хвори беда, Баня – мать вторая, кости распаришь – все тело исправишь;*

– медицинское обслуживание: *Кашлий помалу, чтоб на век хватало; Болен – лечись, а здоров – берегись, но лечиться надо с умом: Одни вечно больны потому, что очень заботятся быть здоровыми.*

В паремиях русского языка отражено также и довольно распространенное убеждение о необходимости профилактики:

– *Лучше болезнь предотвратить, чем потом лечить; Куда часто заглядывает солнце, туда редко заглядывает врач.*

– усилия по сохранению здоровья – «здоровье – ценность, которую необходимо беречь»: *Юн и в старости тот, кто смолоду здоровье бережет; Кто не курит и не пьет, тот здоровье бережет; Курить – здоровью вредить;*

– закалка организма: *Держи голову в холоде, желудок (живот) в голоде, а ноги в тепле.*

Для психического здоровья, согласно паремиологическому фонду русского языка, важны следующие факторы:

– эмоциональное развитие – «здоровье – состояние, когда преобладают позитивные эмоции»: *Доброму и сухарь на здоровье; Добрый человек здоровее злого; Каменному сердцу здоровым не быть;*

– эмоциональная устойчивость – «здоровье – устойчивость к стрессам»: *Не работа крушит, а забота сушит; Дерево высыхает, камень рассыпается, а человек все выносит;*

– отношения с другими людьми – «здоровье – благополучные социальные отношения»: *Не хлебом единым жив человек.*

Прототипы ценностно-социальной модели здоровья («здоровье – ценность», необходимая человеку для полноценной жизни, удовлетворения материальных и духовных потребностей и т.п.) имеют следующие формулировки:

– «здоровье – наивысшая ценность»: *Здоровье – всего дороже; Здоровье – всему голова, всего дороже;*

– «здоровье – не товар»: *Здоровье не купишь; Здоровью цены нет;*

– «здоровье – условие полноценной жизни»: *Дал бы бог здоровья, а дней впереди много (а счастье найдем); Здоровье и труд рядом идут; Крепок телом – богат и делом; Здоров будешь – всего добудешь;*

– «здоровье – условие материального благополучия»: *Здоров буду – и денег добуду; Деньги потерял – ничего не потерял, время потерял – много потерял, здоровье потерял – все потерял;*

– «здоровье – условие удовлетворения духовных потребностей»: *Здоровьем слаб, так и духом не герой; Здоровому и горе не горе, и беда не порок.*

Еще одно толкование русской лексемы *здоровый* как «сильный, крепкого сложения» (о человеке) явилось основой прототипа «здоровье – сила, крепость», что видно из соответствующих паремий: *Здоров, как бык, как боров; Силушка по жилушкам огнем бежит* и т.п.

Религиозные верования людей, предрассудки, не обозначенные в толковых и энциклопедических словарях, находят отражение в таких стереотипах мышления, как «здоровье – дар бога / богов» и «здоровье можно сохранить, если обратиться к нему/ним молитвами, заговорами и, выполняя определенные ритуалы», и уходят корнями в религию и мифологию. Первый стереотип имеет почти буквальное соответствие в русских паремиях: *Бог дал живот, бог даст и здоровье; Дай вам бог здоровья!*

В русской пословице *Беречь как зеницу ока*, на первый взгляд не имеющей прямого отношения к стереотипам здоровья, тем не менее, присутствуют их элементы посредством лексем *беречь* и *око (глаз)*, причем последняя нередко выступает компонентом русских соматических фразеологизмов. Объяснение этому находится при обращении к славянской мифологии, где существует мифологема «глаз – божество»: «Вера человека в таинственную, магическую силу глаза способствует формированию в языковом сознании антиномий: *добро/зло, светлое/темное, свое/чужое*. С одной стороны, это *хороший, добрый глаз*, олицетворяющий добрые силы, а с другой стороны, *худой, черный, нехороший, недобрый, дурной, лихой, вредящий глаз; глаз нечист, нехорош*, который может причинить вред, навести порчу, сглазить. На Руси к «дурному глазу» относили и кривой глаз: *Кос очами, крив речами; С косыми не толкуй о кривом; Глазами кос, да душою прям*. Кривой взгляд обычно отождествляется со знаком недоверия, недовольства, а поэтому он и считается враждебным: *коситься на кого-либо ...*» [7].

Обратившись к детальному анализу фразеологических выражений – языковых образцов народного творчества, ядро которых, как считают, составляют пословицы и поговорки, можно еще раз убедиться в справедливости утверждения о том, что концепты, воплощающие кардинальные ценности, к которым относится и здоровье [Там же], «регулярно метафоризируются» и сами являются «образоформирующими».

Концепт *здоровье* в паремиях русского языка представлен метафорическими моделями:

– «Здоровье – сила и крепость» (образность достигается путем сравнения человека с образцами силы и крепости – бык, лесник, огонь) *Силушка по жилушкам огнем бежит; Здоров, как бык, как боров; Силен, как лесник, в расцвете сил; Здоров как медведь.*

– «Здоровье – целостность, неповрежденность формы»: *Здоровье и покой – целое царство; Где здоровье, там и красота;*

– «Здоровье – молодость»: *У молодых раны заживают быстро; В молодом сердце – кипучая кровь;*

– *Умеренность – мать здоровья; Умеренность в еде полезнее ста врачей; Не в меру еда – болезнь и беда.* Вообще термины родства довольно часто встречаются в русских пословицах о здоровье и болезнях (*мать, мачеха, брат, сестра, бабушка*): *Брату нужна сестра богатая, а мужу жена здоровая; Лихорадка пуще мачехи оттреплет.*

В русских паремиях подчеркивается, что *Больному и мед не вкусен, а здоровый и камень ест* и что заболеть легко, а вылечиться трудно: *Болезнь входит пудами, а выходит золотниками*, поэтому каждый человек должен беречь свое здоровье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даль, В. И.* Толковый словарь великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1978. – Т. 1. – 699 с. – Т. 2. – 779 с.
2. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Ин-т рус. яз. РАН, Рос. фонд культуры. – М. : Азбуковник, 1997. – 944 с.
3. *Ушаков, Д. Н.* Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ushdict.narod.ru/>. – Дата доступа : 15.04.2016.
4. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко – М. : Академия, 2003. – 672 с.
5. *Дедю, И. И.* Экологический энциклопедический словарь / И. И. Дедю. – Кишинев: МСЭ, 1989. – 408 с.
6. *Арутюнова, Н. Д.* Национальное сознание, язык, стиль / Н. Д. Арутюнова // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: в 2 т. – М. : Наука, 1995. – Т. 1. – С. 32–33.
7. *Маслова, В. А.* Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – М. : Флинта: Наука, 2007. – 296 с.

Л. В. Чернышова (Минск, Беларусь)

ЗООГЛАГОЛЫ В РУССКОЙ ДИНАМИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

В современном русском языке присутствует значительная в количественном отношении группа глаголов, выражающих сравнение различных действий человека с характерными особенностями животных, птиц, насекомых. В повседневном общении можно услышать слова *петушиться, собачиться, щеголять* и др., в них просматривается несовершенный человеческий характер, многие недостатки, перенесенные на животных. Часто участники речевого акта не задумываются об их происхождении и метафоричности.

Ускорение темпов жизни усиливает действие закона речевой экономии, что проявляется в упрощении структуры многословных наименований,

функционирующих как лексические единицы, и превращении их в однословные знаки: *повторять, как попугай – попугайничать, кривляться как обезьяна – обезьянничать* и др. Таким образом, сравнительный оборот с зоокомпонентом редуцируется в глагол.

Семантика большинства отзоонимичных образований мотивирована: все они имеют значение ‘проявлять одну из особенностей, реально присущих животному’, от названия которого данный глагол образован. В основе семантики зооглаголов лежит сравнение, и своим происхождением они обязаны компаративным фразеологизмам.

В правой, эталонной части русских устойчивых сравнительных оборотов часто присутствует зоокомпонент. Имея в виду, что эталон – это то, в чем образно измеряется мир, мы можем на примере зооглаголов проследить, какие животные концептуальны в русской языковой картине мира, какими качествами они наделяются, как при их помощи соизмеряется окружающий мир, так как в системе характерных для языка эталонов зафиксировано мировоззрение народа и его взгляды, осознаваемые в контексте культурных традиций.

Отметим, что основная функция устойчивых сравнений – интенсифицирующая, призванная усилить признак, положенный в основу сравнения: *голодный, как волк – очень голодный, злой, как собака – очень злой* и т.д. В связи с этим характеристики, представленные в компаративных фразеологизмах, становятся своего рода индикатором тех особенностей человека, которые нуждаются в «интенсификации». Зооглаголы сохраняют эту функцию в своей семантике. Подобный факт подтверждают исследования контекстов их употребления в Национальном корпусе русского языка. Последние также показали, что большинство зооглаголов – лексемы ограниченного употребления, они относятся к разговорному стилю – просторечной, фамильярной, жаргонной лексике либо являются неологизмами и употребляются только в разговорно-шутливой речи, что несколько не снижает их функциональной необходимости.

В нашей статье мы рассмотрим зооглаголы, основанные на сравнении, то есть сохраняющие эталонность зоокомпонента компаративного фразеологизма, и оставим вне поля зрения единицы, имеющие значение ‘производить потомство’: *телиться, ягниться, щениться* и др., а также ‘заниматься охотничьим промыслом’: *зверовать, рыбачить*, или ‘разведением животных’: *голубятничать*.

Все зооморфические глаголы, использующиеся обычно для описания поведения или состояния человека, можно отнести ко второму члену оппозиции *окультуренный – дикий*, в них содержится сема ‘не человек; человек, ведущий себя не по-человечески’. Подобные новообразования выполняют такую же интенсифицирующую функцию, что и компаративный фразеологизм (например, *разъяренный, как зверь – озвереть*). Как уже отмечалось, чаще всего усилению подвергается отрицательное качество, большая часть зооглаголов интенсифицирует негативные характеристики.

Неуравновешенное эмоционально-психологическое состояние человека и агрессия в поведении отражены в глаголах, образованных от видового существительного *зверь* (а также *зверек, зверюга*), сохраняющих ассоциации 'дикое, опасное, неприрученное, агрессивное животное' и в процессе метафоризации приобретающих значение 'утратить человеческие качества, превратиться в зверя, стать диким, жестоким'. Все глагольные дериваты *звереть, озвереть, зверствовать, вызвериться, озвериться* получают семантику 'уподобившись зверю и утратив человеческие качества, прийти в бешенство' [1].

Злоба, агрессия в поведении человека для интенсификации признака чаще всего подвергается сравнению с **поведением** некоторых животных. Таковы, например, глаголы *ощетиниться*, прямое значение которого 'поднять шерсть, щетину на спине, готовясь защищаться или нападать', а переносное – 'обозлиться, рассердиться на кого-нибудь' (*разг.*); *набычиться* (характерная поза нападающего быка) – 'наклонив голову, принять угрожающий вид', *крыситься, окрыситься* – (*разг. сниж.*) 'злиться, сердиться, гневаться, показывая это внешними приемами, набрасываясь на кого-либо', *собачиться* – (*разг.-сниж.*) 'браниться, ругаться, поносить друг друга' [Там же].

Реже анималистические аналогии создаются для описания поступков и поведения, которое нельзя назвать агрессивным, но оно все же чаще маркируется негативно. Так, глагол *петушиться* имеет значение 'горячиться, вести себя задирой, петухом, как петух', *телиться* – (*жарг.*) 'долго тянуть с чем-либо, не решаться на что-либо, медлить' (по аналогии с родами коровы – процессом крайне медленном), *ехидничать* – (*разг.*) 'зло насмеяться над кем-либо, язвить' (от греческого слова *echidna* – змея), *гадить* – 'делать пакости, скрытно вредить' (от старославянского *гад* – пресмыкающееся, змея, отвратительное ядовитое существо, которое может укусить) [Там же].

Среди других зооглаголов назовем *ёжиться* – 'сугулясь, сжиматься всем телом' (*как ёж*), *нахохлиться* – (*разг.*) 'задумываться, быть нездоровым, не в духе' (намек на *куру*, которая нахохливается по нездоровью или к ненастью). *Советь* – (*разг.*) 'впадать в полусонное, дремотное состояние, приходиться в некоторое оупение, расслабление' (*как сова*). *Обезьянничать* – (*разг.*) 'вести себя, как обезьяна, слепо подражая другим, перенимая чью-либо манеру поведения', *попугайничать* – (*разг.*) 'повторять чужие мысли и слова, подражать кому-либо' (*как попугай*). *Ишачить* – (*разг.-сниж.*) 'выполнять тяжелую работу' (*работать, как ишак*). *Свинячить* – (*разг.-сниж.*) 'грязнить, пачкать, мусорить вокруг себя' (*вести себя, как свинья*). *Проворонить* – (*разг.-сниж.*) 'упустить, прозевать, быть невнимательным, рассеянным; ротозейничать'; *ворона влетит*, говорят тому, кто сидит разинув рот. *Моржевать* – (*разг.*) 'заниматься зимним купанием, обычно в открытом водоеме' (*как морж*). *Ершиться* – (*прост.*) 'входить в задор, горячиться' (*быть колючим, как ёрш*) [1].

Редко в зооморфизме человека обнаруживается корреляция не с поведением, а с **внешностью**: *раскабанеть* – (*прост.*) 'набрать лишний вес' (*толстый, как кабан*) или с **ситуацией**: *прищучить* – (*прост. фам.*) 'строго спросить с кого-нибудь; наказать'; (воровское арг) 'уличить, сделать строгий выговор, строго пригрозить кому-нибудь' (*поймать, как щуку*) [2].

Семантика зооглаголов в их переносных значениях постоянно развивается, приобретая различные оттенки в функциональных стилях. Например, лексема *ослить* – (разг. фам. шутл.) – ‘глупо, неудачно остричь’ была зафиксирована еще словарем Д. Н. Ушакова [3]. Современная лексикография молодежного жаргона отмечает новую семантику: ‘говорить колкости, блистать остроумием’ [4], словарь русского арго – ‘делать глупости; глупо шутить, остричь; недостойно себя вести’ [2].

Формы глагола, образованные от *крыса*, тоже получили новые значения. О семантике глагола *крыситься* мы уже говорили, однако в словаре молодежного жаргона он зафиксирован также в значениях ‘делать что-либо втайне от всех’, ‘прятаться, избегать кого-либо’. Синонимом к нему выступает *мышиться*. *Крысить* в словаре молодежного жаргона – ‘идти, направляться, бежать, двигаться’, ‘прятать что-либо’ [4], а в воровском арго – ‘воровать у своих’ [2]. *Крысятничать* – ‘стучать, фискальничать, капать, наушничать, доносить, ябедничать, фискалить, доказывать’ (воровское арго) [Там же].

Зооглагол *хомячить*, согласно словарю В. И. Даля, ‘мять, тискать; лентяй, вялый соня и лежебока, неповоротливый’, с постфиксом *-ся* – ‘прятаться от людей, быть домоседом’ [5] в современном молодежном сленге приобрел новое значение *хомячить* – ‘перекусить, есть’ [4].

Некоторым активно употребляющимся в речи зооглаголам пока отказано в лексикографической фиксации. Так, лексема *козлиться*, частотная в молодежном жаргоне, была отмечена В. И. Далем в значении ‘рожать (о козе)’, *козлить* – ‘петь несладко, тонким сиплым голосом’, *козляниться* – ‘плакать’ [5], но единица *козлиться* в качестве значения ‘упрямиться, задираться’ пока не включена ни в один словарь.

Легко заметить, что семантика зооглаголов демонстрирует представление русского народа о концептуальном характере некоторых животных, их эталонности: *бык, собака* – агрессия, *крыса* – подлость, *осел* – глупость, *кабан* – толстый, *свинья* – грязь, *еж, ери* – колючий, *щука* – скользкая, *хомяк* – щеки, *петух* – задира и др. [6]. Интересно, и об этом свидетельствуют примеры, что процесс метафоризации зооглаголов в современном русском языке не прекращается. Это проявляется в образовании новых номинаций: *мышиться*, но чаще в развитии уже зафиксированной в лексикографии семантики.

Есть еще один интересный аспект в вопросе о зооглаголах, который мы хотели бы осветить, – вопрос их иногда ложной этимологии. Народная этимология часто возводит глагол *вошкаться* ‘копошиться, долго собираться, нерасторопно что-то делать’ к слову *вошь*. Однако лексема восходит, согласно словарю Д. И. Ушакова, к глаголу *вожжаться* (или *вожаться*): (прост.): 1. Иметь хлопотливые, надоедные дела с кем-нибудь; иметь сношения с каким-нибудь неприятным человеком. 2. Заниматься кропотливым, надоедливым делом, возиться [3].

Изучение этимологии слова *щеголь* ‘франт’ заставляет изменить мнение о происхождении его от *щегол* ‘птица с пестрым оперением’ [5]. Гораздо более правдоподобным этимологом, на наш взгляд, является польское *szczegół* ‘подробность, особенность’, *szczególny* ‘особенный, единственный’ [7].

Глагол *жучить* ‘мучить выговорами, строгостью’ носители языка часто соотносят с насекомым. На самом деле его этимология связана с диалектным *жук* – ‘шум, брань’, откуда *жукать* ‘кричать’ [8]. М. Фасмер соотносит его с другим диалектным глаголом *жу́чить* – ‘наказывать, сечь розгами, ругать’ [7].

Таким образом, зооглаголы в системе русского языка – важная составляющая лексического состава. Функционирование этих единиц в эталонной функции позволяет выявить когнитивные процессы, задействованные в их формировании (схематизация, формирование и хранение групповой идеологии, другие мыслительные функции). Изучение зооглаголов помогает эксплицировать национально-культурный компонент в языковой картине мира.

В статье мы показали только некоторые аспекты проблемы, считаем целесообразным дальнейшее исследование зооглаголов, особенно в когнитивной и сопоставительной парадигме.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ефремова, Т. Ф.* Новый толково-словообразовательный словарь русского языка [Электронный ресурс] // Т. Ф. Ефремова. – М. : Дрофа, Русский язык, 2000. – Режим доступа : <https://slovar.cc/rus/efremova-slovo.html>. – Дата доступа : 24.01.2017.
2. Словарь воровского жаргона [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://thief.slovaronline.com>. – Дата доступа : 10.01.2017.
3. *Ушаков, Д. Н.* Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // Д. Н. Ушаков. – Режим доступа : <http://www.onlinedics.ru/slovar/ushakov.html>. – Дата доступа : 11.02. 2017.
4. *Грачев, М. А.* Словарь современного молодежного жаргона / М. А. Грачев. – М. : ЭКСМО, 2006. – 668 с.
5. *Даль, В. И.* Толковый словарь русского языка // В. И. Даль. – М. : Эксмо-Пресс, 2002. – 736 с.
6. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. – М. : Гнозис, 2004. – 318 с.
7. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] // М. Фасмер. – Режим доступа : <http://vasmer.narod.ru>. – Дата доступа : 12.12.2016.
8. *Крылов, Г. А.* Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] // Г. А. Крылов. – М. : Полиграф, 2005. – Режим доступа : <http://slovoblog.ru/krylov>. – Дата доступа : 14.03.2017.

Е. Г. Полонникова (Минск, Беларусь)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В НОМИНАЦИИ ДЕРЕВЬЕВ В СЛАВЯНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Процесс номинации является одним из самых древних способов обозначения какого-либо объекта или явления, основанного на соотношении его с определенными категориями в сознании человека. В процессе наименования объективная действительность получает языковую оболочку, которая является результатом субъективного видения предмета или явления данным народом. Именуя предмет, мы не только указываем на объект окружающей действительности, но также передаем дополнительную информацию национально-культурного характера. Таким образом, в наименовании мы можем найти отраженный национально-культурный компонент, в котором есть как сходства, так и различия с другими языками мира в процессе категоризации, в процессе когниции и оформления мысли. Говоря о номинации, мы не можем не упомянуть категорию *внутренней формы слова*, которая служит средством номинации, через которую мы можем проследить мотивы, послужившие основой для отнесения данного объекта действительности к ряду ему подобных.

Процесс наименования осуществляется на базе уже известного понятия, обозначенного словом. В объекте выделяется яркий признак, который становится его заместителем. *Внутренняя форма слова* и есть этот признак, взятый за основу процесса называния, способ представления в слове внеязыкового факта. Она отражает точку зрения называющего на предмет или явление действительности. Именно *внутренняя форма слова* является хранителем уникальной культурной информации, которая позволяет нам говорить о существовании различных языковых картин мира. «Термин «языковая картина мира» – это не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [1, с. 66]. Именно эту национальную значимость, о которой говорит В. А. Маслова, отражает *внутренняя форма слова*. Она соотносит объекты действительности с образами, ассоциациями, возникающими в сознании народов. А язык представляет собой систему таких образов.

Славянская языковая картина мира описывает действительность глазами славянского народа через его язык. Рассмотрим на примере русского языка, представителя восточно-славянской ветви языков, национально-культурные особенности, отраженные в наименованиях древнейших объектов действительности – деревьев. Дерево – один из универсальных символов духовной культуры человечества. Образ «Мирового древа» существует повсеместно, у всех народов мира, однако называют его по-разному: «древо

жизни», «древо плодородия», «древо центра», «древо восхождения», «небесное древо», «шаманское древо», «мистическое древо», «древо познания» и т. п. С помощью этого образа стало возможным описание основных параметров мира. Ведь дерево часто выступает как система пространственных и духовных координат, соединяющих небо и землю, верх и низ, все стороны света. «Мировое древо» соединяет мир людей с миром Богов и подземным миром. Поэтому статуи славянских богов были выполнены не случайно из определенных пород деревьев, и отношение к этим деревьям было тоже разным. У шумеров, например, в роли главного «Мирового древа» выступает кедр, у финикийцев – кипарис, у арабов – пальма, у скандинавов – ясень, а у славян – дуб [2].

Первоначально слово *дуб* означало ‘дерево с дуплами’, названное по кряжистому, дуплистому его характеру [3]. В представлениях народа это не только дуплистое, но и могучее, крепкое дерево. Русские говорят: *здоров, как дуб, крепок, как дуб, рослый, как дуб, стоит, как дуб* [4, с. 178]. Так можно сказать о сильном, крепком, могучем и здоровом человеке. Однако со временем появилось и другое выражение – *дуб дубом*, которое описывает глупого, необразованного, недалекого человека. Таким образом, дуб – это символ твердости, крепости, прочности, долголетия. Дубовый веник – неизменный атрибут русской бани, места, где русские укрепляют свое здоровье. Дуб является также символом доблести и мужества: дубовый лист используется в военной символике. Дуб почитали и как дерево плодородия, сохранился обычай сажать дубок при рождении ребенка. Раньше русские называли это дерево Царь-дуб. Под священными дубами у славян проходили собрания, судилища, свадебные обряды. По сведениям из Воронежской губернии, молодые после венчания ехали к старому дубу и трижды объезжали вокруг него. Повсеместно запрещалось рубить и причинять ущерб священным дубам [5]. Славяне посвятили дуб одному из главных богов – громовержцу Перуну [6, с. 251]. Дуб упоминается во многих русских сказках, легендах, в стихах русских поэтов.

Если дуб – это символ мужского начала славян, сильный, могучий и крепкий, то береза – это символ женского начала, стройная, тонкая, белая (чистая). Как ‘дерево с белой корой’ этимологизируется общеславянское название *береза* [3]. Главным признаком номинации является белый цвет дерева. А белый – значит чистый, светлый, как светловолосые славянские девушки. Недаром береза считалась покровительницей юных дев. Во многих славянских сказках встречается сюжет о превращении русалки или молодой девушки в березу. *Стройная, как березка* говорят о красавицах на Руси [4, с. 45]. Береза как символ начала жизни особенно любима русскими. Множество стихов, песен, картин известных художников, русских сказок и преданий посвящено этому дереву.

Еще одним важным деревом в культуре восточных славян считается *ель*, получившая свое название от колючей хвои [3]. Это дерево остается зеленым даже морозной русской зимой. Ель является символом вечной жизни у славян, неувядаемости, выполняя функцию обрядового дерева, главным образом в рождественско-новогодних, масленичных, Троицких и купальских празднествах, а также на свадьбе. Отсюда ведет начало обычай

на Рождество (впоследствии – на Новый год) украшать дом этим деревом. Отсюда берет начало выражение *нарядная, как елка*, которое используют, чтобы подчеркнуть вычурность наряда. Известна также защитная функция еловой ветки, поэтому на похоронах разбрасывают еловые ветки, которые якобы преграждают путь мертвецу обратно. У восточных славян ветки и гирлянды из ели – одно из самых распространенных украшений могилы. Это нашло отражение даже в русских колядных проклятьях, адресуемых хозяину, плохо одарившему колядников: *А не подашь – на Новый год еловый тебе гроб, осиновую крышку* [5].

Наличие употребляемых в пищу плодов может стать основанием номинации. Так, *яблоня* названа по ее плодам – яблокам [3]. Это дерево в славянской культуре является символом плодородия, материнства, достатка. Такое отношение к яблоне наглядно демонстрируют русские народные сказки «Хаврошечка» и «Гуси-лебеди». Также это символ здоровья, вербализованный в выражениях *румянец, как на яблоке, щеки, как наливные антоновские яблоки* [4, с. 772]. В христианской символике яблоня часто выступает в качестве эмблемы соблазна. *Молодильные яблоки*, по русским преданиям, обладали большой силой: могли не только наделить здоровьем и молодостью, но и вернуть жизнь покойнику. Яблоко выступало в функции любовного знака: парень и девушка, обменявшись плодами, выражали взаимную симпатию, публично объявляли о своей любви. Яблоко, принятое девушкой во время сватовства, – знак согласия на брак [5]. Яблоки давали молодоженам, чтобы у них рождалось много детей; в первую брачную ночь одно яблоко клали под перину, а второе разламывали пополам, и каждый из новобрачных съедал половину. Поэтому в языке сохранилась фраза об очень красивых молодоженах – *красные, как яблоки* [4, с. 772]. Яблоко также связано с миром мертвых и играет значительную роль в похоронных обрядах: его клали в гроб, в могилу, чтобы покойник отнес его на ‘тот свет’ предкам. Полагали, что до Яблочного Спаса, т.е. до освящения яблок, на яблоне обитают русалки, черт. Яблоки освящали в церкви на Преображение (Яблочный Спас), и только после этого их разрешалось есть [6, с. 259]. О яблоне писали многие русские поэты. У С. Есенина яблоня ассоциируется с радостью («Все мы яблоко радости носим...»), с душой («Хорошо под осеннюю свежесть душу-яблоню ветром стряхать...») и, конечно, с традиционным русским Спасом («Пахнет яблоком и медом по церквам твой кроткий Спас...»). И. Бунин в «Антоновских яблоках» связывает образ яблок с прекрасным, по его мнению, прошлым родной страны.

Поскольку славяне были лесными жителями, каждое дерево, произрастающее на их территории, они наделяли магическими свойствами. Деревья в их представлениях были добрыми, злыми, одинокими, нарядными, трусливыми, сильными, красивыми и дряхлыми. Они имели свой характер, как и люди. Также дерево играло роль моста, посредника между богами и людьми, человеком и его предками. Эта уникальная культурная информация содержится в национально-культурном компоненте наименований деревьев, в существующих традициях народов, в обрядах, связанных с определенными деревьями, и делает неповторимой славянскую языковую картину мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маслова, В. А.* Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
2. Мирное древо. Википедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа : 10.03.2017.
3. *Маркова, Е. М.* Праславянские названия деревьев как отражение фрагмента языковой картины мира славян / Е. М. Маркова // Acta Linguistica. – 2008. – Vol. 2.1. – С. 37–45.
4. *Мокиенко, В. М.* Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 800 с.
5. Деревья в жизни древних славян [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.voldemort.ru>. – Дата доступа : 10.03.2017.
6. *Гусев, И. Е.* Все знаки и символы. Большая толковая энциклопедия символов / И. Е. Гусев. – М. : Харвест, 2011. – 400 с.

Д. Л. Гуня (Беларусь, Минск)

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТАБУИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

В соответствии с нормами содержания sms-сообщений, установленными крупнейшими мобильными операторами ChinaMobile и ChinaUnicom, в 2010 г. в китайской сети появился список слов и словосочетаний китайского языка, запрещенных к использованию в sms-сообщениях [1]. Список запрещенных слов – это отголосок ранее принятого правительством Китая проекта «Золотой щит» (системы фильтрации содержимого сети Интернет в КНР). К табуированным языковым средствам, как выяснилось в процессе семантического исследования, относятся слова и выражения, связанные с движением за демократию, политикой КНР, преступной деятельностью, пропагандой религиозного движения «Фалуныгун».

Табуированная лексика – слой лексики в языке, являющиеся запрещенными по религиозным, мистическим, моральным, политическим соображениям, из соблюдения хорошего тона в обществе или в каких-то его слоях, либо при случаях.

Выявление семантических особенностей китайской лексики как оснований ее табуирования представляет собой актуальную исследовательскую задачу, решение которой связано с выявлением причин табуирования лексики в современной лингвистике; установлением значений табуированной лексики; обнаружением закономерностей и специфики образования табуированной лексики; с выявлением особенностей ее классификации.

В результате компонентного анализа слов и словосочетаний китайского языка, запрещенных к использованию в sms-сообщениях, были установлены тематические группы: «Национальная политика», «Религиозное движение» («Фалуныгун»), «Новости и пресса», «Азартные игры», «Наркомания», «Оружие», «Имена», «Обсценная лексика».

В результате анализа табуированной лексики группы «Национальная политика» было установлено, что большая часть запрещенных слов связана с понятиями, соотносимыми с Коммунистической партией Китая и правительством КНР. К примеру, среди табуированных слов и выражений находятся как само название КПК (中国共产党 [zhōngguó gòngchǎndǎng]), так и его сложносокращенные формы (中共 [zhōnggòng]/共产党 [gòngchǎndǎng]). Эти сложносокращенные формы являются результатом морфемной контракции, которая является одним из ведущих способов словообразования в китайском языке.

В процессе исследования методом компонентного анализа были выявлены следующие лексико-семантические группы: «Политика», «Секретариат ЦК КПК», «Государственная безопасность», «Терроризм». Мы исходим из понимания лексико-семантической группы как объединения слов одной части речи с общим основным компонентом значения [2].

Лексико-семантическая группа «Политика» представлена лексемами: *правительство* 政府 [zhèngfǔ], *политическая власть* 政权 [zhèngquán], *автократия* 独裁政治 [dúcaizhèngzhì], *деспотизм* 暴政 [bàozhèng], *диктатура* 独裁 [dúcaí], *государственный переворот* 政变 [zhèngbiàn], *политика* 政治 [zhèngzhì], *политическая партия* 政党 [zhèngdǎng], *политический преступник* 政治犯 [zhèngzhìfàn], *политическая оппозиция* 政治反对派 [zhèngzhìfǎnduìpài]. Архисемой для данной лексико-семантической группы является «управление, деятельность органов государственной власти».

При выявлении из китайского списка табуированной лексики языковых единиц, относящихся к одной части речи, возникают некоторые проблемы, связанные с тем, что вопрос о разграничении частей речи в китайском языке не решен окончательно. Слова в китайском языке в большинстве случаев не имеют внешних морфологических признаков, по которым их можно было бы отнести к той или иной части речи. Поэтому при определении принадлежности слов к части речи в основном приходится руководствоваться такими критериями, как, например, способность слова выступать в роли того или иного члена предложения, соединимость его со словами других разрядов и с определенными формальными показателями.

К примеру, иероглиф 政 [zhèng; zhēng] имеет следующие значения:

I. сущ.

- 1) zhèng ‘управление (государством)’; ‘дела управления (страной)’;
- 2) zhèng ‘государственный строй’; ‘администрация’; ‘правительство’; ‘административный’; ‘правительственный’;
- 3) zhèng ‘принципы управления’; ‘политика’; ‘правила’; ‘уклад’; ‘закон’; ‘устав’; ‘статут’; ‘норма’;
- 4) zhèng ‘служебные обязанности’; ‘повинности’; ‘работа’;
- 5) zhèng ‘правитель’; ‘глава’;
- 6) zhèng астр. ‘светило’;
- 7) zhēng ‘налог’; ‘обложение’.

II. гл.

1) zhèng в. 正 ‘выправлять’, ‘выпрямлять’; ‘исправлять’;

2) zhēng в. 征 ‘идти походом’, ‘карать’.

III. zhèng, наречие

1) ‘верно’, ‘очевидно’, ‘ясно’; ‘в самом деле’.

IV. zhèng, имя собств.

1) Чжэн (фамилия).

Слог в китайском языке характеризуется тем, что регулярно является носителем смысла, что позволяет говорить о прозрачной структуре семантических полей китайского языка. В лексико-семантической группе «Политика» все слова имеют в своем составе иероглиф 政 [zhèng], который означает ‘управление государством’, ‘политика’. Это доказывает наличие у данной группы лексем общности смысла. Именно поэтому в китайском языке мы выделяем одну лексико-семантическую группу, а в русском языке данные лексемы делятся на три подгруппы: «Политическое несогласие», «Политическое устройство», «Политическая власть».

Согласно проведенному анализу табуированных единиц, можно выделить следующие группы безэквивалентной лексики:

1. Безэквивалентные единицы, отражающие исторические понятия: XVII Всекитайский съезд КПК 十七大 [shíqīdà], Бойня на площади Тяньаньмэнь 天安门屠杀 [tiān'ānméntúshā].

2. Безэквивалентные наименования: имена людей, названия СМИ и др. Например: Чан Кайши 蒋介石 [jiǎngjièshí], китайские мусульмане 回民 [huímín], Великая эпоха 大纪元 [dàjìyuán].

3. Безэквивалентные единицы, отражающие особенности государственного устройства, обозначающие политические понятия: одна страна – две системы 一国两制 [yīguóliǎngzhì], один Китай, один Тайвань 一中一台 [yīzhōngyītái].

4. Безэквивалентные единицы религиозного содержания: круг дхарм 法轮 [fǎlún], Фалуньгун 法轮功 [fǎlúngōng], ФалуньДафа 法轮大法 [fǎlúndàfǎ].

Исследование китайской табуированной лексики, включающее семантический анализ табуированных слов, дает основания для следующих выводов: 1) наибольшее количество языковых единиц табуированной лексики китайского языка тематически и контекстуально связано с Коммунистической партией Китая (70 %); 2) в тематической группе «Национальная политика» 10 % табуированных слов и выражений относятся к подгруппе «Политика национальной безопасности»; 10 % составляют лексические единицы, связанные с вопросами о независимости отдельных районов КНР; остальные 10 % – имена государственных деятелей Китая; 3) выделение лексико-семантических групп в китайском языке является сложной исследовательской задачей, поскольку вопрос о наличии частей речи в данном языке до сих пор открыт.

Изучение китайских табуированных слов как части лексической системы способствует выявлению семантических особенностей и их учету при установлении системных отношений; изучение лексико-семантических групп в сопоставительном аспекте помогает сравнить как лексические и грамматические особенности, так и национально-культурные явления, нашедшие отражение в национальной языковой картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черный список китайских слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.daokedao.ru/2011/01/04/chernyj-spisok-kitajskix-slov/> – Дата доступа : 12.04.2016.
2. Романовская, А. А. Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки / А. А. Романовская. – Минск : МГЛУ, 2013. – 132 с.

В. Т. Иватович-Бабич, У. Айхуа (Минск, Беларусь)

«МАГИЯ ЦВЕТА» В НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА (на материале русской и китайской фразеологии)

Цветообозначения в русском и китайском языках являются трансляторами культурной информации, культурной традиции. Языковые и культурные системы в большой степени отличаются друг от друга, но существуют семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основывается человеческий язык.

Исследователь А. Вежбицка утверждает, что, несмотря на то, что цветное восприятие и является одним для всех групп людей, языковая концептуализация различна в разных культурах, хоть здесь и есть поразительные элементы сходства [1, с. 238]. Таким образом, восприятие цвета связано с определенными «универсальными элементами человеческого опыта», которые по-разному концептуализируются в разных языках.

Многие названия слов-цветообозначений в русском языке имеют прямое отношение к свету (солнцу), в то время как изолированное становление философских направлений в Древнем Китае повлияло на культуру в большей степени, в особенности система пяти первоэлементов У-син, которая лежит в основе системы колоративов в китайской культуре.

В рамках данной статьи рассмотрим особенности концептуализации **черного** и **желтого/золотого** цвета в русской и китайской культурах.

Черный цвет связан с цветом ночи и смерти, черной магии, отверженности, изгнания, мрака, темноты, упадка, а в Китае, кроме того, он символизирует ученость и образование, это цвет ученых.

В русской культуре черный имеет два совершенно несхожих значения. В фольклорной и речевой традиции это символ зла, грязи, лжи, смерти. В символике же узора и декоративно-прикладном творчестве черный символизирует землю. Символ плодородия и материнства, что является основой

женского предназначения. Черный зигзаг в узоре – символ невспаханного поля (мужского начала или неоплодотворенного женского начала). Черная волна в узоре – вспаханное поле и готовое к проращению зерна (женского начала).

Желтый/золотой – часто ассоциируется с весельем, радостью, развлечением и праздником. Желтый цвет в китайской культуре символизирует терпение, мудрость, накопление опыта и власть. Стимулирует умственную энергию. Желтый считается очень благоприятным цветом. В древние времена, в Китае, считался *императорским цветом*, поэтому простые люди не имели возможности носить одежду желтого цвета, таким образом, более популярным в народе стал красный. Указывая на Поднебесную и землю, желтый цвет означал стабильность, плодородие, опору, закон, успех и вечность, а также связывался с императорской семьей.

Желтый цвет наделен в русской культуре преимущественно негативной оценкой. Желтый цвет часто осмысливается как символ смерти; в славянских поверьях появление желтого пятна на руке предвещает смерть. В желтый цвет окрашивают яйца, предназначенные для поминовения в пасхальных обрядах. В приметах желтый цвет означает несчастье, болезнь или смерть; кто весной увидит желтую бабочку, будет в этом году несчастлив и слаб здоровьем.

Цветовые обозначения достаточно активно выступают в качестве компонентов фразеологизмов разных языков и, на наш взгляд, в составе устойчивых словосочетаний преимущественно они определяют семантику и коннотативные признаки фразеологических единиц (ФЕ).

Фразеология, по В. Гумбольдту, – «один из способов языкового мировидения, что дает основание говорить о существовании в каждом языке фразеологической картины мира» [2, с. 57].

Для фразеологических единиц средствами воплощения культурно-национальной специфики являются их образное основание, внутренняя форма фразеологизма, образная гештальт-структура (часто включающая в себя культурно маркированные компоненты, обозначающие «культурные» реалии). Способом же указания на культурно-национальную специфику является «интерпретация образного основания в знаковом культурно-национальном «пространстве» данного языкового сообщества».

Семантический анализ фразеологизмов с компонентом-цветовым обозначением позволяет выявить особенности национально-культурной специфики русского и китайского этносов и обнаружить антропоцентрические корни во фрагментах языковой картины мира.

В русском и китайском языках в качестве стержневых слов ФЕ употребляются различные цветоименования, степень их активности неодинакова. Наиболее продуктивными фразеологическими группами в русском языке являются те, которые имеют в качестве стержневого компонента-цветоименования *черный, красный, белый, зеленый, серый, желтый, синий, голубой, розовый*. В китайском языке, соответственно, наиболее продуктив-

ными являются группы фразеологизмов со следующими компонентами-цветообозначениями: *белый, синий, желтый, красный, зеленый, черный, серый, фиолетовый*.

В ходе анализа лексикографического материала двух языков было установлено, что образы, которые легли в основу исследуемых фразеологизмов, помогают определить особенности национально-культурной специфики ФЕ. Языковой материал позволяет заключить, что многие символические значения цветообозначений совпадают в разных лингвокультурах. Вместе с тем наблюдаются национально специфические символические значения цвета, которые определяют коннотативный характер ФЕ.

Во фразеологических фондах обоих языков представлены ФЕ с положительным, отрицательным и нейтральным коннотативным признаком, обусловленным одним из значений компонента-цветообозначения.

Например, в китайской фразеологии зафиксированы фразеологизмы с компонентом **желтый**: имеющие положительную коннотацию – **黄道吉日** *huang dao ji ri* [хуан дао ти жи] – хороший и успешный день; **黄袍加身** *huang rao jia shen* [хуанпао тиа шэн] – быть царем; **黄龙痛饮** *huang long tong yin* [хуан лон тун ин] – победили врагов, очень рады, надо отметить. В русском языке ФЕ с указанным компонентом обладают отрицательной коннотацией *желтый дом; желтая пресса* и под. В то время как синонимичный компонент **золотой** входит в состав русских ФЕ с положительной коннотацией: *золотые руки, золотые слова* и под. Активная межкультурная коммуникация и процессы глобализации способствуют тому, что китайский язык принимает переносные значения цветообозначений принятых во всем мире: «желтая пресса».

Для ФЕ с цветообозначением **черный** в обоих языках фиксируются единицы с нейтральной коннотацией: *черный кофе; черная изба; черная баня; черная икра; черный хлеб*; *hei deng xia ho* [хэй ден ща хо] – темное время суток; *hei bai fen ming* [хэй бай фен мин] – белое и черное хорошо различаются; *hei tian bai ri* [хэй тиан бай жи] – днем и ночью; *hei tian mo di* [хэй тиан мо ди] – темно очень, либо отрицательной коннотацией: – *черное слово, держать в черном теле; черный год, время, день; черная кошка пробежала, 昏天黑地* *hun tian hei di* [хуэн тианхэй ди] – мрачная погода; **黑风孽海** *hei feng nie hai* [хэй фэн ние хай] – попал в сложную ситуацию; **黑言诳语** *hei yan kuang yu* [хэй иан куан ию] – говорить неправду.

Проведенный анализ позволил выявить следующую закономерность: различия между вариантными модификациями русских и китайских фразеологических единиц объясняются особенностями строя рассматриваемых языков, их принадлежностью к разным языковым семьям, семантико-символическими различиями цветообозначений, входящих в состав ФЕ, обусловленными культурными традициями и менталитетом двух народов. На наш взгляд, контрастивный подход к изучению русских и китайских фразеологизмов с цветовым компонентом позволяет уменьшить интерферирующее влияние со стороны фразеологических единиц с цветовым компонентом родного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вежбицка, А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицка / Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия. – М., 1999. – С. 231– 291.
2. *Гумбольдт, В.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М., 2011. – 297 с.

Е. В. Булатая (Барановичи, Беларусь)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ИРОНИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. В. ГОГОЛЯ

Изучение иронии в современных лингвистических исследованиях связано с рассмотрением данной многоаспектной категории в качестве самостоятельной формы комического наряду с юмором и сатирой, а, следовательно, особого мировоззрения. Характеризуясь эмоционально-оценочным характером и имплицитной природой, ирония в художественном тексте занимает особое место и, как указывает Ж. Е. Фомичева, выступает «концептуальной категорией художественного текста, позволяющей автору имплицитно выразить его эмоционально-оценочные позиции, отношение к изображаемой действительности, и представляет собой совокупность элементов различных уровней, взаимодействующих при воплощении иронического смысла» [1, с. 15]. При этом немаловажно, что ирония репрезентирует ценностные установки и прагматические намерения автора произведения, представляя «художественную форму авторской оценочной позиции» [2, с. 60]. Соответственно, в художественном тексте ирония выступает важным компонентом авторской модальности, которая «в значительной степени определяется личностными особенностями автора, его эмоционально-этической сферой, аксиологическими установками» [3, с. 9], отраженными «в индивидуальной языковой системе писателя, конкретной реализацией которой является язык отдельного произведения» [4, с. 13]. Выражая коммуникативную интенцию автора, ирония в то же время является «частью языковой картины мира и во многом определяется национально-специфическими и культурными особенностями личности, ее менталитетом» [5, с. 7].

«Специфика иронии состоит в том, что в ее реализации используются средства всех языковых уровней» [6, с. 206], среди которых важное место занимают фразеологизмы, которые, характеризуясь высокой степенью образности, «в умелых руках художников слова ... становятся одним из наиболее действенных языковых средств для создания того или иного художественного образа, для обрисовки речевого портрета героев, острой расцветки авторской речи и т.д.» [7, с. 136]. Механизм актуализации иронического смысла посредством фразеологических единиц базируется, с одной стороны, на особенностях самого фразеологического оборота и его семантики, с другой, на ироническом переосмыслении фразеологизма в контексте, в результате чего фразеологическая единица получает новую эмоционально-оценочную окраску.

Рассмотрим с этой точки зрения использование фразеологизмов¹ в произведениях классика русской национальной литературы, непревзойденного мастера художественного слова Н. В. Гоголя.

В анализируемых произведениях писателем употребляются как фразеологизмы в их неизменном варианте, так и индивидуально-авторские трансформации фразеологических единиц. При этом наиболее частотным маркером гоголевской иронии являются фразеологические единицы в их неизменной полной форме. Например: *Хлестаков. Я люблю поест. Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?* [10, с. 194]. Семантика фразеологического сочетания *срывать цветы удовольствия* («беспечно пользоваться радостями жизни» [11, с. 650]) имеет ироничную эмоционально-экспрессивную окраску. В иронической оценке автора выражается его критически-насмешливое отношение к персонажу комедии «Ревизор» Хлестакову, в котором писатель обличает легкомысленное поведение и беззаботную жизнь героя.

Весьма репрезентативным является пример реализации иронии посредством фразеологического сочетания, выполняющего в контексте пояснительную функцию. Например: *Хлестаков. Нет. Я влюблен в вас. Жизнь моя на волоске. Если вы не увенчаете постоянную любовь мою, то я недостойн земного существования. С пламенем в груди прошу руки вашей. Анна Андреевна. Но позвольте заметить: я в некотором роде... я замужем* [10, с. 222]. Устойчивое сочетание *в некотором роде* с значением «в каком-то отношении, в каком-то смысле» [11, с. 575] выступает в контексте в роли пояснения лексемы *замужем*, придавая тем самым оттенок неуверенности словам жены городничего о замужестве, которая, как видно, готова с легкостью поверить признанию Хлестакова в любви. Автор с иронией относится к героине, критикуя ее ветреность и несерьезность.

Актуализации иронии может способствовать рассогласование смысла в контексте, вследствие чего фразеологизмы подвергаются ироническому переосмыслению и получают иную эмоционально-экспрессивную оценку. Например: *Чичиков поклонился с признательностью. Узнавши, что он шел в палату за совершением купчей, Манилов изъявил готовность ему сопутствовать. <...> Из окон второго и третьего этажа иногда высовывались неподкупные головы жрецов Фемиды и в ту ж минуту прятались опять: вероятно, в то время входил в комнату начальник* [12, с. 175]; *Чичиков, вынув из кармана бумажку, положил ее перед Иваном Антоновичем, которую тот совершенно не заметил и накрыл тотчас ее книгою. Чичиков хотел было указать ему ее, но Иван Антонович движением головы дал знать, что не нужно показывать* [Там же, с. 177]. В приведенном отрывке из поэмы «Мертвые души» семантическое рассогласование заключено в переосмыслении крылатого выражения *жрецы Фемиды*, которое, как известно, связано

¹ К фразеологизмам мы относим, наряду с фразеологическими сращениями, единствами и сочетаниями [8, с. 140–162], также фразеологические выражения, включающие пословицы, поговорки, крылатые слова и выражения [9, с. 63–70].

с именем древнегреческой богини Фемиды, олицетворяющей правосудие и неподкупность, и употребляется с шутливо-ироничной окраской в значении «судьи» [11, с. 231]. Кроме того, семантика данного крылатого выражения конкретизируется с помощью прилагательного *неподкупный* («такой, которого нельзя подкупить, совершенно честный» [13, с. 410]) в составе метафоры *неподкупные головы*. Однако из контекста всей ситуации становится очевидно, что «неподкупные» судьи берут взятки за решение вопроса Чичикова с купчей, делая это с совершенным обыкновением. С тонкой иронией писатель разоблачает взяточничество в судейской системе изображаемого общества, а ироническая интенция автора реализуется в форме осуждения на фоне внешнего одобрения.

Интерес представляет и нижеследующий пример, в котором маркером иронии становится шутливо-ироническая поговорка. Например: *По левую сторону городничего: Земляника, наклонивший голову несколько набок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движенье губами, как бы хотел посвистать или произнести: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»* [10, с. 241]. Поговорка *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!* со значением «внезапные перемены к худшему, несбывшиеся надежды» [14, с. 23] выступает в комедии «Ревизор» в качестве итога, развязки сложившейся ситуации, подчеркивая при этом удивление и разочарование чиновников по поводу того, что они все время пытались угодить лжеревизору. Автор с иронией вскрывает нелепость действий, подхалимство и внутреннюю ничтожность чиновников уездного города.

Как отмечает Н. М. Шанский, «в стилистических целях фразеологизмы могут употребляться ... и в трансформированном виде, с иным значением и структурой или с новыми экспрессивно-стилистическими свойствами» [9, с. 172]. В произведениях Н. В. Гоголя индивидуально-авторские трансформации фразеологических единиц, происходящие, как правило, в результате изменения компонентного состава фразеологизма, занимают особый пласт, выступая в качестве экспликаторов иронии. Например: – *Но знаете ли, – прибавил Манилов, – все, если нет друга, с которым бы можно поделиться... – О, это справедливо, это совершенно справедливо! – прервал Чичиков. Что все сокровища тогда в мире! «Не имей денег, имей хороших людей для обращения», – сказал один мудрец»* [12, с. 57]. Старинная русская поговорка *не имей сто рублей, а имей сто друзей* преобразуется в авторский вариант *не имей денег, имей хороших людей для обращения*. Как видно, структурно-семантической трансформации подвергаются почти все лексические компоненты фразеологической единицы – писатель заменяет слова синонимичной по значению лексикой, а также расширяет компонентный состав фразеологизма посредством добавления слов *для обращения*. Лексема *обращение* имеет несколько зафиксированных в словаре значений: «проявление отношения к кому-чему-н. в поведении, в поступках»; «процесс обмена, оборота, участие в употреблении» [13, с. 436], – последнее из которых имеет непосредственную связь с финансовой сферой. Актуализации иронического

смысла в контексте служит неоднозначное восприятие трансформированной поговорки, в которой наблюдается смещение акцента с понятия настоящей дружбы на материальную выгоду. Ирония реализуется в форме притворного одобрения, за которым скрыта пейоративная оценка автора.

Иронические оттенки присутствуют и в нижеследующем отрывке из комедии «Ревизор»: *Артемий Филиппович. С тех пор, как я принял начальство, – может быть, вам покажется даже невероятным, – все как мухи выздоравливают* [10, с. 194]. В указанном контексте индивидуально-авторской трансформации подвергается известная русская поговорка *мрут (дохнут), как мухи* («погибают в огромном количестве» [11, с. 382]), в которой автор нарочито заменяет глагол *мрут (дохнут)* на глагол с антонимичной семантикой *выздоровливают*. В результате поговорка с отрицательной экспрессивной наполненностью преобразуется в авторский вариант с внешне положительной окраской. Таким способом писатель неявно указывает на фальшивый тон слов попечителя благоугодных заведений и недобросовестное исполнение им своих служебных обязанностей.

Таким образом, фразеологические единицы, являясь источником экспрессивности и оценочности в художественном тексте, выступают важным средством выражения иронии в произведениях Н. В. Гоголя, способствуя при этом реализации авторской модальности, в которой в завуалированной форме раскрывается оценочная позиция писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фомичева, Ж. Е.* Интертекстуальность как средство воплощения иронии в современном английском романе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ж. Е. Фомичева. – СПб., 1992.
2. *Походня, С. И.* Языковые средства и виды реализации иронии / С. И. Походня. – Киев: Наукова думка, 1989.
3. *Ваулина, С. С.* Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) / С. С. Ваулина, О. В. Девина // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. Сер. Филология. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. – С. 8–13.
4. *Якимец, Н. В.* Категория авторской модальности в функциональном аспекте (на материале «Театрального романа» М. А. Булгакова): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Якимец. – Н. Новгород, 1999.
5. *Королева, Ю. П.* Роль просодии в реализации юмора и иронии в британской публичной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. П. Королева. – М., 2008.
6. *Егорева, Е. Н.* Средства выражения иронии в поэзии М. К. Щербакова / Е. Н. Егорева // Проблемы речевой коммуникации: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2007. – С. 205–212.
7. *Шанский, Н. М.* Лексика и фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1957.
8. *Виноградов, В. В.* Лексикология и лексикография: избранные труды / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1977.

9. *Шанский, Н. М.* Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – СПб. : Специальная литература, 1996.
10. *Гоголь, Н. В.* Повести. Драматические произведения / Н. В. Гоголь. – Л. : Художественная литература, 1983.
11. *Фёдоров, А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – М. : Астрель: АСТ, 2008.
12. *Гоголь, Н. В.* Мертвые души / Н. В. Гоголь – М. : Художественная литература, 1972.
13. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : ООО «А ТЕМП», 2006.
14. *Мокиенко, В. М.* Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007.

И. Г. Урбанович (Минск, Беларусь)

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ОККАЗИОНАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ Ф. ИСКАНДЕРА

Помимо существующих традиционных способов пополнения фразеологического фонда русского языка следует отметить и нестандартные способы – окказиональную фразеологическую трансформацию, имеющую место в пространстве художественного текста.

Создание новой фразеологической единицы (ФЕ) в художественных текстах Фазиля Искандера осуществляется в большинстве случаев по существующим моделям. Данное явление отмечено у следующих фразеологизмов: *бремя почтительности* (дань уважения); *в расцвете сил* (во цвете лет); *возвращать с мифических высот* (спуститься с облаков/небес на землю); *есть спина* (иметь руку); *и козлотуры сыты, и председатель цел* (и волки сыты, и овцы целы); *как за большой крепостью* (как за каменной стеной); *кролики тебе братцы* (образование по аналогии «тамбовский волк тебе товарищ»); *мяться в мою сторону* (по аналогии «вставать на сторону (кого/чью)»); *напечатано судьбой* (образование по аналогии «на роду написано»); *написано в книге судьбы* (образование по аналогии «на роду написано»); *не таких китов гарпунил* (образование по аналогии «гнуть в бараний рог/в дугу»); *сам кушает и им дает кушать* («живи и жить давай другим»).

Трансформация лексической структуры происходит во ФЕ *иметь руку* → *есть спина* при сохранении узуального значения ‘располагать большими связями, пользоваться чьей-л. протекцией, поддержкой, чьим-л. покровительством (разг.)’ [1, с. 270]: *Но, по-видимому, он решил, что у меня есть какая-то спина, что недаром ко мне Абесаломон Нартович хорошо относится* («Сандро из Чегема»). Создается по аналогии с узуальной ФЕ *и волки сыты, и овцы целы* авторский фразеологизм *и козлотуры сыты,*

и председатель цел, чье узуальное значение также сохраняется – ‘Сильные и слабые ни в чем не пострадали, полностью удовлетворены’ [2, с. 122]: *Я чувствовал себя опытным дипломатом, сумевшим резать все острые углы: и козлотуры сыты, и председатель цел* («Созвездие Козлотура»).

В идиолекте писателя отмечены случаи создания авторской ФЕ: *комплекс пизанской башни* (употреблен в значении ‘боязнь падения/сам процесс’); *комплекс несовместимости с начальством* (употреблен в значении ‘нетерпимость/неуживчивость’). Например, ФЕ *комплекс несовместимости с начальством* используется в контексте в значении «нетерпимость/неуживчивость»: *По-видимому, кроме всех остальных прелестей тюрьма еще развивает в человеке комплекс несовместимости с начальством* («Сандро из Чегема»).

Использование образа наблюдается у ФЕ *Дон Кихоты всего мира, по коням!* Обыгрывается коммунистический лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» [3, с. 407] с последующим использованием в значении «альтруисты/романтики»: *Культура должна опередить цивилизацию и возглавить племя людей. Возможно ли? Не будем унывать. Дон Кихоты всего мира, по коням!* («Сандро из Чегема»)

Для гармоничного включения в контекст писатель использует способ обновления и варьирования грамматических особенностей фразеологизмов, в результате чего возникают их авторские грамматические варианты. Так, случай варьирования грамматических особенностей фразеологизма отмечается у ФЕ *счастливым незачем наблюдать часы*: *счастливые* → *счастливым*; *не наблюдают* → *наблюдать*; *часов* → *часы*. Например, *если у вас украли часы, то это не значит, что вы тут же научитесь определять время по солнечным часам. Или немедленно сделаетесь счастливым, и вам, согласно пословице, будет просто незачем наблюдать часы* («Созвездие Козлотура»).

Варьирование грамматических особенностей фразеологизма при замене одного лексических компонентов наблюдается у ФЕ *после зрелых раздумий* ← *по зрелом размышлении*. Узуальное значение ФЕ – ‘по моему мнению, как я думаю. Тщательно взвесив, обдумав (устар.)’. [4, Т. 2, с. 189]: *Но потом, после зрелых раздумий, я решил, что я правильно сделал* («Сандро из Чегема»); у ФЕ *вводится в гиблые заблуждения* ← *вводит в заблуждение*. Узуальное значение – ‘создавать неправильное представление, дезориентировать кого-л. (Лука 21, 8) (библейзм)’ [5, с. 230–231]: *Царь... постоянно вводится в гиблые заблуждения придворными интриганами* («Сандро из Чегема»).

Изменение звуковой оболочки одного из компонентов получают ФЕ *безумция невиновности*; *всячий садок Семирамиды*; *десять очей*; *на дармовицинку*; *орал, как зарезанный*; *промять ноги*. Например: *безумция* ← *презумция*; *садок* ← *сад*; *очей* ← *очков*; *на дармовицинку* ← *на даровицинку*; *зарезанный* ← *резанный*; *промять* ← *разминать*.

ФЕ *безумция невиновности* (презумция) имеет узуальное значение «признание факта юридически достоверным, пока не будет доказано обратное (юрид.)», от лат. *praesumptio* «предположение». ФЕ трансформируется писателем для передачи специфики речи героя: *Раз человек*

бессовестный, он, совершая бессовестный поступок, не ведал, что творил. Как же его за это можно сажать в тюрьму? – Ваше рассуждение кажется логичным только на первый взгляд. Безумица невиновности! («Думающий о России и американец»)

Одним из способов окказионального моделирования ФЕ является инверсия составных частей, которая может сопровождаться варьированием грамматических особенностей одного из компонентов, заменой лексических компонентов, «расщеплением» фразеологизма с введением добавочного компонента, призванного конкретизировать факт, при сохранении структуры и общего значения; обнаруживается у ФЕ *дело не из легких; ни пером описать, ни языком рассказать; предложить сердце и жизнь; сгущаются районные тучи*. Например, ФЕ *ни пером описать, ни языком рассказать*, узуальное значение которой ‘как в сказке: необычный, чудесный. (народн.-поэт.)’ подвергается инверсии составных частей и замене лексических компонентов: *ни в сказке сказать, ни пером описать* → *ни языком рассказать: Я как только ее увидел, сразу стойку делаю: красуля – ни пером описать, ни языком рассказать* («Сандро из Чегема»).

Таким образом, в процессе творчества писателем активно преобразуются фразеологические единицы. Выявленные трансформационные процессы получают такие направления, как создание новой ФЕ по существующим моделям: создание авторской ФЕ, использование образа; варьирование грамматических особенностей фразеологизма; изменение звуковой оболочки одного из слов; инверсия.

Контекстуальная необходимость создания трансформированных фразеологических единиц вызвана следующими факторами: созданием предметной характеристики, характеристики определенного временного отрезка, созданием комического эффекта повествования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Яранцев, Р. И.* Словарь-справочник по русской фразеологии : ок. 800 фразеологизмов / Р. И. Яранцев. – М. : Рус. яз., 1981. – 304 с.
2. *Мелерович, А. М.* Фразеологизмы в русской речи : словарь : ок. 1000 единиц / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – 2-е изд., стереотип. – М. : Рус. слов. : Астрель, 2001. – 853 с.
3. *Берков, В. П.* Большой словарь крылатых слов русского языка : ок. 4000 единиц / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулержкова. – М. : Рус. слов. : Астрель, 2000. – 623 с.
4. Фразеологический словарь русского литературного языка : более 12000 фразеол. единиц : в 2 т. / Рос. акад. наук, Ин-т филологии; сост. А. И. Федоров. – Новосибирск : Наука, 1995. – Т. 1 : А–М. – 391 с; – Т. 2 : Н–Я. – 395 с.
5. *Бирих, А. К.* Русская фразеология : ист.-этимол. слов. : ок. 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель [и др.], 2005. – 926 с.

А. Хонарджу (Минск, Беларусь)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА НЕВЕРБАЛЬНЫХ СИГНАЛОВ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ: РУКОПОЖАТИЕ

Невербальные средства играют важную роль в контексте межкультурной коммуникации. Согласно оценкам ученых, до 93 % информации, передающейся при эмоциональном общении, проходит по невербальным каналам коммуникации.

Эффективность общения зависит не только от того, насколько понятны собеседнику слова, но и от способности адекватно интерпретировать информацию, передаваемую жестами, мимикой, движениями тела, тембром голоса и другими невербальными средствами коммуникации. Изучение элементов невербальной коммуникации способствует более эффективному пониманию смысла общения, поскольку именно они способны передавать информацию о личности собеседника, об отношении участников коммуникации с учетом ситуативных факторов. В процессе общения с людьми иноязычных культур необходимым является знание элементов культурно-специфической невербальной коммуникации. Существуют разные интерпретации одного и того же жеста или различия в невербальном поведении представителей иноязычных культур. Овладение иноязычной культурой предполагает формирование умений невербального общения, которое понимается как знание норм, правил, владение комплексом невербальных навыков и умений, позволяющих осуществлять коммуникацию в соответствии с нормами поведения, соблюдение этикета невербального поведения в различных ситуациях межкультурного общения.

Вопросы невербальной коммуникации весьма актуальны для речевой деятельности людей разных национальностей, особенно теперь, когда идут глобальные интегративные процессы на всех уровнях взаимодействия. В рамках данной статьи мы остановимся на рассмотрении национально-культурной специфики такого невербального сигнала, как рукопожатие, применительно к коммуникации в сфере дипломатических отношений.

Рукопожатие – это особый жест, ритуал приветствия или прощания, заключающийся в сжатии рук людьми; в ряде случаев такое сжатие сопровождается небольшим покачиванием соединенных рук. Чаще всего рукопожатие используют при приветствии, при прощании, при поздравлениях, в знак одобрения, заключения определенного соглашения или примирения. Цель рукопожатия – демонстрация благонамеренности и доброй воли.

Считается, что рукопожатие появилось еще в первобытные времена: протягивая друг другу руку, люди показывали, что у них нет оружия, что они пришли с миром, поэтому традиционно принято подавать только правую руку. По другой версии, рукопожатие возникло во времена рыцарских турниров.

Когда поединок двух рыцарей затягивался и было ясно, что они равны по своей силе, то противники подъезжали друг к другу для того, чтобы обсудить мирный исход поединка. Съехавшись, рыцари протягивали руки для рукопожатия и держали их так до конца переговоров, тем самым защищая себя от возможного коварства и обмана со стороны противника. Эта версия в определенной степени объясняет тот факт, почему рукопожатие и сейчас распространено в основном среди мужчин.

По рукопожатию можно определить психологическое состояние собеседника, оно позволяет понять, как настроены дипломаты, какой вид позиций при коммуникации они предпочитают: доминирование, покорность или равенство. Эти сигналы посылаются и воспринимаются подсознательно и влияют на исход встречи.

Существуют различные виды рукопожатий:

Превосходство (доминирование). Для демонстрации силы и превосходства при пожимании руки можно сделать так, чтобы рука была сверху. Так, чтобы ладонь смотрела вниз, не обязательно полностью разворачивать руку, достаточно слегка ее наклонить. Даже если бессознательно рука находится сверху – это демонстрирует преимущество того, чья рука находится сверху. Это происходит потому, что позиция ладонью вниз ассоциируется с доминированием и контролем, в то время как ладонь вверх означает покорность и пассивность. Доминантное рукопожатие есть наиболее агрессивный вид рукопожатия, т.к. оно дает человеку мало шансов на установление отношений равного партнерства. Этот тип рукопожатий характерен для властного политика, который всегда является инициатором рукопожатия. При данном типе рукопожатия очевидны так называемые «преимущества левой стороны на фото», обычно более властным выглядит тот, кто стоит слева, поскольку в момент рукопожатия его рука находится в доминирующей позиции, ладонью вниз, и показывает превосходство и контроль. Политики знают, какое впечатление производит эта позиция, поэтому стараются занять место справа от коллеги, то есть слева на фото.

Подчинение (повиновение). Когда ладонь расположена снизу, то это означает покорность, повиновение перед тем, чья рука находится сверху. Определенные дипломаты при приветствии сами предлагают свою «подчиненную» руку, в то время как некоторые до последнего момента борются, чтобы их рука оказалась сверху.

Следует особо отметить так называемое «преимущество «второй руки»». Большинство дипломатов, владеющих техниками языка жестов, умело пользуются ими, например, когда почувствуют, что их руку пытаются сместить в положение подчинения, не сопротивляются, а просто положат вторую руку сверху, как бы здороваются двумя руками, и в таком положении выведут рукопожатие на равное положение. Кроме того, в ряде случаев дипломат в целях нейтрализации доминирующего рукопожатия партнера кладет вторую руку на плечо партнера.

Равенство (свобода). Когда рукопожатием обмениваются два властных дипломата, между ними происходит символическая борьба, во время которой каждый пытается подчинить себе руку другого. В результате получается рукопожатие, при котором обе руки остаются в вертикальное положении, а оба человека испытывают друг к другу чувству уважения и взаимопонимания.

Обхватывающее рукопожатие (перчатка). Следующий обхватывающий жест, называемым «перчаткой», обычно используется политическими деятелями. Автор этого жеста старается подчеркнуть, что он честен и ему можно доверять. Этот жест «перчатка» применяется только между представителями тех государств, среди которых господствуют хорошие и дружеские отношения. В ряде случаев подобный жест может указывать на то, что таким образом собеседник пытается предотвратить, остановить, нейтрализовать доминирование, выраженные описанным выше жестом, демонстрирующим превосходство.

Рукопожатие двумя руками – любимый жест на политической арене. Через это рукопожатие инициатор демонстрирует искренность, честность и глубокие чувства к собеседнику. Но, используя его, увеличивается физический контакт, а, ограничивая правую руку собеседника, можно получить больший контроль над взаимодействием.

Пожатие локтя или предплечья. Считается, что если левая рука инициатора берется за локоть партнера, то это выражает больше чувства, чем при обхватывании запястья. Если рука кладется на плечо, то это выражает более ярко чувства, чем когда она находится на предплечье. Также это движение левой руки инициатора означает нарушение интимной и особо интимной зон реципиента. В общем, обхватывание запястья и плеча возможно лишь между близкими друзьями, родственниками, между людьми, испытывающими особый эмоциональный подъем в момент пожатия. С точки зрения этикета, подобные жесты при дипломатическом общении скорее можно трактовать как неудачи и своего рода нарушение дипломатического протокола.

В целом же следует отметить, что рукопожатие в дипломатической сфере должно быть выразительным, четким, твердым, сильным. Независимо от того, выражается приветствие по отношению к мужчине или к женщине.

Использование рукопожатия как символа приветствия между представителями разных культур должно основываться на понимании национально-культурных особенностей семантики данного невербального сигнала. Следует учитывать различие в понимании личного пространства представителями различных культур. Характерные для восточной культуры минимальные, тесные рамки взаимодействия могут быть расценены представителем западной культуры как нарушение их личного пространства (интимной зоны). Кроме того, следует обращать внимание на гендерные различия и ограничения в отношении знаков приветствия, в том числе и рукопожатия. Даже на уровне дипломатических отношений мужчинам из неисламской культуры

строго запрещено пожимать руку мусульманкам, а женщинам-дипломатам, представителям европейской культуры, не следует подавать руку дипломатам из исламского мира для рукопожатия.

В то время как при встрече двух представителей восточной культуры, рукопожатие может сопровождаться объятиями и/или поцелуями в щеку (этот невербальный знак приветствия и прощания восходит к традициям народов Средиземноморья).

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что, несмотря на универсальный характер такого невербального сигнала, как рукопожатие, его функционирование в разных культурных традициях имеет существенные отличия, обусловленные целым рядом этнокультурных особенностей и экстралингвистических факторов.

Секция III

ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

И. Ю. Самойлова (Гродно, Беларусь)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УЧЕБНИКАХ ПО ИЗУЧЕНИЮ РКИ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД ПОСОБИЕМ

Возможности технического прогресса позволили преподавателю раздвинуть рамки учебного занятия, передвинуть обучение за границы аудитории и личности преподавателя, задачей которого является не только элементарная трансляция знаний, но и, в первую очередь, развитие когнитивных и коммуникативных навыков обучающихся. Преподаватель должен научить учиться, что означает «научиться размышлять, сомневаться, быстрее приспосабливаться к своему культурному наследию, соблюдая при этом общность мнений» [1, с. 64].

Идея обучения иностранному языку основана на межкультурной парадигме, которая предполагает взаимосвязанное изучение языка и культуры. Современный мир, хотим мы этого или нет, является поликультурным и многоязычным. Мы считаем, что это предопределяет подготовку обучаемых к работе именно в многополярном мире.

Специфику учебника иностранного языка определяет сам учебный предмет: любой учебник иностранного языка должен быть своего рода средством формирования коммуникативной компетенции, что служит важнейшим критерием оценки учебников.

Вопросы теории создания, анализа достоинств и практики применения новых учебников и учебных комплексов по изучению РКИ вызывают постоянный интерес, дискуссии у методистов и преподавателей-практиков. Учебник (пособие, учебный комплекс, УМК), безусловно, является стержнем реализации программы обучения, фактором, обеспечивающим необходимую базу для осуществления языковой деятельности на изучаемом языке.

Проблема создания эффективного учебника по изучению РКИ становится сейчас особенно актуальной в связи с использованием многих новых и ранее не задействованных достижений психологии, лингвистики, лингводидактики, новых современных технологий обучения.

Сегодня учебники иностранного языка становятся все более культуро-емкими и представляют собой не только средство обучения иностранному языку. Они оказывают серьезное влияние на мировоззренческие и кросскультурные представления тех, кто ими пользуется (как студентов, так и преподавателей), способствуют вхождению в мир иной культуры и его специфику, а также являются важным элементом межкультурной коммуникации и, что очень важно, аккультурации. Современный учебник оказывается тем полем, где пересекаются культурное и образовательное пространства, поэтому

можно вести речь о культурно-образовательном пространстве учебника, где происходит не только освоение языка, но и иной (по отношению к родной) культуры. Иными словами, те, кто используют учебник, приобретают и развивают не только коммуникативные и лингвистические навыки, но и социокультурные. На наш взгляд, учебник предстает носителем социокультурной информации, полем пересечения культурного и образовательного пространств, где происходит освоение иной культуры и формирование человека культурного.

В нынешних условиях, когда во многом изменились и дополнились реалии современного мира, технологии представления информации, прагматика изучения языка, психологические особенности обучаемых – проблема создания эффективных учебных комплексов по изучению РКИ становится еще более актуальной.

Сегодня весь мир озабочен проблемой поиска новых технологий образования. Глобальная компьютеризация, Интернет, телевидение и видеопродукция изменили новое поколение учащихся. Работа с компьютером сформировала особый, « мозаичный » (термин Н. Л. Шубиной) тип восприятия информации. Следствием этого оказывается, как правило, перцептивное мышление учащихся, для которого вербальность является вторичной. Молодежь сегодня свободно чувствует себя в Интернете, легко ориентируется в поисковых программах и т.п. Она привыкла к манипулированию гипертекстом, т.е. к тому, что достаточно щелкнуть мышкой, и он получит необходимую справку, или расширение информации, или перевод слова на другой язык [2, с. 8–13]. Учитывая эти факторы, мы, создавая учебное пособие [3], старались сделать его более приспособленным для людей с современным характером восприятия сведений и активно использовать ту модель познания мира, те когнитивные механизмы приобретения новой информации, которые у них сложились к началу изучения иностранного языка.

Пособие «Русский язык как иностранный. Шаг первый» имеет характер начального курса, изучение которого рассчитано на 80–100 аудиторных часов учебных занятий.

Авторы пособия считают, что первый (начальный) этап обучения русскому языку должен охватывать:

- овладение русским алфавитом в печатной и прописной форме для чтения и записи простых текстов;
- овладение русским произношением: редукция гласных, произношение твердых и мягких согласных, йотированных гласных *е, ё, я, ю*, произношение (и чтение) групп согласных (типа *здравствуйте, солнце, праздник*) и основные интонационные конструкции (ИК-1, ИК-2, ИК-3, ИК-4, ИК-5);
- овладение около 300–400 лексическими единицами русского языка, позволяющими общаться в типичных коммуникативных ситуациях (*приветствие, прощание, знакомство, определение возраста, информация о себе и своих близких, информация об университете, друзьях, хобби*), а также получение основной информации на русском языке;

• умение выражать свои мысли и мнения с помощью простых конструкций, не требующих сложных падежных форм. Например, вместо конструкции *Я интересуюсь / увлекаюсь литературой / спортом / музыкой* мы предлагаем выражение того же содержания с помощью конструкций *Я люблю литературу / музыку / спорт*, а также *Мое хобби – литература / музыка / спорт*.

При работе над пособием авторы руководствовались следующими целями:

– познакомить учащихся с основными особенностями русской артикуляционной базы, научить их правильному русскому произношению: свободному переходу от артикуляции переднеязычных звуков к артикуляции заднеязычных;

– сформировав механизм твердости-мягкости, добиться свободного перехода в произношении от твердых к мягким и наоборот;

– научить артикулировать звонкие и глухие согласные и свободно произносить слова, содержащие эти звуки;

– научить чтению групп согласных и гласных в слове и словосочетании.

Кроме того, в пособии решаются задачи обучения акцентуации и ритмике русского слова и словосочетания. Освоение русской интонации осуществляется на базе небольших коммуникативно значимых текстов диалогического и монологического характера.

Пособие включает 11 уроков, которые коррелируют с 11 уроками рабочей тетради «Русский язык как иностранный. Шаг первый».

Каждый урок включает в себя:

1. Фонетические упражнения, направленные на формирование, развитие и выработку слухопроизносительных умений и навыков;

2. Примеры монологической и диалогической разговорной речи, служащие моделями для продуцирования иностранцами собственных текстов, основанных на заданном лексико-грамматическом материале;

3. Фразы для усвоения на речевом и ситуативном уровнях; словник урока.

4. Завершает пособие список интенций, наиболее частотных в коммуникативно актуальных для иностранного слушателя ситуациях.

Необходимо отметить, что пособие содержит большое количество иллюстративного материала, который способствует семантизации новой лексики.

В связи с тем, что все чаще образование рассматривается как технологический процесс, а всякая технология нуждается в постоянном обновлении, в интенсификации, использование, например, компьютера и современных информационных технологий при обучении языку, освоение тех возможностей, которые они предоставляют, играют огромную роль в повышении эффективности обучения. Следовательно, в наше время уже невозможно представить себе учебник (пособие) по языку без сопровождающих его интерактивных компьютерных курсов или приложений, где у авторов есть возможность ситуативно и/или индивидуализированно «вести» обучаемого

по программе в предпочтительной для него манере. В качестве иллюстративной наглядности нами используется обучающая компьютерная программа, в которой демонстрируется работа речевого аппарата (движения органов речи) при произношении русских звуков.

В заключение хотим подчеркнуть, что подготовленное нами пособие систематически и параллельно развивает все языковые умения: чтение, говорение, аудирование, письмо и интеракцию (упражнения для работы в парах способствуют развитию этой компетенции), интеркультурную коммуникативную компетенцию; развивает социальную компетенцию (задания и проекты, выполняемые с партнером или в группе); вводит грамматический материал понятно и просто (ученик зачастую самостоятельно формулирует правило на основании выполненных по образцу упражнений, в процессе реализации которых арефлексно студент применял правило); содержит современную лексику и естественные диалоги; включает тематику, соответствующую возрасту, интересам и коммуникативным потребностям обучаемых; вводит страноведческие знания; имеет четкую структуру, что облегчает процесс обучения, работу с пособием и поиск необходимого материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всемирный доклад ЮНЕСКО. К обществам знания. – ЮНЕСКО, 2005. – 231.
2. *Левина, Г. М.* Обучение иностранцев русскому инженерному дискурсу / Г. М. Левина. – М. : МГТУ «Станкин», 2003. – 204 с.
3. *Самойлова, И. Ю.* Русский язык как иностранный. Шаг первый: пособие / И. Ю. Самойлова, Н. Г. Музыченко, Т. В. Черкес. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2016. – 62 с.

Т. Г. Ковалёва (Минск, Беларусь)

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

На современном этапе развития высшей школы все более пристальное внимание уделяется иностранному языку как дисциплине общего профессионального или специального профессионального блока. Это означает, что иностранный язык должен изучаться с учетом коммуникативных потребностей в профессиональной сфере деятельности будущего специалиста и во взаимосвязи с другими специальными дисциплинами. Данное направление языкового образования разработано далеко не полностью, хотя уже имеются специализированные учебные пособия, ориентированные на математиков, психологов, физиков, экологов, инженеров. Учебные издания такого типа обычно содержат тексты, насыщенные специальной терминологией, словари терминов, профессионально ориентированные лексико-грамматические задания. Однако довольно редко в таких специализированных учебных пособиях можно найти материалы, которые отражали бы культурные особенности профессиональной сферы общения в стране изучаемого языка и могли бы

быть использованы для развития интеркультурной (кросс-культурной) [1, с. 134] компетентности. По-видимому, причина заключается в том, что научно-технический стиль языка лишен эмоциональности, образности, он объективен, логичен, рационален, «наднационален». Он находится как бы вне культурных и лингвокультурных различий. Однако, как показывает анализ, лингвострановедческие элементы все-таки присутствуют в текстах, имеющих профессиональную значимость.

Наблюдения над специальными текстами в области безопасности жизнедеятельности на разных языках (немецком, английском, французском, русском) показывают, что в них в большей или меньшей степени присутствуют компоненты, несущие определенную социокультурную нагрузку. Выраженные в таких текстах образы и понятия можно понять и передать только при знакомстве с соответствующими культурными реалиями, историей страны изучаемого языка и при наличии определенных лингвистических знаний. Приведем некоторые примеры терминологических единиц, понимание и перевод которых затрагивает область социокультурной компетенции. В англо-русском словаре имеется 11 вариантов перевода слова *community* (англ): *сообщество, община, общество, общность, объединение, населенный пункт, округа, микрорайон, общежитие, местность, жители микрорайона*. Этот термин во фразе *Floods can be local, impacting neighborhoods or communities, or very large, affecting entire river basins* в контексте документа по оказанию психологической помощи населению, пострадавшему от чрезвычайной ситуации, можно адекватно перевести, зная, что *community* – это административная единица территориального деления в некоторых странах. При этом следует учесть, что данный документ составлен для государства Шри-Ланка, которое подразделяется на провинции и округа. Поэтому обучающиеся выбирают для перевода значение ‘провинция’: *Наводнения могут быть локальными, затрагивающими отдельные провинции или округа, или очень обширными, охватывающими территорию всего речного бассейна*.

Обращение к сфере референциальных знаний позволяет правильно понять акроним *RF* (*Rüstfahrzeug*) (нем.). Во время Второй мировой войны пожарным командам в Германии приходилось спасать пострадавших при участившихся крушениях поездов, в результате дорожно-транспортных происшествий, и из-под завалов после бомбовых атак. Возникли специально оборудованные пожарные машины для оказания технической помощи: *für technische Hilfeleistung ausgerüstet*. Корень *rüst* вошел в состав термина *Rüstfahrzeug*, который следует перевести *специальный автомобиль для оказания помощи в случае автомобильных и железнодорожных аварий*. Акроним *KHD* (нем.) на кузове прицепа может быть расшифрован только при знании того, что это транспортное средство относится к немецкой службе спасения, в развернутом виде *Katastrophenhilfedienst* (*служба помощи в чрезвычайных ситуациях*).

На пересечении референциальной и этно-лингво-социокультурной микрокомпетенций [2, р. 48] находится название специализированного фран-

цузского журнала *Allô Dix-Huit*. Чтобы понять тематику данного издания необходимо знать, что 18 – это номер для вызова по телефону пожарной службы во Франции, и любой француз его знает, как знает житель Белоруссии номер службы спасения 101. Таким образом, можно предложить следующий перевод названия этого журнала: *Пожарная служба на связи*. Имя прилагательное *raffiné* (фр.), согласно словарю, имеет значения: ‘утонченный, изощренный, ловкий, хитрый’. Однако в составе именной группы *des pompiers raffinés* (фр.) данное прилагательное следует перевести, учитывая, что оно по смыслу связано с существительным *raffinerie* ‘нефтеперерабатывающий завод’. Пожарные, которые обеспечивают безопасность таких объектов, должны обладать специальными знаниями и навыками тушения горящих нефтепродуктов. Таким образом, предлагается перевод *опытные пожарные, которые отвечают за безопасность нефтеперерабатывающих заводов*. Так, в научно-техническом тексте термин приобретает положительную коннотацию ‘опытный, хорошо подготовленный’.

Отдельно следует остановиться на материалах, размещаемых на интернет-страницах зарубежных служб, занимающихся вопросами спасения людей в чрезвычайных ситуациях. Они содержат богатый материал, который может быть использован как для изучения особенностей функционирования и перевода специальных терминов, так и для подготовки к профессиональной межкультурной коммуникации на основе аутентичного дискурса. Материалы, размещенные на интернет-странице высшей французской национальной школы пожарных офицеров (ENSOSP), представляют собой дискурс, который включает различные продукты коммуникативной деятельности. Это развернутые и сокращенные тексты, стабильные и всплывающие сообщения, таблицы и делопроизводственные формы, фотографии, видеоролики, ссылки к другим базам данных, причем количество специальных терминов и их понимание зависит от рубрики. Например, для понимания информации с главной страницы «Assueil» необходимы референциальные знания по истории Франции (*Défilé du 14 juillet*). Информация о научных мероприятиях содержит больше специальных терминов, которые имеют, скорее, «наднациональный» характер и однозначный перевод. Например, *protection civile, incendie, premier secours*. А вот перевод названий курсов или дисциплин возможен только после ознакомления с содержанием курса и подключения лингвистических знаний, ведь *journée* по-французски означает не только ‘день’, но и ‘рабочий день’. Слово сочетание *journée professionnelle* – однодневный курс повышения квалификации. В ленте новостей комбинируются элементы публицистического и научно-технического стиля. Например, *lutte contre l’incendie* – дословно, *борьба против пожара* соответствует термину «тушение пожара». *Soldats du feu* «солдаты огня» – метафорическое наименование представителей профессии «пожарный». В рубриках, представляющих коммерческий интерес, рекламируются специальное оборудование, инструменты, защитная одежда. Адекватное понимание и перевод обеспечиваются средствами визуализации – фотографиями, рисунками, видеороликами.

Таким образом, профессионально ориентированный дискурс – это весьма разнородный массив, в котором присутствуют различные виды и типы текстов, разные жанры. Некоторые из них содержат только специальные термины, не имеющие никакой лингвострановедческой окраски, однако есть и такие, которые вполне могут служить базой как для развития социокультурной компетенции, так и для подготовки к межкультурной коммуникации в профессиональной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крупченко, А. К.* Основы профессиональной лингводидактики /А. К. Крупченко, А. Н. Кузнецов. – М. : АПКиППРО, 2015. – 232 с. – (Сер. «Профессиональная лингводидактика»).
2. *Boer, H.* Nouvelle introduction à la didactique du français langue étrangère / H. Boer, M. Butzbach-Rivera, M. Pendanx. – Clé International, 1990 – 240 p.

Т. И. Гринцевич (Минск, Беларусь)

РАЗВИТИЕ УМЕНИЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ У ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ

Чтобы овладеть чужим языком, необходимо осознавать, что его носитель является и носителем чужой культуры, надо научиться общаться с ним в формате его культуры, т.е. овладеть межкультурной коммуникацией.

Межкультурная коммуникация – процесс вербального и невербального общения между коммуникантами, носителями разных языков и культур [1, с. 247]. Главным в общении людей является их стремление понимать друг друга, причем в межкультурной коммуникации каждый из ее участников должен осознавать «чужеродность» партнера и все-таки стремиться к взаимопониманию.

Любая культура формируется в соответствии со своими базовыми признаками, к которым чаще всего относят язык, мышление, национальный характер, восприятие окружающего мира, времени, пространства, невербальные способы общения, ценностные ориентации, нормы поведения, обычаи, социальные роли, социальные отношения и группировки [2, с. 842]. Каждая культура включает и то, что общество *думает и делает*, что создается носителями этой культуры – от философии, религии, искусства, музыки, литературы, живописи до предметов постоянного обихода, т.е. одежды, мебели, жилища, украшений и т.п.

Человек, как правило, формируется той культурой, в которой он растет и реализуется как языковая личность. Культурно-специфичные (родные ему) особенности являются для него понятными и привычными. В рамках собственной культуры создается прочная иллюзия своего видения мира, образа жизни, менталитета и т.п. как единственно возможного и, главное,

единственно приемлемого. Если же он вступает в коммуникацию с носителями другой культуры, то начинает осознавать, что существуют и другие способы языкового выражения мыслей, форм переживания, поведения, которые не согласуются с привычными для него формами и способами. Многие вещи он воспринимает как непонятные и странные.

Поэтому иностранный учащийся, прибыв в другую страну, должен не только изучить язык, на котором говорят ее жители, но и приобщиться к национальным ценностям, понять специфику национального характера, особенности восприятия мира, времени, пространства, узнать картину мира представителей изучаемого языка.

Картина мира, т.е. представление человека определенной культуры о мире и о своем месте в этом мире, кодируется языковыми средствами и выражается через систему концептов, которые существуют в любом языке. Концепт формируется на основе языка, опосредован языком и служит основной единицей национального менталитета, «сгустком культуры в сознании человека» [3, с. 40]. Можно сказать, что национальная культура – это система концептов, которая передается из поколения в поколение. Такие концепты, как «любовь», «дружба», «семья», «дом», «вера», «закон», «счастье», «труд» и др., существуют в каждой культуре, но у носителей разных культур они вызывают разные ассоциации, не совпадающие или совпадающие частично. Концепты могут выражаться безэквивалентными лексическими единицами, фразеологическими, афористическими средствами, прецедентными текстами, этикетными формулами, а также рече-поведенческими тактиками [4, с. 36].

Выдвижение и разработка идеи картины мира уходит в далекую историю развития науки. Если, говоря о картине мира, иметь в виду сам термин *картина мира*, то такая терминологически выделенная картина мира возводится к известной гипотезе Сепира – Уорфа, согласно которой строй рационального сознания, т.е. характер видения мира, у разноязычных народов различен, поскольку сознание, отражающее мир, детерминировано разными категориальными системами языков [5, с. 16].

Владение культурными концептами является одним из условий изучения языка, так как их совокупность, характерная для каждой культуры, передает картину мира языковой личности, позволяет узнать систему ценностей и мировоззрение носителя чужого языка, принять чужие нормы поведения.

Существенные особенности языка и культуры вскрываются при сопоставлении, при сравнительном изучении языка и культуры [6, с. 33]. Если языковой барьер становится сразу очевидным, то барьер культур проявляется только при столкновении (или сопоставлении) родной культуры с чужими, отличными от нее: в лучшем случае удивительными, а обычно просто странными, неприятными, шокирующими (отсюда понятие культурного шока, который часто испытывают иностранцы).

Культурный барьер гораздо опаснее и неприятнее языкового. Он как бы сделан из абсолютно прозрачного стекла и неощутим до тех пор, пока не

столкнешься с этой невидимой преградой. Культурные ошибки обычно воспринимаются намного болезненнее, чем ошибки языковые, несмотря на то что первые гораздо более извинительны: различия культур не обобщены в своды правил, как различия языков, нет ни грамматик, ни словарей культур. Однако если ошибки в иностранных языках обычно воспринимаются носителями языка довольно добродушно, то культурные ошибки, как правило, часто производят отрицательное впечатление.

Только выйдя за рамки своей культуры, т.е. столкнувшись с иным мировоззрением, мироощущением и т.п., можно понять специфику своего общественного сознания, увидеть различие или конфликт культур. Все тонкости и вся глубина проблем межъязыковой и межкультурной коммуникации становятся особенно наглядными, а иногда и просто осознаваемыми при сопоставлении иностранных языков с родным и чужой культуры со своей, привычной. Поэтому в мир изучаемого языка рекомендуется включать элементы такого сопоставления.

Отсутствие межкультурных знаний и умений может привести к коммуникативным неудачам в общении с собеседником. Используя иностранный язык должен научиться понимать, почему люди другой культуры поступают определенным образом в каждой конкретной коммуникативной ситуации. Чем обширнее знания о чужой культуре, тем меньше возможность появления коммуникативных неудач в общении с носителями языка в будущем. Под коммуникативной неудачей понимается «...полное или частичное непонимание высказывания партнера по коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» [2, с. 564].

Понимание может быть достигнуто только в том случае, когда учащийся не только овладеет языковыми знаниями, навыками и умениями, но и познает культуру того народа, язык которого он изучает, в нашем случае русскую культуру.

Учащийся должен не просто понимать языковое выражение, но и осмыслить, что хочет выразить его партнер по коммуникации, какую информацию тот хочет сообщить. И в этом ему поможет знание культурных традиций. В связи с тем, что понимание замысла иноязычного партнера, а также чужеродных средств выражения этих замыслов чрезвычайно сложно, то, начиная с первого этапа обучения, необходимо включать в учебный процесс средства выражения переспроса, уточнения, всякий раз обращая внимание на статус общающихся, их отношения, регистр общения и т.д. Преподавателю следует осознавать, что у иностранных учащихся уже существуют сложившиеся представления о своем народе и о других народах. Поэтому важно научить иностранных учеников видеть различия между культурами, улавливать особенности русской культуры, преодолевать сложившиеся стереотипы, помочь овладеть стратегической компетенцией, понимаемой как «способность восполнять в процессе общения недостаточность знания языка, а также речевого и социального опыта общения на иностранном языке» [1, с. 344].

В условиях современного обучения, когда в одной учебной группе оказываются представители разных стран, обладающие специфическими особенностями национального характера и мышления, проблема межкультурной коммуникации приобретает особое значение. Каждый член группы принадлежит к определенному национальному, социальному типу и ожидает, что общение с другими членами группы будет проходить в соответствии с теми этническими стереотипами, которые сложились у него достаточно прочно («русские неорганизованны», «немцы пунктуальны», «американцы развязны»).

Для достижения успешности в межличностном общении необходимо учесть чувствительности к особенностям разных культур, уважению к уникальности каждой культуры, способности анализировать поведение представителей других культур в сравнительном аспекте, терпимости к необычному поведению учащихся из других стран, гибкости в своем ответном поведении. Необходимо выработать общие нормы взаимодействия, этику взаимоотношений, учитывая традиции, сложившиеся у представителей каждого этноса, особенности культуры страны. То есть работа должна проходить в едином поле межкультурного общения. Культурное многообразие предполагает межкультурное взаимное обогащение. Сближение межкультурной дистанции, воспитание готовности адаптироваться к иному социокультурному поведению представителей другого народа создаст возможность выработки оптимальной стратегии сотрудничества на занятии. В этом случае можно говорить о воспитании мультикультурализма.

Одним из направлений межкультурной коммуникации является функционально-поведенческая составляющая национальной культуры, которая предполагает наличие у коммуникантов умения и навыков выбора адекватной для русской культуры рече-поведенческой тактики в разных сферах общения.

Вступая в коммуникацию с представителями чужого языка, иностранные учащиеся не всегда владеют стратегией коммуникативного развертывания многих ситуаций на когнитивном уровне, что очень ограничивает их речевую деятельность. Цель обучения – ликвидация «коммуникативного пробела», который с каждым уроком должен заполняться всё больше, включать в себя новые факторы.

При обучении лингвистическим и нелингвистическим условиям коммуникации внимание учащихся фиксируется на особенностях общения в русскоязычной среде. И это общение может протекать совсем не так, как в культуре учащегося, может не оправдать его ожидания. В процессе обучения преподаватель обращает внимание учащихся на то, что, будучи правильными с точки зрения языка, некоторые речевые конструкции ошибочны с точки зрения речевого поведения, социально принятого в русской культуре. Они определяются традициями, конкретной экстралингвистической ситуацией, имеют социальные ограничения и предпочтения, связанные со статусом общающихся, отражают особенности общения, типичные для определенных

социальных, профессиональных, гендерных, возрастных групп в русскоязычной культуре. Корректируя учащихся, преподаватель может сказать: *Так в нашей культуре не принято делать/говорить. Обычно мы делаем/говорим так. Чаще всего у нас делают/говорят так. Как правило, так не делают/не говорят*). Для осознания учащимся различий в двух культурах можно предложить вопрос: *А как у вас делают/говорят в данной ситуации?*

Овладеть межкультурными знаниями помогут учащимся лингвострановедческие и культурологические комментарии, словари, тексты, составленные в сопоставительном плане, методические разработки с использованием различных аудиовизуальных средств, дающие представления о культурных параллелях и пересечениях. Главным же в работе должен быть принцип интеграции, когда разнообразные материалы представляют единый комплекс, создавая общую национальную картину мира.

Развитие умений межкультурной коммуникации у иностранных учащихся осуществляется во время сопоставления родной и неродной повседневной культуры и культуры проведения праздников; изучения элементов вербального и невербального поведения, принятых в стране изучаемого языка, постижения современного образа жизни, молодежной субкультуры. В свете современных требований к целям обучения с учетом межкультурной коммуникации преподаватель РКИ должен воспитать в себе чувствительность к культурным различиям обучаемых; уважение к уникальности культуры каждого народа; терпимость к необычному поведению, обусловленному различием культур; желание позитивно относиться ко всему неожиданному; гибкость в принятии альтернативных решений и отсутствие завышенных ожиданий от общения с представителями других культур; способность выделять в концептах родной и чужой культуры их сходства и различия; умение не противопоставлять, а сопоставлять культуры, отказываясь от поспешных оценок и суждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азимов, Э. Г.* Словарь методических терминов: Теория и практика преподавания языков / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – СПб. : Златоуст, 1999.
2. *Эффективная коммуникация: история, теория, практика. Словарь-справочник / редкол.: И. И. Панов (отв. ред. , сост.), Л. Е. Тумина (сост.) [и др.].* – М. : КРПА Олимп, 2005.
3. *Степанов, Ю. С.* Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е. – М. : Академ. проект, 2001.
4. *Воркачев, С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М. : Гнозис, 2004.
5. *Блох, М. Я.* Концепт и картина мира : материалы междунар. науч-практ. конф. 17–19 марта 2006 г. – М. ; Кострома, 2006.
6. *Тер-Минасова, С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова – М. : Слово, 2000.

Т. Г. Дементьева (Минск, Республика Беларусь)

ОБУЧЕНИЕ ВЗРОСЛЫХ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Образование взрослых – один из важнейших этапов непрерывного образования, которое является результатом активной жизненной позиции дипломированного специалиста и условием его всестороннего участия в жизни общества.

Повышение эффективности международного сотрудничества в профессиональной сфере, воспитание уважения к национальной самобытности и культурному разнообразию, расширение доступа к различным источникам информации, развитие личных контактов и достижение более глубокого взаимопонимания между людьми – все это лежит в основе языковой политики в контексте непрерывного образования. С этих позиций формирование иноязычной коммуникативной и социокультурной компетенции специалистов является приоритетной целью последипломного дополнительного образования.

Согласно «Кодексу Республики Беларусь об образовании» [1] освоение образовательных программ дополнительного образования взрослых направлено на то, чтобы формировать мотивацию слушателя к постоянному совершенствованию знаний и мыслительной деятельности, осознанной потребности в получении знаний «через всю жизнь». И в этой связи дополнительное образование взрослых является одним из стратегических направлений повышения конкурентоспособности специалиста, его востребованности на рынке труда [2, с. 124]. Образование взрослых призвано способствовать социальной адаптации, профессиональному росту, всестороннему развитию и самореализации человека в период его самостоятельной жизни.

Профессиональные и личные контакты, участие в работе международных организаций, выступления с докладами на международных научных конференциях, командировки и стажировки в зарубежных странах, развитие международного туризма определили исключительную важность обучения специалистов межкультурному иноязычному общению, формированию межкультурной компетентности, под которой понимается способность осуществлять общение на иностранном языке с учетом разницы культур и стереотипов мышления.

Формирование межкультурной коммуникативной компетенции слушателей, т.е. практических навыков и умений, которые обеспечивают развитие этнокультурной восприимчивости индивида, его способности к правильной интерпретации конкретных проявлений коммуникативного поведения в различных этнокультурах, – одна из главных задач, стоящих перед преподавателем системы дополнительного образования взрослых. Достаточный уровень коммуникативной компетенции позволит осуществлять общение в большинстве ситуаций, возникающих во время пребывания в стране изучаемого языка. Обучающиеся смогут адекватно реализовать коммуникативное намерение посредством диалогических и монологических высказываний на достаточно знакомую тему.

Основой развития межкультурной компетенции является культурологический подход, в контексте которого актуализируется педагогическая и культурная антропология, изучающая способность человека развивать культуру через межличностное общение, диалог культур и профессиональные контакты. Межкультурная коммуникация требует взаимопонимания, а не только понимания сказанного и умения реагировать на услышанное.

Иностранный язык дает возможность свободного приобщения к истории, культуре, традициям другого народа. Речь идет о необходимости более глубокого и тщательного изучения мира носителей языка в широком смысле слова, их образа жизни, национального характера и менталитета, так как культурно-национальное мировоззрение воплощается в лексике, а также в грамматическом строе соответствующего языка.

Формирование межкультурной компетентности предполагает взаимодействие двух культур в нескольких направлениях: 1) знакомство с культурой страны изучаемого языка посредством самого иностранного языка и усвоение модели поведения носителей иноязычной культуры; 2) влияние иностранного языка и иноязычной культуры на развитие иностранного языка и модель поведения в рамках родной культуры; 3) развитие личности под влиянием двух культур [3]. Рассмотрим первое направление формирования межкультурной компетентности специалистов на примере организации Праздника франкофонии на уроках французского языка в группах слушателей, повышающих квалификацию по образовательным программам «Иностранный (французский) язык в профессиональной деятельности специалиста» и «Иностранный (французский) язык – поддерживающий курс».

Каждый год весной преподаватели французского языка и слушатели факультета иностранных языков для руководящих работников и специалистов, изучающие французский язык, вместе с миллионами франкофонов всего мира участвуют в мероприятиях, приуроченных к Международному дню франкофонии которые, направлены на популяризацию изучения французского языка и защиту культурного разнообразия. Этот праздник отмечается ежегодно с тех пор, как 20 марта 1970 г. в столице Нигера было подписано соглашение о создании первой межгосударственной организации франкоговорящих стран. Сегодня Международная организация франкофонии объединяет 58 государств и правительств-членов и 16 наблюдателей, что составляет 803,44 млн человек (200 млн из них говорит по-французски), и представлена на пяти континентах. Французский язык является одним из шести официальных языков ООН.

На факультете иностранных языков для руководящих работников и специалистов прошли посвященные этому празднику мультимедийные презентации по разнообразной тематике: «Франция и французы глазами других народов (стереотипы и предрассудки)», «Глобализация и французский язык (неологизмы во французском языке)», «Франция в Беларуси и Беларусь во Франции», а также другим темам, посвященным культурным традициям, особенностям образа жизни жителей регионов Франции, ее заморских департаментов и территорий, лингвистическим особенностям французского языка в различных регионах Франции, исполнительскому мастерству ведущих артистов и певцов франкофонных стран.

При подготовке к докладам слушателями была использована информация из аутентичных источников и интернет-сайтов. Информационные ресурсы Интернета органично интегрируются в учебный процесс, помогая эффективно решать ряд дидактических задач:

- формирование навыков и умений чтения;
- совершенствование умений письменной речи;
- совершенствование умений аудирования;
- пополнение словарного запаса лексикой современного языка;
- получение культуроведческих знаний, включающих в себя речевой этикет, особенности речевого поведения различных народов в условиях общения, особенности культуры, традиций страны изучаемого языка.

При решении этих задач создаются реальные условия для расширения слушателями/студентами своих представлений об окружающем мире, для умения организовать самостоятельную и поисково-исследовательскую работу [4, с. 116]. Мультимедийные презентации, выполненные в программе Power Point, помогают преподавателю интегрировать аудиовизуальную информацию, представленную в различной форме – слайды, графики, тексты.

Для успешной интенсификации образовательного процесса, формирования межкультурной компетентности специалистов необходимо использование информационно-коммуникационных технологий. Средства мультимедиа являются эффективным источником повышения качества обучения иностранному языку за счет яркости, выразительности и информационной насыщенности зрительно-слуховых образов, воссоздающих ситуации общения и знакомящих со страной изучаемого языка. С этой целью для учебно-методического обеспечения образовательной программы «Иностранный (французский) язык – поддерживающий курс» разработан мультимедийный практикум по страноведению «Регионы Франции», включающий 8 разделов: Эльзас, Аквитания, Бургундия, Бретань, Нор Па-де-Кале, Нормандия, Прованс, Долина Луары. В каждом из разделов представлены: текст, словарь и вопросы к тексту; упражнения, направленные на контроль понимания и закрепление лексического и грамматического материала, и ключи к ним; региональные выражения; фотографии, аудио- и видеоматериалы, дополнительные материалы. Слушатели узнают о географическом положении Франции, отправившись в путешествие по Франции и ее регионам, познакомятся с достопримечательностями и особенностями каждого региона.

Главная цель практикума – развитие иноязычной коммуникативной и социокультурной компетенций обучающихся, позволяющих использовать иностранный язык как средство профессионального и межличностного общения, путем систематизации и закрепления полученных теоретических знаний и практических умений; углубления и расширения страноведческих знаний; закрепления грамматических навыков; развития познавательных способностей и активности обучающихся, их творческой инициативы и самостоятельности.

Навигация между разделами и внутри разделов осуществляется путем гиперссылок, интерфейс простой и интуитивно понятный. Работать с практикумом можно на любом компьютере, планшете и телефоне, где есть прило-

жения для чтения текстовых документов, просмотра видео, фотографий, прослушивания аудиоматериалов. Изучение регионов может происходить в любом удобном для пользователя порядке, обучающийся может также сам выбирать стратегию перемещения внутри региона: либо от текста и лексики, либо от фотографий, песен с опорой на текст, либо от видео по достопримечательностям.

Иностранный язык является для специалистов средством общения с представителями различных стран. Лингвострановедческие знания, которыми они овладевают при изучении иностранных языков, являются предпосылкой и гарантией их будущей успешной межкультурной коммуникации. Взаимодействие двух культур – родной и иноязычной – будет способствовать формированию межкультурной компетентности специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании. – Минск : РИВШ, 2011.
2. *Жигалова, М. П.* Стратегии развития дополнительного образования взрослых в Республике Беларусь в условиях сотрудничества с вузами Европы / М. П. Жигалова // Образование через всю жизнь: Непрерывное образование в интересах устойчивого развития: материалы 12-й междунар. конф.: в 2 ч. / сост. Н. А. Лобанов; под науч. ред. Н. А. Лобанова и В. Н. Скворцова; ЛГУ. – СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2014. – Вып. 12. – Ч. II. – С. 124–127.
3. *Абиджанова, М. А.* Формирование межкультурной компетентности будущего учителя с учетом особенностей иноязычной культуры / М. А. Абиджанова // Образование через всю жизнь: Непрерывное образование в интересах устойчивого развития: материалы 13-й междунар. конф.: в 2 ч. / сост. Н. А. Лобанов; под науч. ред. Н. А. Лобанова и В. Н. Скворцова; ЛГУ им. А. С. Пушкина; НИИ соц.-экон. и пед. проблем непрерыв. образования. – СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. – Вып. 13. – Ч. I. – С. 488–490.
4. *Козелецкая, И. Н.* Инновационные технологии обучения иностранному языку / И. Н. Козелецкая // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: материалы I Респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Минск, 23 – 24 фев. 2017 г. / редкол. : О. Г. Прохоренко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Издат. центр БГУ, 2017.

Е.В. Кишкевич (Минск, Беларусь)

ПОЛИФОРМАТНЫЕ УРОКИ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ ЗЕМЛИ БЕЛОРУССКОЙ» В ЛЕТНЕЙ ШКОЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В XXI веке для многих молодых людей, представителей разных культур, получение образования в интернациональном университете становится жизненной необходимостью. На личностном уровне этот процесс предоставляет студентам возможности дополнительной социализации в виде развития навыков для взаимодействия с незнакомым окружающим миром, способностей для межкультурной коммуникации.

Новые технологии активно используются в решении задач межкультурной коммуникации. Лингвокультуроведение представляет собой объективную возможность приобщения иностранца к новой для него действительности. «Перешагнув порог коммуникативного направленного общения и вступив в век культуроведения, истинного диалога культур и языкового многообразия, мы, возможно, окажемся в более благоприятных условиях, которые будут способствовать обновлению науки и лингводидактического поиска» [1, с. 23].

В БГУ уже 5 лет работает Летняя школа русского языка для иностранных граждан. Организаторы школы ставят перед собой задачи: погрузить обучающегося в языковую среду, в реальных условиях показать прагматические социокультурные ситуации, прокомментировать их, повысить внутреннюю мотивацию к усвоению русского языка, создать психологическую комфортность, познакомить с белорусскими национальными традициями и особенностями менталитета, наладить диалог культур.

При организации учебного процесса по РКИ используется новый технологический принцип модульной организации учебного материала. Модульное обучение русскому языку как иностранному – это четкая система, базирующаяся на теории поэтапного формирования у иностранных обучающихся умений свободно ориентироваться и успешно реализовывать коммуникативные интенции в социально, коммуникативно и профессионально значимых ситуациях общения. Это позволяет дифференцировать учебный процесс в соответствии с диверсификацией потребностей иностранных обучающихся [2, с. 488].

На занятиях по русскому языку всегда можно найти время для комментирования слов и других единиц языка, содержащих так называемый культурный компонент, т.е. явные признаки национальной культуры. Однако наиболее эффективными для погружения в социокультурную среду языка являются полиформатные уроки. Они предполагают использование не только учебного текста как центра занятия, но и произведений живописи, музыки, аудио-, видеоматериалов, кинофрагментов, слайдфильмов, элементов радио- и телепередач и т.д. В условиях такого занятия, что особенно важно, межкультурная, лингвистическая и речевая компетенции формируются, взаимно дополняя друг друга. Наряду с передачей «деловой» информации такие уроки оказывают воздействие на эмоции студента и его образно-художественную память.

Нами разработаны сценарии полиформатных уроков серии «Жизнь замечательных людей земли белорусской». В качестве героев этих занятий мы выбрали людей, родившихся в Беларуси и прославивших эту землю и в то же время проживших значительную часть жизни за рубежами родины, внесших вклад в развитие мировой культуры и науки. Методику проведения такого занятия рассмотрим на примере темы «Художники Парижской школы из Беларуси».

В 1910–1920 гг. в Париже возникло новое течение в изобразительном искусстве. В интернациональный круг художников, получивших всемирную известность, входили и наши соотечественники. Никто тогда и предположить

не мог, что такие неуклюжие на вид «простофили» из белорусских местечек создадут новое явление в искусстве, которое сами французы назовут Ecole de Paris (Парижской школой). Сегодня произведения Марка Шагала, Хаима Сутина мгновенно продаются на аукционах по рекордным ценам. Не забыты и другие уроженцы Беларуси: Лев Бакст, Яков (Жак) Балглей, Евгений (Эжен) Зак, Михаил (Мишель) Кикоин, Пинхус Кремень, Осип Любич, Надежда Ходасевич-Леже, Сэм Царфин. Их работы являются предметом гордости самых известных музеев, выставляются на самых престижных выставках.

Ощущения, восприятия, представления опережают словесное и абстрактное познание человеком мира. Недаром говорится, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Когда у нас есть возможность весь урок построить вокруг иллюстративного материала, то таким случаем нельзя не воспользоваться.

В качестве фонетической разминки с последующим лингвострановедческим комментарием предлагаются слова, наделенные национально-культурной семантикой: наименования предметов и явлений традиционного быта, историзмы, топонимы, имена собственные и географические понятия. Приходится аккуратно, дозированно вводить слова, выходящие за рамки лексического минимума, но необходимые для создания социокультурного пространства.

Начинаем с моделирования фоновых знаний. Фоновые сведения об эпохе, истории и культуре студенты могут получить не только на аудиторных занятиях, но и во внеаудиторное время, например, во время экскурсий. Ответить на вопрос о том, как возникло стремление к рисованию у детей, родившихся в тех местечках, где кроме икон и росписей в храмах образцами изобразительного искусства были вывески над парикмахерской и фотомастерской, непросто. Вот Витебск: маленький красный кирпичный домик на Покровской – сегодня здесь мемориальный Дом-музей художника Марка Шагала. «Вокруг церкви, заборы, лавки, синагоги, незамысловатые и вечные творения, как на фресках Джотто...», – напишет потом в книге «Моя жизнь» Шагал [3, с. 4]. Город сохранил и сегодня этот провинциальный дух, а экспозиция дома-музея воссоздана по рисункам художника.

«Чтобы вырваться из патриархального местечкового окружения требовались сила воли, целеустремленность, талант. И если такому безумцу попали в руки краски, он, не жалея накладывал их на холст, клеёнку, картонку, утоляя “цветовой голод”, вызванный сдержанностью палитры красок окружающего мира» [4, с. 23]. Молодые художники давали волю воображению, и в результате получались произведения неординарные и необычные, не сразу замеченные публикой. Путь к успеху был долгим. Многие из наших знаменитых земляков исколесили дороги разных стран, но всегда в памяти их были родные места. Хаим Сутин родился в местечке Смиловичи, расположенном в 30 километрах от губернского Минска. Когда его спрашивали о месте рождения, он не называл ни страны, ни губернии, всегда отвечал: «Смиловичи».

Но самой характерной является биография Марка Шагала, ставшего за свою жизнь длиною почти в целое столетие настоящим «гражданином мира». Его творчество близко и понятно людям разных стран на разных континентах. Однако был в жизни великого художника город, память о котором он

пронес через всю жизнь, – Витебск, известный сегодня благодаря Марку Шагалу всему миру. Мы продолжаем свой урок аудированием – его поэтическим обращением «К моему родному городу». Это стихотворение в прозе, опубликованное 15 февраля 1944 года в Нью-Йорке, – объяснение в любви Витебску, своеобразное послание через время и пространство: «Давно уже, мой любимый город, я тебя не видел, не слышал, не разговаривал с твоими облаками, не опирался на твои заборы. Как грустный странник – я только нес все свои годы твое дыхание на моих картинах...» [5, с. 2].

Используем комплексный показ фактов культуры, расширение временных рамок. Мы рассказываем о путях, приведших будущих мастеров из белорусских городков и местечек (школы-студии Пэна в Витебске, частной школы рисования Якова Кругера в Минске, Виленской рисовальной школы, Художественно-промышленной школы им. Марка Антокольского в Вильно) в парижский «Улей» – легендарную коммуну художников-новаторов. Размышляем об их трудной судьбе на чужбине и о той ослепительной славе, которая приходила к ним часто уже на закате жизни. Как творческое задание составляем виртуальный путеводитель по местам Беларуси и Литвы, которые связаны с жизнью художников Парижской школы.

Используем сценический прием – приведение новых сведений по принципу ассоциативных связей. Вот фотография скульптуры «Скрипка Шагала», где скрипка – это мольберт: на полотне уютно разместилась витебская торговая площадь, перетекающая в деку – Эйфелеву башню, а смычок – это кисть.

Наибольший эмоциональный эффект достигается, естественно, при синтезе искусств: когда искусство слова сочетается с живописью и с музыкой. Перед нами фотоальбом с репродукциями картин художников, где присутствуют образы белорусских городов и местечек, старые фотодокументы. Звучит скрипка (один из повторяющихся мотивов творчества Шагала – скрипач на крыше) или музыка Игоря Стравинского (балет «Жар-птица», костюмы и декорации к которому оформляли сначала Лев Бакст для легендарных «Русских сезонов в Париже» в 1910 г., а потом Марк Шагал в 1950 г. по заказу гранд-опера).

В заключение такого урока можно предложить студентам поучаствовать в импровизированном конкурсе-пленэре «Улыбка клоуна». Яркий цирк – одна из любимых тем в творчестве художников: Евгений Зак с его знаменитым Арлекином (Пьеро), Осип Любич с альбомом акварелей на цирковые темы, цикл Шагала о клоунах. Мы просим студентов описать сначала красками, а потом и словами свое настроение. Также можно устроить конкурс художественного слова (звучат стихотворения Р. Рождественского «Марк Шагал»): «Он стар и похож на свое одиночество. Ему рассуждать о погоде не хочется. Он сразу – с вопроса: – А вы не из Витебска?» [6, с. 13].

Изучение духовных феноменов белорусского народа и их включение в образовательный процесс, организованный Летней школой русского языка, способствует формированию межкультурной компетенции, реализует идею толерантности, предполагает умение налаживать взаимоотношения с другими людьми, с другой культурой, ориентироваться на совместную деятельность, строить перспективу взаимоотношений в поликультурном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дэвидсон, Д. Е. Функционирование русского языка: методический аспект / Д. Е. Дэвидсон, О. Д. Митрофанова // Междунар. конгресс МАПРЯЛ, 10–17 авг. 1990 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.russianedu.ru/magazine/archive/viewdoc/1990/6/3998.html>. – С. 11–49. – Дата доступа : 15.02.2017.
2. Кишкевич, Е. В. Формирование межкультурной коммуникации – стратегия работы Летней школы русского языка / Е. В. Кишкевич // Русский язык : исторические судьбы и современность : Междунар. конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. – Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. ф-т, 18–21 марта 2014 г. – М. : Изд-во Моск, ун-та, 2014. – С. 488–489.
3. Роза, Стефано де. Мастера живописи. Шагал / Стефано де Роза. – Firenze: Guinti Gruppo Editoriale, 1997. – 63 с.
4. Счастный, В. Г. Художники Парижской школы из Беларуси / В. Г. Счастный. – Минск : Четыре четверти, 2012. – 175 с.
5. Базан, В. С. Шагал и Витебск / В. С. Базан. – Минск : Беларусь, 2008. – 80 с.
6. Рождественский, Р. Это время / Р. Рождественский // Стихи. – М. : Сов. писатель, 1983. – 125 с.

Е. П. Занкович (Минск, Беларусь)

ВЛАДЕНИЕ КУЛЬТУРНЫМИ КОНЦЕПТАМИ – ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Современные реалии ставят новые цели в изучении иностранного языка как средства межкультурной коммуникации в поликультурном мире. Среди ключевых компетенций, которые должны быть сформированы при этом, важное место занимает коммуникативная компетенция, включающая:

- речевую компетенцию – развитие умений в основных видах речевой деятельности (говорении, аудировании, чтении, письме);
- языковую компетенцию – усвоение знаний о языковых явлениях изучаемого языка; владение достаточным запасом языковых средств, чтобы иметь возможность осуществлять коммуникацию с носителем иностранного языка;
- лингвострановедческую компетенцию – приобщение к культуре, традициям, обычаям и реалиям страны изучаемого языка; большой запас фоновых знаний, который даст возможность осуществить эффективную межкультурную коммуникацию;
- компенсаторную компетенцию – формирование умений выходить из ситуации в условиях дефицита языковых средств;
- учебно-познавательную компетенцию – формирование мотивации на самостоятельное изучение языков и культур.

В связи с этим владение культурными концептами приобретает огромное значение. Язык должен изучаться в тесном единстве с культурой, традициями и обычаями народа, говорящего на нем. Знание иностранного языка приобретает особую ценность тогда, когда переплетено с социокультурными знаниями.

Научить человека не только понимать, но и воспроизводить иностранную речь – очень непростая задача, которая осложнена еще и тем, что обще-

ние происходит между представителями разных культур. Изучение иностранного языка подразумевает усвоение социокультурных знаний и умений. Знать значение слов, грамматику мало, чтобы активно влиться в коммуникативный процесс. Необходимо еще знать, как сказать, кому, где, в какой ситуации и т.д., а это зависит от менталитета, традиции, культуры носителей изучаемого языка. Правильное понимание, воспроизведение в реальной обстановке слов или фраз предполагает зачастую знание их происхождения, ситуации, в которой они могут употребляться, а следовательно, наличие элементарных знаний об истории, литературе, менталитете страны изучаемого языка.

Язык – это живой организм, который возникает, живет и развивается в социуме и определяется социокультурной жизнью говорящих на нем.

Картина окружающего мира не только отражается в языке, она формирует язык, особенности словоупотребления. Изучив новое слово, узнав его значение, нужно быть осторожным в дальнейшем употреблении, потому что за словом стоит понятие, явление, предмет, который относится к другой культуре. Слова в языке имеют определенную лексическую сочетаемость, которая зависит от национальных особенностей и выявляется только при сопоставительном изучении. Поэтому носители языка не видят этих проблем, а те, кто изучают чужой язык, сталкиваются именно с этими «подводными рифами». Таким образом, нужно заучивать лексические единицы не обособленно, а в наиболее устойчивых сочетаниях, присущих данному языку.

Язык – это хранитель культурного наследия (в лексике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в литературе и т.д.), он не существует вне культуры, а является его составной частью.

Современные реалии требуют от языка прежде всего функциональности: его хотят не только знать, но и максимально использовать в общении. Сегодня знать грамматику недостаточно, теоретические знания должны дополняться практическими умениями и навыками, что возможно только при изучении самого мира языка: культуры той страны, в которой говорят на изучаемом языке. «Общеизвестно, что мир языка есть не что иное как своеобразная переработка в общественном сознании мира реалий, поэтому при овладении вторым языком неизбежен процесс постижения объективной действительности, но уже иначе категоризованной, отлитой в иные общественно осознанные национальные формы» [1, с. 41].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Костомаров, В. Г.* Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам / В. Г. Костомаров, О. Д. Митрофанов. – М. : Рус. яз., 1988.– 157 с.

И. С. Каминская (Минск, Беларусь)

ТЕМА «РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ» НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Стратегической целью обучения иностранному языку является формирование вторичной языковой личности – «совокупности способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне, под которым

понимается адекватное взаимодействие с представителями других культур» [1, с. 46]. Исследователи подчеркивают, что понимание новой социальной действительности основывается на овладении «вербально-семантическим кодом изучаемого языка, то есть “языковой картиной мира” носителей языка, и “глобальной” (концептуальной) картиной мира» [1, с. 46]. Таким образом, учащимся, изучающим русский язык как иностранный (РКИ) в условиях белорусской действительности, необходимо постичь мировоззрение белорусского народа, отраженное в языке и культуре. Достижение описанной цели обучения осложняется тем, что большинство иностранных учащихся принадлежат к культурам, неблизкородственным по отношению к белорусской, поскольку являются уроженцами таких стран, как Туркменистан, Турция, Китай и т. п. Следовательно, особый интерес представляет выделение «критических зон» усвоения белорусской и европейской культуры, наиболее сложных для восприятия и принятия иностранцами, и работа с ними на занятиях по РКИ. Одной из таких зон, по нашему мнению, является тема «Роль женщины в современном мире», осложняемая не только культурными, но и гендерными различиями.

С позиций лингводидактики Ю. Н. Караулов выделяет три уровня языковой личности: *вербально-семантический*, *когнитивный* и *мотивационный* [2]. Описанная ученым структура определяет направления работы по обучению иностранному языку в целом и позволяет преподавателю ранжировать подлежащий изучению материал. Проиллюстрируем данное положение на примере изучения темы «Роль женщины в современном мире» (продвинутый этап обучения).

На вербально-семантическом уровне формируется лексикон учащегося. В рамках работы по означенной теме с учащимися-иностранцами обсуждаются следующие вопросы:

1) лексическое значение и употребление паронимов *мужской/ мужественный* и *женский/женственный* (особенно интересно обсудить такие словосочетания, как *мужская работа* и *женская работа*, *мужественная женщина* и *женственный мужчина*);

2) наличие/отсутствие в русском и родном языке учащегося феминитивов. Для актуализации проблемы функционирования феминитивов в русском языке предлагается задание – подобрать «женские» эквиваленты к словам *хирург*, *фотограф*, *автор*. На примере данных слов учащимся демонстрируется, что в русском литературном языке в большинстве случаев отсутствуют специальные слова, называющие женщину по профессии или роду занятий. Такие слова, как *директорша*, *маникюрша*, *повариха*, *врачиха* и пр., относятся к сфере просторечия, а значит, их употребление считается нарушением культуры речи. Студенты сопоставляют ситуацию с русскими феминитивами с родным языком.

Для перехода на когнитивный уровень учащимся задаются следующие вопросы:

– Как вы думаете, почему в русском языке практически нет названий женщин по профессии и роду деятельности? (потому что в прошлом большинство женщин были домохозяйками, не работали, то есть профессиональная деятельность была прерогативой мужчин);

– Как вы думаете, почему в последнее время некоторые люди настаивают на создании и употреблении феминитивов, и мы можем встретить такие слова, как *авторка*, *фотографиня*, *скульпторка* и пр. на страницах журналов и газет? (потому что в настоящее время женщины получили равные права с мужчинами, и некоторые из них хотят такого же равноправия в языке).

Следующий этап работы представляет собой оценку гендерной принадлежности авторов высказываний на основе их содержания. Примеры высказываний:

1. «Как только вы побывали в космосе, вы понимаете, насколько маленькая и хрупкая Земля» (В. Терешкова).

2. «Если бы мужчинам приходилось рожать, ни у кого из них не было бы больше одного ребенка» (Принцесса Диана).

3. «Нельзя пожать друг другу руки со сжатыми кулаками» (И. Ганди).

4. «Я принадлежу к числу людей, которые думают, что наука – это великая красота» (М. Склодовская-Кюри).

5. «Петух, может быть, хорошо кукарекает, но яйца все-таки несет курица» (М. Тэтчер).

6. «Что вы можете сделать для укрепления мира? Идите домой и любите свою семью» (Мать Тереза).

Опыт работы показывает, что, как правило, большинство учащихся воспринимают фразы № 1, 3, 4 как высказывания мужчин и аргументируют свое мнение тем, что в них есть такие слова, как *космос*, *кулаки*, *наука*, традиционно относящиеся к «мужским сферам деятельности». Обсуждение достижений женщин–авторов высказываний (на основе чтения их кратких биографий) приводит учащихся к выводу: женщина может добиться успеха в любой области человеческой деятельности. С этой позиции учащимся предлагается оценить такие широко известные в разных культурах высказывания, как «место женщины на кухне», «Kinder, Küche, Kirche» (нем. «дети, кухня, церковь»), «послушай женщину – и сделай наоборот» и т.п.

В качестве самостоятельной работы студентам предлагается подготовить сообщение о женщине, внесшей вклад в развитие национальной и мировой культуры. Как показывает практика, данное задание мотивирует студентов на открытие новых имен и фактов из истории своего народа, а значит, не только обеспечивает понимание реальной роли женщины в современном мире, но и способствует формированию культурологической и межкультурной компетенций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам : Лингводидактика и методика : учеб. пособие для студентов лингв. ун-тов и ф-тов. иностр. яз. высш. пед. учеб. заведений / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – М. : Издат. центр «Академия», 2004. – 336 с.

2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010. – 264 с.

И. Г. Осмоловская (Минск, Беларусь)

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕМЕЦКИХ ПЕСЕН НА ЗАНЯТИЯХ
ПО НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ ВО ВЗРОСЛОЙ АУДИТОРИИ**
(из опыта работы)

Преподавание иностранного (ИЯ) языка взрослой аудитории имеет свою специфику, обусловленную следующими факторами. 1. Отсутствие свободного времени. Взрослые учащиеся – категория людей старше двадцати пяти лет, как правило, работающие люди, часто семейные, нередко уезжающие в относительно длительные командировки. В силу этого они не всегда могут регулярно посещать занятия и готовить домашние задания, что существенно снижает эффективность усвоения материала. 2. Понижение способности к усвоению материала. Взрослый человек не так быстро усваивает новые слова, с трудом припоминает уже заученные лексические единицы. Для прочного запоминания ему требуется значительно больше времени и большее количество повторений [1, с. 57]. 3. Неуверенность в своих способностях, стеснительность, смущение от того, что в их речи есть ошибки, что не удается достаточно быстро усвоить новые слова. 4. Неудачный опыт изучения иностранного языка ранее в школе, вузе или ином учебном заведении способствует скептической настроенности на успех. 5. Недостаточно развитые коммуникативные способности на родном языке, связанные с психологическими особенностями личности (интроверт), а также его профессиональной деятельностью, так как не все профессии предполагают развитые умения говорения (программист, инженер и т.д.) [1, с. 58]. Задача преподавателя заключается, в первую очередь, в том, чтобы помочь взрослому обучающемуся преодолеть эти трудности и поверить в себя и свои возможности.

В настоящее время существует большое количество технологий и методов обучения иностранному языку, позволяющих более эффективно и быстро освоить материал. Одним из продуктивных способов усвоения иностранных языков, по мнению многих методистов, а также сторонников бессознательного воздействия при обучении (суггестопедии), являются музыка и пение. Прослушивание музыки активизирует такие структуры головного мозга, в которых происходит эмоциональная и мыслительная обработка информации (с воздействием на вегетативную систему), ассоциативный ряд, аналитические механизмы. Выделяются следующие семь основных функций музыки, которые лежат в основе концепции обучения иностранным языкам:

- психологическая (укрепляет память);
- психогигиеническая (развивает интерес к музыке на уровне удовольствий);
- функция настроения, выражения эмоций и чувств;
- социопсихологическая (усиливает сплоченность в группах);
- функции выражения когнитивных процессов;
- функция бессознательного изучения ИЯ;
- функция решения коммуникативных задач [2].

Этот же автор предлагает многочисленные способы применения песен на уроках иностранного языка: 1) пение/прослушивание песен; 2) ритмичные движения под музыку; 3) обсуждение текстов песен, групп, певцов; 4) перевод текстов песен; 5) использование песен как источника для работы с грамматикой и лексикой; 6) передача определенного культурного содержания через песню; 7) эмоциональные выражения [2].

В зависимости от задач песенный материал может служить:

- 1) фонетической зарядкой;
- 2) способом введения и закрепления лексико-грамматического материала;
- 3) стимулом для развития речевых навыков и умений;
- 4) релаксацией в середине урока, необходимой зарядкой, служащей для снятия напряжения, восстанавливающей работоспособность учащихся [3].

Прочному запоминанию песенных текстов способствует комплекс таких особенностей, как рифма, лад, тональность, мелодия. Многочисленные повторы, характерные для песенного жанра, содействуют легкому и произвольному запоминанию лексико-грамматических конструкций, тем самым повышая эффективность тренировки. Методика использования каждой песни предусматривает предварительное введение, активизацию и закрепление лексического и грамматического материала [4].

Использование музыкально-песенного материала уместно на любом этапе занятия и уровне изучения иностранного языка.

Вот примерная последовательность работы над песней на начальных уровнях изучения языка.

- Преподаватель сообщает краткую информацию о песне, ее характере, основном содержании, истории создания и логически связывает работу с ней с предыдущим/предстоящим этапом занятия.
- Учащиеся прослушивают песню.
- После первого предъявления преподаватель с помощью вопросов проверяет степень понимания текста песни.
- Для обеспечения понимания каждого слова и грамматической конструкции лучше использовать дословный перевод на родной язык. К этой работе привлекаются слушатели. Далее преподаватель предлагает имеющиеся литературные варианты перевода песни.
- Чтобы достичь полного понимания содержания, преподаватель выделяет в тексте песни грамматические явления, новые слова и обеспечивает их закрепление.
- Фонетическая отработка текста песни предполагает обращение внимания на темп и правильность произнесения отдельных слов и текста в целом.
- Песня прослушивается повторно с опорой на текст.
- Разучивается мелодия в процессе совместного исполнения песни.
- На последующих уроках песню повторяют один-два раза до полного ее усвоения. В памяти закрепляются необходимые словосочетания и грамматические структуры.

На начальных этапах изучения немецкого языка я активно использую песни для отработки речевых клише. Учебные песни, разработанные немецкими методистами, такие, как песни У. Кинда, исполненные на знакомые (народные) мелодии, помогают без труда усвоить обиходные формы, например, похвалы уровню владения иностранным языком иностранцем [5]:

<p><i>Wo haben Sie deutsch gelernt?</i> <i>Melodie: Santa Lucia (Italienisches Volkslied)</i></p> <p><i>Herr Obermeyer: Wo haben Sie deutsch gelernt?</i> <i>Lucia: In einem Abendkurs. Durch Lieder und Gesang, und in der Schule.</i> <i>Herr Obermeyer: Sie sprechen schon sehr gut.</i> <i>Lucia: Nein, ich sprech' noch nicht gut.</i> <i>Herr Obermeyer: Doch! Sie sprechen wirklich sehr, sehr gut.</i></p> <p><i>Lucia: Danke, das freut mich.</i></p>	<p>‘Где Вы изучали немецкий язык? Мелодия: Санта Лючия (Итальянская народная песня)</p> <p>Г-н Обермейер: Где Вы изучали немецкий язык? Лючия: На вечерних курсах. Через песни и пение и в школе. Г-н Обермейер: Вы уже очень хорошо говорите. Лючия: Нет, я еще не хорошо говорю. Г-н Обермейер: Напротив! Вы, действительно, очень-очень хорошо говорите. Лючия: Спасибо, это меня радует’¹.</p>
---	---

Материал песни, положенный на всемирно известную мелодию итальянской песни «Санта Лючия», помогает легко запомнить, как спросить о том, где собеседник изучал язык (*Wo haben Sie deutsch gelernt?*), а также дать ответ (*Durch Lieder und Gesang, und in der Schule*), ответить на комплимент (*Danke, das freut mich*).

На продвинутых этапах изучения иностранного языка оригинальные песни, предназначенные для носителей языка, выступают источником богатого страноведческого и языкового материала.

Примером может послужить гимн Федеративной Республики Германия «Песнь немцев», написанный А. Г. Гофманом фон Фаллерслебенем в 1841 г. и положенный на музыку австрийского композитора Й. Гайдна [6]:

<p><i>Deutschland, Deutschland über alles, Über alles in der Welt, Wenn es stets zu Schutz und Trutze Brüderlich zusammenhält, Von der Maas bis an die Memel, Von der Etsch bis an den Belt - Deutschland, Deutschland über alles, Über alles in der Welt.</i></p>	<p>‘Германия, Германия, превыше всего, превыше всего в мире, если для обороны и наступления всегда по-братски держаться вместе! От Мааса до Немана, от Адидже до Бельта – Германия, Германия, превыше всего, превыше всего в мире!</p>
---	---

¹ Здесь и далее подстрочный перевод наш. – И. О.

<p><i>Deutsche Frauen, deutsche Treue, Deutscher Wein und deutscher Sang Sollen in der Welt behalten Ihren alten schönen Klang, Uns zu edler Tat begeistern Unser ganzes Leben lang. Deutsche Frauen, deutsche Treue, Deutscher Wein und deutscher Sang.</i></p>	<p>Немецкие женщины, немецкая верность, немецкое вино и немецкие песни должны сохранять в мире свое старое доброе имя, всю жизнь вдохновлять нас на благородные дела. Немецкие женщины, немецкая верность, немецкое вино и немецкие песни!</p>
<p><i>Einigkeit und Recht und Freiheit Für das deutsche Vaterland! Danach laßt uns alle streben Brüderlich mit Herz und Hand! Einigkeit und Recht und Freiheit Sind des Glückes Unterpfand. Blüh' im Glanze dieses Glückes, Blühe, deutsches Vaterland.</i></p>	<p>Единство и право и свобода для немецкой отчизны! Давайте все стремиться к этому по-братски сердцем и рукой! Единство и право и свобода – залог счастья. Процветай в блеске этого счастья, процветай, немецкая отчизна!</p>

Данное произведение представляет собой интерес не только в лингвистическом аспекте. Так, с точки зрения фразеологии оно содержит наглядные примеры использования устойчивых парных словосочетаний *zu Schutz und Trutze* ‘для обороны и наступления’, *mit Herz und Hand* ‘сердцем и рукой’, с точки зрения грамматики демонстрирует историческое развитие немецкого языка, в частности, устаревшую сегодня предпозицию дополнения в родительном падеже *des Glückes Unterpfand* ‘счастья залог’ и др. Основная же значимость текста заключена в его лингвострановедческом потенциале. Ознакомление слушателей с историей создания стихотворения, признанием его гимном и его дальнейшей судьбой дает возможность сделать краткий экскурс в историю Германии XIX–XX вв. Когда А. Г. Гофман фон Фаллерслебен, доктор университета г. Лейден, писал свою «Песнь немцев», он не создавал гимн Германской империи. В стихотворении он описывал политические и языковые отношения в стране к середине XIX ст., когда большинство немецких государств объединились (после 1815 г.) в непрочный Германский союз. Немецкий язык был распространен «от Мааса до Немана, от Адидже до Бельта». Автор стал известен во всей Германии только через 50 лет после своей смерти, когда в 1921 г. президент Веймарской республики постановил, что именно это творение А. Г. Гофмана фон Фаллерслебена станет национальным гимном.

А. Гитлер также воспользовался этим произведением для оправдания своей экспансионистской политики, призывая расширить владения Третьего рейха «от Мааса до Немана, от Адидже до Бельта». В 1945 г. после капитуляции и раздела Германии гимн был запрещен военным правительством как чрезмерно агрессивный, воинственный и националистический. 7 лет у молодой Федеративной Республики Германии не было государственного гимна. Несмотря на предложенные многочисленные варианты нового гимна, ни один

из них не мог сравниться с творением А. Г. Гофмана фон Фаллерслебена. И в 1952 г. было разрешено снова использовать «Песнь немцев» в качестве национального гимна нового государства, но исполняется, правда, лишь третья строфа, которая представляется наиболее миролюбивой и не проникнутой воинствующим духом.

Музыка и песни при обучении иностранному языку любой, но особенно взрослой аудитории открывают прекрасную возможность для раскрепощения, укрепления памяти, усиления сплоченности в группах, бессознательного изучения ИЯ. Если на начальных уровнях песни способствуют скорейшему бессознательному усвоению обучающимися основных фраз-клише и речевых образцов, то на продвинутых они выступают богатейшим источником фоновых знаний, относящихся к географии, истории, общественной жизни, искусству и культуре, обычаям и традициям страны изучаемого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковалёва, Т. Г. Нетрадиционные средства обучения взрослых иностранному языку / Т. Г. Ковалёва // Обучение взрослых иностранным языкам (из опыта работы): сб. ст. / редкол. : Т. Г. Дементьева [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2005. – С. 56–62.
2. Перфильева, Е. П. Музыка на уроках иностранного языка / Е. П. Перфильева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/313897/>. – Дата доступа : 16.04.2017.
3. Пуговкина Н. А. Песня на уроках немецкого / Н. А. Пуговкина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/nemetskiy-yazyk/library/2015/01/08/pesnya-na-urokakh-nemetskogo-yazyka>. – Дата доступа : 16.04.2017.
4. Грачёва Л. Ю. Работа с песней на уроках немецкого языка / Л. Ю. Грачёва [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/nemetskiy-yazyk/library/2013/10/24/rabota-s-pesney-na-urokakh-nemetskogo>. – Дата доступа : 16.04.2017.
5. Kind, U. Wo haben Sie deutsch gelernt?/ U. Kind [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zuevalarisa.ru/infusions/video/video.php?id=97> Kind U. – Дата доступа : 16.04.2017.
6. Песнь немцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Песнь_немцев. – Дата доступа : 16.04.2017.

М. Ю. Родина (Минск, Беларусь)

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ КОММУНИКАТИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ ПРИ ЧТЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ РАССКАЗОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Обучение иностранных студентов русскому языку и культуре ставит своей целью формирование вторичной языковой личности, способной участвовать в диалоге культур. Одной из наиболее сложных задач в этом аспекте является обучение иностранцев коммуникативному поведению носителей иноязычной культуры, понимаемому как совокупность норм и традиций

общения того или иного народа. [1, с. 280], неотъемлемый элемент культуры народа. Внутри отдельной культуры оно регулируется языковыми и социальными нормами. В зависимости от их соблюдения либо несоблюдения можно говорить о нормативном или ненормативном коммуникативном поведении.

Коммуникативное поведение включает в себя *вербальное* (речевое поведение, речевой этикет) и *невербальное* поведение. Описывают несколько моделей коммуникативного поведения: ситуативную, включающую очерк основных черт национального менталитета; аспектную, определяющую коммуникативное поведение возрастной группы; параметрическую, определяющую коммуникативное поведение народа, лингвокультурной общности [2, с. 140].

Вербальное коммуникативное поведение – более широкое понятие, чем речевой этикет. Последний связан, в основном, со стандартными речевыми формулами в стандартных коммуникативных ситуациях, отражающими категорию вежливости, а коммуникативное поведение подразумевает тематику общения, восприятие тех или иных коммуникативных действий носителями языка, особенности общения в больших коммуникативных сферах типа семья, коллектив, иностранцы, знакомые, незнакомые и многих других. Коммуникативное поведение предполагает не только вежливое, эталонное общение, но и реальную коммуникативную практику.

Художественный текст является репрезентантом культуры и богатейшим источником социокультурной информации и рассматривается как средство культуроведческого обогащения мировосприятия иностранного студента [3, с. 19], поскольку знакомит читателя с системой материальных и духовных ценностей, взглядов и понятий той или иной нации, а также демонстрирует особенности коммуникативного поведения народа, подготавливая тем самым иностранного читателя к межкультурному общению.

Правомерно говорить о социокультурной ценности современных художественных текстов, так как они полностью отражают актуальную социокультурную ситуацию, являясь «моделью некоторого культурологического фрагмента, в котором зафиксированы национальные специфические особенности вербального и невербального поведения того или иного этноса» [4, с. 5], а также «источником информации о национально-культурной специфике народа, его культурных традициях, повседневном поведении» [5, л. 74].

Современный русскоязычный рассказ в большей степени антропоцентричен, в нем отражен внутренний мир человека, поэтому он насыщен фактами интеракциональной культуры, которая представлена в тексте зачастую более ярко, нежели материальная и духовная. Это позволяет использовать современные рассказы для обучения иностранных студентов коммуникативному поведению.

В современных рассказах российских писателей (В. Пьецуха, Д. Рубиной, Д. Быкова, З. Прилепина, В. Токаревой, Г. Щербаковой и др.) представлено речевое поведение носителей русского языка, как ситуационное (знакомство, общение дома, на работе, в магазине, в поезде и т.д.), так и ролевое (родственники, возлюбленные, коллеги, начальник–подчиненный и т.д.).

В связи с тем, что в передаче той или иной информации непосредственно участвуют, помимо словесного кода, и пара- и экстралингвистические каналы сообщения, речевое поведение человека должно исследоваться во взаимодействии с неречевыми, или невербальными, средствами.

Важнейшей составляющей коммуникативного поведения является невербальная коммуникация. Установлено, что в процессе взаимодействия людей от 60 до 80 % коммуникации осуществляется за счет невербальных средств общения и только 20–40 % информации передается с помощью вербальных средств [6, с. 204]. Невербальное поведение вербализировано в художественных текстах. Правильное понимание невербального поведения персонажей необходимо для понимания смысла текста, так как в его описании нередко содержится подтекст.

Нарушение общепринятых норм невербального поведения персонажами несет дополнительную смысловую нагрузку – сигнализирует об имплицитном смысле, содержащемся в данной ситуации. Вербальному и невербальному поведению свойствен социальный символизм — совокупность смыслов (символических значений), приписываемых действиям, поступкам, явлениям и предметам окружающей действительности тем или иным социумом.

Изучение невербального поведения на основе художественных произведений особенно эффективно, поскольку «импликация кинесического и паралингвистического характера, заложенные в письменной фиксации невербального поведения, не остаются без внимания адресата» [7, с. 11]. Если в условиях живого общения значение некоторых невербальных знаков не актуализируется, поскольку ряд поведенческих деталей может остаться незамеченным адресатом, то в художественных текстах дело обстоит иначе: благодаря наличию в произведении рассказчика, читатель получает дополнительную информацию, которая позволяет более точно определить причину того или иного невербального поведения персонажа.

Жесты, или кинемы, также несут значительную смысловую нагрузку. Они могут выражать доброжелательное или недоброжелательное отношение, тайные связи и сложные взаимоотношения героев, угрозу или расположение.

Жест характеризует самого героя: *Девушка протянула Илье вялую, безжизненную ладонь* (Г. Щербакова). Задержка этикетного жеста свидетельствует о напряжении, возникшем между героями: *Соизволил наконец протянуть ладонь и представился* (Д. Быков) (герой раздумывал, протягивать руку или нет, выражая тем самым недоверие попутчику).

Жест может заменить слова в разговоре, выражая к тому же отношение говорящего: *Я и не спрашивал его об этом, и разговоров таких не люблю, потому лишь еле кивнул головой, так, чтоб кивок мой понять можно было как угодно: если хочешь – говори дальше, я послушаю, но сам смолчу; или – ну да, не страшно, но зря ты об этом заговорил; или еще как-нибудь* (З. Прилепин).

Важно знакомить иностранных студентов не только с жестами, но и с другими особенностями невербального поведения. Например, в русской культуре принято смотреть в глаза собеседнику при контакте. Если комму-

никант отводит взгляд в сторону, у противоположной стороны возникают смнения в его искренности и расположенности к беседе: *Говорил ласково, а сам смотрел куда-то в сторону* (Д. Быков).

Слишком явное рассматривание или прямой взгляд в отношении мало-знакомому человеку тоже кажется нарушением правил общения: *Она глядела на него прямо, почти не моргая. Гости начали волноваться* (З. Прилепин). Иногда прямой взгляд в глаза также неуместен (при отсутствии контакта между незнакомыми людьми) и означает бесцеремонность, невоспитанность: *Прямо глядя в глаза, стали обсуждать его внешность* (Г. Щербакова).

Немаловажное значение в коммуникативном поведении занимает улыбка. В большинстве европейских стран и в США при приветствии она необходима. В русском общении улыбка не обязательна, она выполняет иные функции, чем в Европе или даже Америке. Приветствие должно сопровождаться вежливой интонацией и дружеским выражением лица.

При обучении коммуникативному поведению на основе художественных текстов целесообразно широко использовать полимодальные источники информации: художественные фильмы, иллюстрации, видеоролики и т.п. Зрительный ряд, сопровождаемый социокультурным комментарием, способен обеспечить адекватное восприятие и понимание иностранными студентами социокультурных аспектов художественного текста, а также обучение основам коммуникативного поведения с учетом вербальной, невербальной и паравербальной составляющих.

Изучение невербального поведения позволит избежать его неадекватной интерпретации иностранными студентами, нередко приписывающими невербальным сигналам те значения, которые они имеют в их родной культуре.

Обучение иностранных студентов-филологов коммуникативному поведению на основе современных рассказов русских писателей значительно облегчает усвоение его норм и правил, поскольку демонстрирует ситуации использования тех или иных средств коммуникации, осуществляется посредством знакомства с образом жизни и системой ценностей носителей русской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стернин И. А. О понятии коммуникативного поведения* / И. А. Стернин // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. – Halle, 1989. – С. 279–282.
2. *Прохоров, Ю. Е. Русские: Коммуникативное поведение* / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – М. : Флинта-Наука, 2006. – 238 с.
3. *Сафонова, В. В. Методика обучения иностранным языкам. Языковая педагогика в схемах и таблицах. Тема: Социокультурные аспекты современного языкового образования* / В. В. Сафонова // *Методические тетради*. – 3-е изд. – М. : Еврошкола, 2008. – 80 с.
4. *Марковина, И. А. Культура и текст. Введение в лакунологию : учеб. пособие* / И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2010. – 144 с.
5. *Фурманова, В. П. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков: дис. ... д-ра пед. наук:13.00.02* / В. П. Фурманова. – М., 1994. – 475 л.

6. Акишина, А. А. Словарь русских жестов и мимики / А. А. Акишина, Кано Хироко. – М. : Рус. яз., 2010 – 208 с.

7. Голованова, И. А. Репрезентация невербального поведения в русских и немецких художественных текстах: сопоставительный аспект. : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / И. А. Голованова. – Новосибирск, 2009. – 22 с.

А. М. Куклицкая (Минск, Беларусь)

ОРГАНИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РЕСУРСОВ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА

При организации самостоятельной работы необходимо учитывать, что формирование, развитие и совершенствование умений учиться самостоятельно напрямую зависит от организации этого процесса.

Система лекционно-семинарских занятий устаревает и требует модернизации. Использование такой формы обучения, как правило, ориентирует студентов на запоминание материала и недостаточно мотивирует их познавательную деятельность. В результате студент играет роль объекта обучения. В последнее время ученые и практики сходятся во мнении, что внедрение информационно-коммуникационных технологий в учебный процесс, в том числе в процесс изучения иностранных языков, значительно повышает его эффективность.

Таким образом, в контексте проблем изучения иностранцами русского языка как иностранного (как теоретического, так и практического) и организации их самостоятельной работы остановимся на лингвистических интернет-ресурсах:

- порталы, содержащие справочные материалы по русскому языку – словари, справочники (грамота.ру, фразеологизм.ру, словари.ру и пр.), а также Национальный корпус русского языка (НКРЯ);
- интернет-сервисы для изучения иностранного языка (квизлет, мем-райз, вок.гуру и др.).

Особого внимания, с нашей точки зрения, заслуживает Национальный корпус русского языка (портал, содержащий справочные материалы по русскому языку) – информационно-справочная система, основанная на собрании текстов на русском языке в электронной форме. Отличительными особенностями Национального корпуса является то, что он содержит в себе, во-первых, по возможности все типы письменных и устных текстов, представленные в русском языке (художественные, научные, публицистические, разговорные, деловые, и т.д.); во-вторых, дополнительную, но важную информацию о свойствах входящих в него текстов (так называемую разметку, или аннотацию).

Главной задачей НКРЯ является предоставление возможности учащимся самостоятельно заниматься научно-исследовательской деятельностью (обеспечение научных исследований как лексики и грамматики языка, так и

других процессов языковых изменений, происходящих в языке в определенный отрезок времени), а также предоставление учащимся всевозможных справок, относящихся к указанным областям (лексика, грамматика, акцентология, история языка и др.).

НКРЯ позволяет развивать такие умения и навыки, как

- работа с лингвистической терминологией;
- работа с лексикой:
 - установление лексических единиц по контексту;
 - разграничение паронимов, синонимов, омонимов;
 - проверка лексической сочетаемости;
 - работа с устойчивыми словосочетаниями;
- работа с грамматикой:
 - установление формы управления;
 - установление формы числа и рода (согласование);
 - изучение структуры сложносочиненных и сложноподчиненных предложений;
- стилистические ограничения употребления лексических и грамматических средств.

Однако для того, чтобы работать с НКРЯ, студенту-иностранцу необходимо обладать следующими метаумениями:

- владеть русской клавиатурой;
- быть уверенным пользователем ПК;
- иметь уровень русского языка от B1;
- знать лингвистическую терминологию.

Также следует обладать частным умением пользоваться поисковой системой НКРЯ.

Национальный корпус русского языка может быть использован для индуктивного способа введения грамматического материала (приложение № 1). В данном упражнении необходимо определить релевантность употребления предлогов *в/на* после глагола *играть*. Для этого следует в поле поиска точных форм ввести *играть на саксофоне* а затем *играть в саксофоне*. Далее нужно сравнить результаты поиска, сделать выводы. Таким же образом целесообразно обработать еще несколько предложений в упражнении. Данный способ обработки информации позволяет сделать следующий вывод: в русском языке после глагола *играть* употребляется предлог *на*, если речь идет об инструментах (*играть на пианино*), и предлог *в*, если речь идет об играх. Следовательно, можно сделать вывод, что НКРЯ является эффективным средством для работы с грамматическим материалом.

Национальный корпус русского языка может быть использован для разграничения паронимов русского языка (приложение № 2). В данном упражнении необходимо определить значения паронимов по контекстам, которые выдает НКРЯ. В лексико-грамматическое поле поиска нужно ввести интересующий нас пароним, затем нажать «поиск» и ознакомиться с результатами. Такой алгоритм действий следует проделать с каждым паронимом отдельно, чтобы наиболее точно определить разницу в их значениях. В результате у студентов, если они проделывают такого рода задания при

помощи НКРЯ, как правило, не возникают проблемы с разграничением паронимов, и, следовательно, им достаточно легко выполнить вторую часть данного упражнения, т.е. объяснить разницу в словах, обосновать свою позицию и привести примеры.

Таким образом, НКРЯ является действительно эффективным порталом, который позволяет не только получить необходимую информацию о лексических и грамматических признаках интересующих слов и словосочетаний, но и осуществлять научно-поисковую деятельность, тем самым развивая умения самостоятельной работы у студентов. В особенности НКРЯ упрощает студентам работу с каким-либо произведением русской литературы, так как позволяет достаточно подробно проработать интересующую в нем лексику, а также он удобен при написании курсовых и дипломных работ, которые непосредственно являются одним из видов внеаудиторной самостоятельной работы.

Приложение № 1

Используя ресурсы Национального корпуса русского языка, выберите нужные предлоги *в* или *на* для следующих предложений. Сделайте вывод об их употреблении.

1. Кто играет ... саксофоне?
2. Мы играем ... гольф.
3. Никита играет ... пианино.
4. Девочка не играет ... футбол.
5. Он играет ... гитаре или ... флейте?
6. Мальчики играют ... шахматы.
7. Студенты играют ... карты.

Приложение № 2

Используя ресурсы Национального корпуса русского языка, определите значения следующих слов, выберите правильный вариант:

Потребление	Потребность
а) использование, расходование чего-либо для своих нужд; б) изменение настроения; в) трата денег	а) чувство голода; б) необходимость нужность чего-либо для жизни; в) способность читать чужие мысли
Значение	Значимость
а) смысл того, что данный предмет значит; б) обладание значением; в) описание предмета	а) уверенность в себе; б) обладание значением; в) смысл того, что данный предмет значит
Предлагать	Предполагать
а) давать в пользование кому-либо; б) делать догадку, думать, что будет именно так; в) давать кому-либо для выбора, для обсуждения, для выполнения работы	а) делать догадку, думать, что будет именно так; б) решаться на что-либо; в) давать кому-либо для выбора, для обсуждения, для выполнения работы

Гуманитарный	Гуманный
а) склоняющийся то к одной, то к другой позиции; б) связанный с науками о человеке и культуре; в) человечный, добрый, внимательный к другим людям	а) связанный с науками о человеке и культуре; б) человечный, добрый, внимательный к другим людям; в) общий для всех

Вы видите разницу в словах? Объясните свою позицию. Приведите примеры.

А. В. Верниковская, Е. С. Грабчикова (Минск, Беларусь)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Коммуникативно-речевая компетенция рассматривается как интегральное образование, предполагающее владение системой изучаемого языка на всех уровнях, умение пользоваться речью, т.е. порождать и воспринимать высказывания в различных формах и ситуациях общения. Успешность в формировании коммуникативно-речевой компетенции иностранных студентов, изучающих русский язык, во многом зависит от состояния их русского словарного запаса. Одним из эффективных приемов работы по расширению лексического запаса учащихся является словообразовательный анализ. Раскрытие словообразовательных связей между словами помогает не только семантизировать лексику, но и систематизировать, группировать ее по словообразовательным гнездам и словообразовательным моделям, оптимизируя процесс запоминания слов, содействуя обогащению словарного запаса.

Однако далеко не всегда синхронный подход дает возможность раскрыть мотивационную основу слова. В ряде случаев возникает необходимость привлечения этимологического анализа, раскрывающего механизм образования слова в диахронном, историческом аспекте. В лингвистике четко обозначены и разграничены цели и методика проведения словообразовательного и этимологического анализа структуры слова. Этимологический анализ, позволяя установить, когда, в каком языке, на базе какого языкового материала, в какой форме и с каким значением возникло слово, а также какие исторические изменения его первичной формы и значения обусловили настоящую форму и значение, помогает выявить первоначальную внутреннюю форму, которая может быть скрыта в современном языке.

На практике не всегда можно провести границу между синхронным и диахронным подходами. Это подтверждается и данными словообразовательного словаря А. Н. Тихонова. Так, проведенный нами анализ словарных статей показал, что, например, в указанном словаре слово *народ* не входит

в словообразовательное гнездо, включающее слова *род, родиться, родитель, урожай* и т.д., что не представляется логичным. В данном словаре и другие родственные по происхождению слова представляют разные словообразовательные гнезда: *лекарство – лечить, мыло – мыть, оправдать – правда, жена – женщина, муж – мужчина, иметь – имущество, верить – доверчивый, снег – снегирь, стрела – стрелять* и др. Между тем смысловая связь между приведенными парами слов представляется очевидной.

При обучении русскому языку как иностранному (РКИ) не столь важно учитывать границу между синхронией и диахронией, поскольку она весьма условна и не всегда понятно, по какому принципу составитель словаря однокоренные слова включает либо не включает в одно словообразовательное гнездо. В данном вопросе определяющим является методическая целесообразность этимологических экскурсов. Слова, пережившие полное опрощение, с большим трудом осознаются как генетически родственные (*врать – врач, ведьма – ведать*). В результате неполного опрощения семантические связи между словами ощущаются носителями языка: *дача – дать, воспитать – питать, защита – щит, сад – садить, дуб – дубина*. Именно слова такого типа могут быть предложены студентам в качестве материала для проведения частичного этимологического анализа, поскольку их нетрудно мотивировать из-за наличия смысловой связи между генетически родственными словами.

Раскроем роль этимологического анализа в системе РКИ, что позволит доказать целесообразность его применения в практике обучения языку и речи. Использование элементов этимологического анализа при обучении русскому языку иностранцев служит для

- семантизации лексики;
- расширения представлений культурологического характера;
- развития языкового чутья;
- формирования интереса к изучению языка;
- овладения правописанием слов.

В системе РКИ актуальными представляются все названные задачи. Однако что касается орфографического аспекта, то приходится констатировать, что обучению иностранных студентов русскому правописанию не уделяется должного внимания. Тем не менее соотнесение этимологически родственных слов будет «работать» на произвольное запоминание их орфографического облика, тем самым содействуя грамотному письму по-русски.

Нами была предпринята попытка проверить наличие и степень развитости у иностранных студентов 2 курса этимологической рефлексии на некоторые из русских слов. Учащимся предлагалось растолковать значение слов, определить, от каких слов они образовались. В большинстве случаев студенты не справились с заданием в полном объеме. Даже если значение слова было в целом понято, они не смогли установить его мотивирующую базу (*кусок – кусать, горчица – горький, сосулька – сосать, петух – петь*,

медведь – мёд, ведать, волноваться – волна, простудиться – стужа – остыть, воспитать – питать, ловкий – ловить, великодушный – великий, душа, благополучный – получить, благо). Значение некоторых из слов студенты затруднялись объяснить даже приблизительно: *заурядный, заносчивый, внедрить, внушить* и др. Они не различали значение прилагательных *благородный* и *благодарный*. Встретились весьма своеобразные, иногда курьезные толкования лексики (что, вероятно, можно объяснить формальным совпадением корней-омонимов либо сочетаний букв): *Выручать – это спасать руками, Заносчивый – задирает нос; Выносливый – тот, кто сует нос в чужие дела; Равнодушный – человек, который ровно, одинаково душевно относится к другим; Застенчивый – трусливый, прячется за стеной*. Так, в прилагательных *заносчивый, выносливый* учащиеся «увидели» корень *нос-* со значением ‘часть лица’.

Имела место и так называемая ложная этимологизация, когда студентами слова ошибочно соотносились благодаря их случайному внешнему, даже незначительному, сходству: *любопытный – 1) имеет опыт, 2) любит пить, алкоголик; вспылчивый – поднимает пыль, пыльный; раздражать – дрожать (от злости)*.

Отбор слов для этимологического анализа при обучении русскому языку иностранцев обусловлен прежде всего частотностью, актуальностью лексики, а также возможностями обучаемых. Разумеется, исторические экскурсы рекомендуются в группах с наиболее высоким уровнем языковой подготовки. При этом этимологический анализ проводится не в полном объеме, без сообщения подробных сведений о происхождении слова.

Лексика, относящая к ЛСГ «Речевой этикет», является интересным объектом словообразовательного и этимологического анализа: *спасибо, благодарю, здравствуй, поздравляю, извини, прости, прощай* и др. При этом можно привлекать параллели из родного языка иностранных студентов, выявляя сходство и различия в мотивировке этикетных формул в разных языках.

Считаем, что этимологическую справку далеко не всегда следует предлагать в готовом виде как адаптированную словарную статью. Желательно составлять задания проблемного характера (в том числе для парной или групповой работы), которые вызывают у студентов живой интерес, заставляют их рассуждать, обмениваться мнениями, доказывать свою точку зрения, стимулируют построение связных высказываний.

Приведем пример подобных заданий.

Угадайте, почему следующие слова раньше считались родственными (однокоренными): *окно – очки, перстень – перчатки, село – население, следить – след, жар – пожар, ливень – лить, воевать – война, гроза – угрожать, оправдать – правда, красный – украшение, сливки – слить, иметь – имущество, метель – метла, укротитель – кроткий, небрежный – бережный – беречь, крыша – накрыть – крыло, зритель – зрение – зрачок – прозрачный, попытка – испытать – пытливый – опытный – любопытный*.

При раскрытии мотивации некоторых из слов необходимо привлекать архаизмы: *окно, очки – око (очи); перстень, перчатки, наперсток – перст; устный, наизусть – уста*. Многие иностранные студенты, изучающие русский язык в Республике Беларусь, проявляют интерес к белорусскому языку. Рекомендуем познакомить иностранцев с белорусскими лексическими эквивалентами, рассказав о том, что некоторые слова вышли из употребления в русском языке (однако их корни вошли в состав производных слов), но сохранились в близкородственном белорусском языке: *вочы, вялікі, вусны, зрок, пытаць, пытанне, вага*.

Иностранцам студентам может быть предложено следующее задание с привлечением белорусской лексики.

Раскройте «историю» имен прилагательных, пользуясь толкованием белорусских слов: *заочное (обучение), зрительный (зал), устное (задание), пытливые (студенты), опытный (преподаватель), важная (встреча), великий (ученый), великодушный (поступок)*.

Для справок: белорус. *вочы* – рус. *глаза*; белорус. *зрок* – рус. *зрение*; белорус. *вусны* – рус. *губы*; белорус. *пытаць* – рус. *спрашивать*; белорус. *пытанне* – рус. *вопрос*; белорус. *вага* – рус. *вес*; белорус. *вялікі* – рус. *большой*.

Некоторые слова иностранного происхождения также могут стать объектом этимологического анализа: *терраса, территория, гастроли, аквариум, пунктуальный, журналист, портмоне, апельсин, футбол, парикмахер, бухгалтер, бюстгальтер* и др.

Этимологические справки можно презентовать в виде не только устного сообщения, но и напечатанных текстов, используемых в учебном процессе для работы над разными аспектами языка и над развитием речи. Такие тексты полезно пересказывать, на их материале проводить работу над лексикой, фонетикой, частями речи, словообразованием, синтаксическими конструкциями. Так, чтобы раскрыть этимологическую связь между словами *прекрасный, красивый, красный*, целесообразно составить текст об их происхождении, который можно использовать также для анализа различных единиц языка. Узнав, что красный цвет на Руси символизировал красоту (отсюда выражения *красна девица, весна-красна, красная строка*, паремии *На миру и смерть красна, Весна красна цветами, а осень плодами* и т.д.), студенты охотно рассказывают о символическом значении цвета в культуре своих стран.

Выявление образа или представления предмета или явления, которые были положены в основу номинации, пробуждает интерес к изучению языка, способствует формированию чувства языка, или языкового чутья. В этом заключается важная роль этимологического и словообразовательного анализа при обучении русскому языку и как родному, и как иностранному.

Этимологический подход используется также при работе по фразеологии, помогая не только понять смысл фразеологических единиц (ФЕ), но и выявить особенности национального сознания, узнать о культурных традициях, истории русского народа и восточных славян. Культурные смыслы

заклучены во внутренней форме фразеологизмов, раскрывая которые, иностранцы учатся мыслить образами носителей изучаемого языка. Разумеется, ФЕ желателъно предлагать в контексте, который облегчает понимание обобщенного метафорического значения устойчивых выражений.

Этимологический анализ фразеологизмов предусматривает два направления работы: выяснение истоков возникновения самой ФЕ, а также толкование устаревшей лексики, являющейся компонентом ФЕ. Остановимся более подробно на втором из указанных направлений.

В состав некоторых ФЕ входит устаревшая лексика – историзмы и архаизмы, затрудняющие понимание фразеологизма. К таким словам относятся, например, названия мер длины, веса: коломенская *верста*, за семь *верст* киселя хлебать, семь *пядей* во лбу, мерить на один *аршин*, пуд соли съел, от горшка два *вершка*.

Не вдаваясь в подробности относительно значения каждого из этих слов, достаточно ограничиться объяснением их общего значения, функции – служить наименованием эталона либо предмета для измерения веса, величины. Без анализа историзмов подобного типа иностранные студенты не в состоянии понять значение приведенных нами ФЕ.

Если ранее студенты познакомились с происхождением существительных *перчатки*, *перстень*; *очки*, *окно*, *заочный*, они без особого труда смогут раскрыть значение выражения *один как перст*, *беречь как зеницу ока*, *в мгновение ока*.

Восприятие и понимание фразеологизмов может быть затруднено и из-за наличия в них слов, которые в современном русском языке имеют иное значение нежели в составе ФЕ: *в три погибели (гнутья)*, *не жалея живота*, *на худой конец*, *нет худа без добра*, *худой мир лучше доброй ссоры*. В подобных случаях необходимо сравнение значений слов-омонимов, составление словообразовательных гнезд: *погибнуть*, *гибель* – *гнутья*, *нагибаться*, *сгибаться*; *живот*, *животик* – *жить*, *живой*; *худой*, *худенький*, *похудеть* – *плохой* (формы *хуже*, *худший*). В словах *гибель* – *сгибаться* имеется лишь формальное совпадение корней. Между словами *живот* (в современном его значении) и *жить*, *жизнь* ощущается смысловая связь. Необходимо объяснить, что в древнерусском языке слово *худь* имело значения ‘плохой; невзрачный; непрочный; слабый; малый; скудный’. Сейчас в этом значении используются однокоренные формы сравнительной и превосходной степени прилагательного *плохой* (*хуже*, *худший*).

В выражениях *это еще вилами на воде писано (написано)*, *огород городить*, *душа нараспашку*, *нелегкая дернула слова вилы*, *огород*, *душа*, *нелегкая* имеют иное значение, нежели в современном русском языке.

– *вилами на воде писано* (неизвестно, будет так или нет, осуществится ли, удастся ли) слово *вилы* имеет значение ‘круг’;

– *огород городить* (затевать какое-либо дело): *огород* – ‘ограда’, *городить* – ‘строить’;

– *душа нараспашку* (чистосердечный, прямодушный, откровенный человек): *душа* – ‘ямочка на шее под кадыком’;

– *нелегкая дернула* (неизвестно зачем, по какой надобности нужно было мне (тебе и т.п.) сделать что-либо): *нелегкая* – ‘дьявол’, ‘черт’;

Известно, что одним из важных источников ФЕ является профессиональная речь. Профессиональные термины, употребляясь в идиомах как метафоры, переосмыслились и вышли за пределы специального употребления: *бить баклуши, тянуть канитель, балясы (лясы) точить* и др. Для ознакомления с такими ФЕ целесообразно предлагать студентам тексты, содержащие информацию об их значении и происхождении.

Для понимания иностранцами выражений *одним миром мазаны, говорить елеиным голосом, бояться как черт ладана* следует познакомить их с особенностями православных церковных обрядов.

Использование фразеологизмов – совершенно обычное явление для носителя языка, который, употребляя их в своей речи, не задумывается, понятен ли собеседнику переносный смысл устойчивого выражения. Считается, что идиоматический багаж культурного человека велик: он насчитывает до 5000 выражений. Незнание наиболее распространенных ФЕ не позволяет иностранцу полноценно общаться на изучаемом языке из-за вероятности «коммуникативного обрыва». Этимологический подход в обучении лексике русского языка не только обогащает словарный запас иностранных студентов, но и дает богатейший материал для овладения лингвокультурологическими особенностями языкового сообщества. Углубленная работа студентов-иностранцев над фразеологизмами позволяет приблизить решение главной задачи обучения – формирование полноценной речевой деятельности на русском языке.

С. В. Ковалёнок (Минск, Беларусь)

ОБУЧЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ПРАВИЛЬНОСТИ РУССКОЙ РЕЧИ ИНОСТРАНЦЕВ

В ряде работ российских и белорусских лингвистов описываются вопросы синтаксических норм, лингвопсихологические закономерности и трудности усвоения синтаксической системы русского языка, организации учебного процесса при изучении синтаксиса простого и сложного предложений [1]. Рассмотрим основные синтаксические ошибки, которые допускают иностранцы, овладевающие русским языком на уровнях А1–С2; опишем теоретические и учебные возможности текстового материала обучающего корпуса русской разговорной речи, составленного на материалах неподготовленной речи иностранцев, изучающих русский язык в условиях русско-белорусского двуязычия; затронем вопросы стратегических моделей обучения, которые обеспечивают эффективность обучения синтаксической правильности русской речи.

Синтаксическая правильность речи формируется с учетом собственно языковых регуляторов, навыков употребления языка в ситуациях общения, взаимозависимости языка и культурных традиций, влияния синтаксического строя родного языка учащегося и языка среды обучения.

Очевидно, что на уровнях А1–А2 продуманная система предоставления материала и осознание необходимости формирования русскоязычных навыков позволяют учащимся-иностранцам избегать ряда ошибок. Однако самыми распространенными остаются ошибки, связанные с интерференцией. В связи

с этим представляется интересной работа А. Мустайоки «Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам» [2], в которой семантические структуры и их возможные выражения на поверхностном уровне языка являются теми маркерами дифференциации смыслов, которые передаются с помощью разных форм и синтаксических конструкций. Благодаря такому подходу большая часть ошибок, связанных с интерференцией под влиянием родного языка учащегося, может быть предотвращена.

Перечислим основные ошибки, которые допускают иностранцы, при построении простого предложения (связаны они в основном с порядком слов и его актуальным членением).

- Неумение строить предложения с подлежащим в конце синтаксической конструкции:

- *Кто пришел из магазина?*

- *Мой папа пришел из магазина.*

Правильно: *Из магазина пришел мой папа.*

- Расположение сказуемого в конце предложения: *Девушка в коридоре с преподавателем разговаривала.*

- Расположение обстоятельства времени и места непосредственно перед сказуемым, а не в абсолютном начале предложения: *Студенты после занятий пойдут в кафе «Эсперанто».* Правильно: *После занятий студенты пойдут в кафе «Эсперанто».*

- Расположение обстоятельства образа действия не в непосредственной постпозиции по отношению к глаголу: *Студенты ездят на автобусе в университет.* Правильно: *Студенты ездят в университет на автобусе.*

- Нарушение порядка следования относительного и качественного прилагательных: *Минск – белорусский большой город.*

- Неправильная последовательность размещения частей несогласованного определения: *Это друга пальто.* Правильно: *Это пальто друга.*

- Употребление приложения перед определяемым именем: *Петров студент не явился на экзамен.* Правильно: *Студент Петров не явился на экзамен.*

Синтаксическая правильность речи зависит от усвоения иностранцами системы взаимосвязанных отношений всех уровней языковой системы: лексического значения лексико-семантической группы глагола с его морфемным составом и словообразовательным значением на уровнях словосочетания, простого и сложного предложения.

Изучение материала на продвинутом уровне обучения необходимо проводить в ситуациях общения при условии двойственного выбора синтаксических конструкций и синкретичных функционально-семантических разновидностей. Так, на уровнях В1–В2, С1–С2, при условии усвоения знаний предыдущих уровней, учащийся способен по контексту догадаться о сути многих грамматических явлений и интуитивно использовать языковые средства в определенных ситуациях общения. Целесообразно вводить тесты множественного выбора, при составлении которых учитываются вариантно-смысловые отношения между ситуациями действительности и стилистической дифференциацией.

Анализировать ошибки, которые иностранцы допускают в неподготовленной речи, можно по материалам учебных корпусов русского языка, содержащих тексты иностранцев, изучающих русский язык. Нами разрабатывается аннотированный обучающий корпус русской разговорной речи, который включает диалогические высказывания, составленные белорусскими студентами, на актуальные коммуникативные темы в условиях непринужденного общения. В эксперименте участвовали 80 носителей языка, каждый из которых должен был написать минимум 5 вопросов на заданные темы. В результате решения первой задачи было составлено 2 800 мини-диалогов. Тексты в этом корпусе отражают эффекты интерференции русского и родного языков учащегося. Приведем примеры ответов на вопросы иностранцев, изучающих русский язык в Беларуси.

(1) – *Как ты думаешь, для чего нужно изучать религии других стран и народов?*

– *Я никогда не думала, но я думаю – это скучно. Конечно, нужно изучать, потому что мы сделаем плохо для белорусского человека.*

– *Какая экономическая ситуация в Китае?*

– *Я думаю, экономическая ситуация в Китае развивается сейчас очень быстро, но у нас тоже есть проблема, например, сейчас воздух у нас очень нечистый.*

– *Какой религии ты придерживаешься?*

– *Православной я придерживаюсь религии.*

– *Какая религия преобладает в нашем государстве?*

– *Католическая и православная религии преобладают.*

(2) – *Как Вы думаете, как влияет безработица на общество?*

– *Думаю, что главная причина безработицы – это большой рост населения и нехватка рабочих мест на всех. Влияет она отрицательно на общество, разрушает экономику государства.*

Содержание обучения синтаксической правильности русской речи иностранцев, изучающих русский в Республике Беларусь, должно быть структурировано и отобрано с учетом условий близкородственного билингвизма на территории Беларуси, а также культурологических знаний. Пример ответа китайки, обучающейся в МГЛУ.

(1) – *Каких русских и белорусских писателей ты знаешь?*

– *Мне очень нравятся русские писатели и белорусская литература.*

Например, Достоевский, Толстой, Булгаков, Солженицын.

(2) – *А какие религии есть в Беларуси?*

– *[У] Беларуси есть христианство. Оно делится на православие и католичество.*

Эффективность обучения синтаксической правильности речи обеспечивают также стратегические модели обучения. О роли стратегий обучения писали исследователи в области прикладной лингвистики (Г. Браун, Н. Прабху, Б. Кумаравадивелу). Из перечисленных Б. Кумаравадивелу макростратегий для реализации цели формирования синтаксической правильности разговорной речи можно комплексно представить следующие: интерактивное общение

в заданной ситуации, моделирующей реальные условия; учебное взаимодействие; осознанное достижение учебных целей и способов преподавателями и учащимися; сопоставление изучаемого и родного языков; подача учебного материала в контексте; интеграция всех видов речевой деятельности; формирование культурологических знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каминская, И. С. Система работы над синтаксическими нормами русского языка: на примере обучения нормам управления / И. С. Каминская // Русский язык и литература. – 2015. – № 1. – С. 59–64.
2. Мустайоки, А. Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам / А. Мустайоки. – М. : Языки слав. культуры, 2010. – 512 с.

Н. Н. Федорович (Минск, Беларусь)

ИЗУЧЕНИЕ ПРЕДЛОГОВ ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ НА ПЕРВОМ КУРСЕ

Опыт работы со студентами-первокурсниками показывает, что употребление предлогов вызывает у них значительные трудности. Учитывая сокращенный объем учебной информации на начальных этапах обучения, этим вопросам уделяется ограниченное внимание. Это, естественно, не позволяет студентам представить более широко весь спектр предлогов русского языка и их значений.

Обычно студенты знакомятся с предлогами во время изучения падежей. Но при этом им сложно сформировать представление о классификации русских предлогов. В учебной литературе не обсуждается и не демонстрируется многозначность предлогов. Так, например, по мнению многих студентов, участвовавших в опросе в процессе исследования их знания предлогов русского языка, предлог *в* может означать только место или направление, часть из них могут сказать, что предлог *в* употребляется для выражения времени. Но немногие из них четко представляют, когда для обозначения времени этот предлог употребляется с формами предложного или винительного падежа. Что уж говорить о значениях этого предлога, встречающихся значительно реже.

Чаще всего студенты усваивают предлог *в* словосочетании и плохо представляют его значение в изолированном виде. Именно поэтому у них вызывает трудности следующие задания.

1. Ответьте на вопрос, употребив данный предлог.

Когда? – В... Когда? – По... Когда? – К... Когда? – Через...

Дополните словосочетание с предлогом.

Приехать в ...

Возможные варианты: *в театр, в январе, в прошлом году, в среду, в пальто.*

2. Вставьте нужный предлог.

Приехать ... утру, работать ... ночам, ходить ... костюме.

Кроме всего прочего, возникающие трудности могут быть вызваны интерференцией родного языка. В одной и той же ситуации в одном языке предлог может присутствовать, а в другом отсутствовать. Во многих языках, например, слово, обозначающее инструмент или орудие, употребляется с предлогом *с*, тогда как в русском языке в этом случае предлог отсутствует. Существует достаточно примеров и других расхождений.

Невозможно представить себе успешное овладение русским языком без формирования полного представления о классификации предлога, его значений. Имея в русском языке большое значение, предлоги относятся к одному из наиболее часто употребляемых лексических средств. Они соединяют слова, организуют текст, делают его связным. По мнению В. В. Виноградова, в семантической системе предлогов открывается сложная область отвлеченных отношений, выражающих общественное понимание разнообразных связей между предметами, признаками, состояниями и действиями.

Таким образом, изучение русского предлога является очень важной целью в процессе оптимизации усвоения русского языка. Для ее реализации в работе с иностранными студентами был изменен подход к данному вопросу. Предлоги не представляются в словосочетаниях во время изучения отдельно взятого падежа. Падежные формы объединяются в семантические блоки, блоки падежных форм, обозначающих время, направление, место, происхождение, объектные и атрибутивные значения и т.д. Таким образом, студенты могут сформировать четкое представление о классификации русских предлогов, исходя из семантики словосочетаний с ними.

На практике это выглядит следующим образом. Во время систематизации знаний о падежах студентам предлагается набор падежных форм, относящихся к разным падежам и выражающих определенное значение, а не отдельно взятые падежи с множеством значений падежных форм данного падежа.

Изучая способы выражения времени, студенты знакомятся с так называемым блоком падежных форм «Когда?». В него входят:

- родительный падеж с предлогами *с, до, за до, через после, в начале, в середине, в конце, после, в ходе, в течение, во время, на протяжении* и т.д.;
- дательный падеж с предлогами *к, по*;
- винительный падеж с предлогами *за, в, на, через, под, по*;
- творительный падеж с предлогами *перед, между, за*, а также формы слов без предлога;
- предложный падеж с предлогами *в, на, при*.

Изучая способы выражения места, студенты знакомятся с блоком падежных форм «Где?». В него входят:

- родительный падеж с предлогами *около, возле, у, недалеко от, справа от, слева от, напротив, позади, недалеко от* и т.д.;
- дательный падеж с предлогом *по*;
- творительный падеж с предлогами *над, под, перед, за, между, рядом с*;
- предложный падеж с предлогами *в, на*.

Таким же образом представлены блоки «Откуда?», «Куда?», «Какой?», «Как?» В результате такой подачи учебного материала у студентов формируется четкое представление о семантической классификации русских предлогов. И хотя она может не совпадать с другими вариантами классификаций предлогов, это не мешает их правильному употреблению. В данной ситуации прагматика предпочтительнее теории.

На этом этапе внимание студентов обращается на то, что

- один и тот же предлог в одном семантическом блоке может употребляться с формами разных падежей (*в субботу, в январе; на прошлой неделе, на неделю, за завтраком, за минуту, по утрам, по приезде* и т.д.);
- один и тот же предлог может быть представлен в разных блоках с разными значениями (*под вечер, под столом, под соусом, под гитару, по утрам, по парку, по интернету, по истории, по привычке, за неделю, за границу, за столом* и т.д.).

Изучение предлогов не ограничивается рамками падежной системы русского языка. К этой теме студенты возвращаются и при изучении глаголов движения. Внимание студентов обращается на взаимосвязь глагольных префиксов и употребляемых с этими глаголами предлогов:

префикс *вы-* + предлог *из* со значением изъятия, извлечения (*выйти из ...; выписать из ...; выбрать из ...; вынуть из ...* и т.д.);

префикс *под-* + предлог *к* со значением приближения (*подойти к ...; поднести к ...; подъехать к ...; подплыть к ...*);

префикс *до-* + предлог *до* со значением достижения пункта (*добраться до...; достать до...; дойти до ...; дотянуться до...; досидеть до ...; допить до ...*);

префикс *от-* + предлог *от* со значением удаления на небольшое расстояние (*отлететь от ...; отстать от...; отнести от ...*).

Тема изучения предлогов остается актуальной и при изучении синтаксиса. Здесь студенты знакомятся с предлогами, употребляемыми для выражения уступительных отношений (*вопреки, при всем (всей, всех), несмотря на, независимо от*), причины (*из-за, по причине, по случаю, в связи с*) и других значений.

Для закрепления полученных знаний и формирования навыков правильного употребления предлогов студентам предлагается целый ряд тренировочных упражнений.

1. Откройте скобки.

Он приехал за (минута) до (отправление) поезда. Позвони после (работа).

2. Вставьте нужный предлог.

Он ходит в бассейн ... субботам и воскресеньям. Он живет под... Минском.

3. Употребите нужный глагол.

Я ... к окну. Мы ... от края платформы. Он ... к Рождеству. Она ... в январе.

4. Ответьте на вопросы, употребляя указанное в скобках слово.

Какой зачет? (фонетика). Какой костюм? (свадьба) Какой дом? (дерево).

Откуда вышли гости? (стол) Когда он приехал? (работа).

5. Дополните предложения.

Она живет за Я сел за ... и начал обедать. Поставь сумку под Его дядя живет под Она вернулась только под Несмотря на ... , мы пошли гулять. Она уехала вопреки

6. Поставьте вопросы к выделенным словам.

Он живет под Москвой. Мы вернулись под утро. Она тренируется под контролем инструктора. Он поет под гитару. Поставь сумку под стол. Я не люблю яйцо под майонезом.

Эти виды упражнений позволяют успешно овладеть навыками употребления русского предлога в рамках учебной программы первого курса и подготовить студентов-первокурсников для усвоения более широкого спектра значений предложной системы русского языка на старших курсах.

Л. В. Баландина, А. В. Верниковская (Минск, Беларусь)

ПУТИ АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Высокий уровень познавательной активности учащихся обеспечивает живое восприятие ими материала, его прочное запоминание и усвоение.

Пути повышения познавательной активности в процессе обучения русскому языку иностранных студентов мы видим

- в рациональном использовании содержания изучаемого материала;
- в применении активных методов и приемов обучения;
- в привлечении разнообразных средств обучения и форм работы.

Работа преподавателей РКИ в перечисленных направлениях имеет своей целью формирование у студентов интереса, мотивации при изучении языка.

Поиски способов повышения познавательной активности приводят преподавателей прежде всего к внедрению эффективных методов и средств обучения, новых форм организации учебной деятельности учащихся. Это компьютерные технологии, мультимедиа, проблемные методы, дидактические игры, включающие студентов в процесс взаимодействия на изучаемом языке, обеспечивающие активное участие каждого из них в постановке и решении учебных задач.

Дифференцированный, многоуровневый подход в преподавании языка, при его правильной реализации, также стимулирует познавательную деятельность, поскольку каждому студенту предлагается посильный для него материал и вместе с тем создается стимул для выполнения заданий более высокого уровня сложности.

Однако, по нашему мнению, не следует ограничиваться поисками только новых или обновленных форм работы, необходимо прежде всего рационально использовать резервы, заложенные в содержании самого учебного материала каждой языковой дисциплины. Затронем некоторые аспекты методики РКИ на 2 курсе переводческого факультета МГЛУ на примере преподавания следующих предметов: «Практическая грамматика», «Практическая фонетика», «Практика устной и письменной речи» (ПУПР).

Остановимся на таком аспекте, как рациональное использование ресурсов, заложенных в содержании обучения. В качестве одного из таких ресурсов можно рассматривать практическую реализацию межпредметных и внутрипредметных связей. Так, главной целью занятий по фонетике является прежде всего формирование навыков правильного и выразительного чтения и говорения на русском языке, овладение интонационными конструкциями (ИК), выбор которых зависит от понимания тончайших смысловых оттенков высказывания, определяемых ситуацией общения, целевой установкой участников коммуникации. Работу над ИК не следует сводить к упражнениям механического характера по чтению, воспроизведению соответствующих моделей. Необходимо заботиться о содержательной стороне дидактического материала, который должен быть информационно насыщенным, значимым для студентов, вызывать интерес, обогащать их знаниями об окружающем мире, истории, о культуре, литературе страны изучаемого языка. На наш взгляд, оптимальным является такой материал, который позволяет проводить не только тренировку фонетико-орфоэпического плана, но и многоаспектную работу над различными сторонами языка (лексикой, морфологией, синтаксисом). В то же время на занятиях по грамматике следует также осуществлять работу над произношением, интонацией, техникой чтения.

Изучение грамматики необходимо сочетать с лексико-словообразовательной работой, которая предоставляет большие возможности для формирования у студентов познавательного интереса, обогащения словарного запаса и развития речи в целом. Объясняя значение нового слова, преподаватель часто прибегает к толкованию с помощью однокоренных слов (*притаился – тайна, неприхотливый – хотеть, напролом – ломать, пернатые – перо* и др.), а в ряде случаев – к этимологическим экскурсам, пробуждающим у студентов интерес к изучению языка, расширяющим представление о культурных традициях народа, его истории.

В процессе лексико-словообразовательной работы у студентов формируется языковое чутье, необходимое для успешного овладения языком и речью.

На занятиях по ПУПР само содержание текстов призвано обеспечивать формирование устойчивого интереса к предмету. Поэтому отобранные для чтения и анализа тексты должны быть качественными с точки зрения идейного содержания, художественных особенностей, при этом актуальны, интересны для современных студентов, давать пищу для размышления, обсуждения проблем, дискуссий. Тематика текстов располагает к беседам об историческом прошлом русского и белорусского народа, в том числе о Великой Отечественной войне, о жизни и деятельности выдающихся личностей, о нравственных ценностях, о культурных традициях восточных славян и др. Иногда даже одно предложение, служащее дидактическим материалом на занятиях по грамматике, может явиться поводом для небольшой беседы, обогащающей иностранных учащихся новыми знаниями культурологического характера. Например, в процессе работы над именем числительным

встречается предложение, где упоминается война 1812 года, о которой, как показала практика, иностранным студентам ничего не известно. Краткий рассказ об Отечественной войне 1812 года, о декабристах, о романе Л. Н. Толстого вызывает живой интерес у студентов, мотивирует высказывания о проблемах войны и мира, столь актуальных в наши дни. Заметим, что изучение имени числительного располагает большими возможностями для знакомства студентов с интересной информацией, связанной с памятными датами, удивительными фактами.

Разумеется, на материале текстов проводится работа не только по анализу их содержания, но и над толкованием слов, усвоением синтаксических конструкций, грамматических категорий и др.

Следует отметить неопределимую роль юмора как одного из способов создания мотивации в обучении языку. Весьма привлекательны для студентов тексты юмористического характера, в том числе небольшие диалоги, анекдоты. Нередко юмористический эффект достигается за счет игры слов, «сталкивания» прямого и переносного значений слова. Понимание такого юмора предполагает достаточно высокий уровень лингвистической подготовки иностранных студентов, развитое языковое чутье.

Обучение русскому языку как иностранному должно иметь ярко выраженную практическую, коммуникативную направленность, что предусматривает изучение материала в функциональном аспекте, осознание студентами роли изучаемых языковых единиц в речи и выход в речевую практику.

Проблемные ситуации и проблемные вопросы обладают огромной методической ценностью, стимулируя учащихся не только решать, но и самостоятельно ставить перед собой учебную задачу. Начиная изучение новой темы, преподаватель не всегда должен сразу знакомить студентов с ее формулировкой. Следует путем работы над материалом подвести их к самостоятельному формулированию темы, которую предстоит изучить. Перед чтением нового текста весьма эффективно использование приема антиципации, когда по заголовку студенты пытаются «предугадать» содержание литературного произведения или статьи.

Коммуникативная направленность в обучении находит выражение в активном использовании изучаемых явлений в речевой практике. При ознакомлении учащихся со словообразовательными понятиями следует раскрывать функцию, назначение морфем (корня, приставки, суффикса, окончания) в слове, предложении, тексте. Это назначение подчеркивается не только в дефинициях, но иллюстрируется на практике. Например, сравниваем слова с суффиксом и без него для выяснения того, какое значение вносит эта морфема в лексическое значение слова; намеренно изменяя окончания в словах, показываем, что это приводит к нарушению связи между словами, а значит, смысла предложения. Роль морфем нужно показывать и на уровне текста. Так, суффиксы субъективной оценки помогают не только указать на величину предмета, но и выразить свои чувства (нежность, ласку или, наоборот, страх, удивление). При работе над произведением А. П. Чехова

«Душечка» обращаем внимание студентов на роль суффиксов с уменьшительно-ласкательным значением для раскрытия образа главной героини (такие слова они самостоятельно отыскивают в тексте).

Изучение морфологии также имеет функциональную направленность: особое внимание уделяется осмыслению внутриспадежных значений имени существительного, роли прилагательных каждого из лексико-грамматических разрядов в речи. В качестве одного из активных приемов обучения неродному языку используется составление высказываний, диалогов, включающих изучаемые грамматические конструкции, новую лексику, фразеологизмы и т.д. Так, например, после анализа суффиксов существительных со значением лица по месту жительства студенты строят небольшие диалоги типа «Вы приехали из Кореи (Мексики, Греции и т.д.)?» – Да, я кореец (корейка)». Таким образом, синтезируя суффиксальные имена существительные данной тематической группы, иностранные студенты включают их в речь, при этом отрабатывают соответствующую интонационную конструкцию.

Дидактическая игра и занимательность является одним из самых действенных стимулов появления интереса в процессе обучения. Можно использовать ролевую игру «в преподавателя», который находит и исправляет намеренно допущенные ошибки в употреблении форм слова, морфем, разборе слов по составу и т.д. Продуктивны также разнообразные игры со словами. Это построение слов из набора корней, приставок и суффиксов, исключение «лишних» (неправильно образованных) слов, соединение слов с объяснениями их лексического значения, исправление ошибок в толковании значений (например, *усидчивый – это тот, кто сидит и не уступает место в транспорте; уступчивый – тот, кто, наоборот, уступает другим место*), нахождение и исправление ошибок в нарушении сочетаемости морфем в слове и однокоренных слов (*сытный кот, сытый обед*) и др. Прием корректировки эффективен только для студентов с достаточно высоким уровнем языковой подготовки. Он применим и при проверке знаний. Например, высказывается заведомо ложное утверждение типа «Окончание служит для образования новых слов», а студенты должны его оценить и исправить.

Одним из видов деловой игры является презентация, которая способствует формированию убеждающей коммуникации. Она требует значительной предварительной работы и может быть подготовлена на материале литературного произведения, газетных публикаций, кинофильма.

Наглядные методы, предусматривающие прежде всего применение зрительной наглядности, также являются эффективным средством активизации познавательной деятельности учащихся. Это предметные рисунки, иллюстрирующие значение слов, схемы-модели, в том числе динамические. Нередко преподавателю приходится прибегать к рисованию предметов на доске, к показу натуральных предметов и действий (подпрыгнуть, кружиться, тащить, толкать, приоткрыть), к имитации звуков. В наглядном показе нуждаются

слова – названия жестов и мимики: кивать головой, пожимать плечами, хмуриться, усмехаться и др. Нельзя забывать и о роли языковой наглядности, например, текстах, предельно насыщенных изучаемыми языковыми единицами (родственными словами или словами, относящимися к одной словообразовательной модели, прилагательными, местоимениями, числительными и т.д.).

При работе над произведениями русской классической литературы следует раскрывать исторический и культурный фон, знакомить с укладом жизни прежнего времени, чему способствует зрительная и звуковая наглядность: музыка, картины, кинофильмы («Судьба человека», «Уроки французского», «Барышня-крестьянка», «Душечка» и др.). Рассматривая вместе со студентами альбомы по изобразительному искусству, в том числе «Портрет в русской живописи», преподаватель показывает, как могли выглядеть герои произведений А. С. Пушкина, А. П. Чехова. При работе над текстом о жизни и творчестве великого белорусского поэта М. Богдановича нами практиковалось прослушивание записи песен «Александрына», «Вераніка», «Зорка Венера» на его стихи, прогулка к памятнику поэту.

Важную роль в языковой подготовке студентов играют компьютерные технологии. Могут и должны быть созданы специальные программы, предусматривающие разнообразные аспекты самостоятельной работы как тренировочного, так и контрольного характера.

Формы организации работы, безусловно, вносят большой вклад в активизацию познавательной деятельности студентов. Коллективная, групповая работа в командах, в парах, взаимная проверка выполненного задания, выбор заданий по интересам, использование компьютера – это далеко не полный перечень возможных форм работы, призванных активизировать деятельность при изучении русского языка иностранными студентами. Средства обучения также играют большую роль в оптимизации процесса овладения русским языком. Кроме традиционных учебных книг и электронных носителей, весьма эффективным средством обучения представляются тетради на печатной основе, которые могли бы способствовать успешному формированию у студентов умений и навыков, а также служить средством оперативного поэтапного контроля (в первую очередь на занятиях по грамматике).

Таким образом, для повышения уровня познавательной активности студентов, привития интереса к изучению русского языка надо эффективно использовать все имеющиеся ресурсы: содержание, методы, средства и формы обучения русскому языку.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

Круглый стол

ЯЗЫКОВАЯ НЕПРЕРЫВНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Королёва И. А.</i> Идея языковой непрерывности в работах С. М. Прохоровой ..	4
<i>Горлатов А. М.</i> Коммуникативные неудачи при переводе	7
<i>Романовская А. А.</i> Универсальное языковое средство выражения смыслов культуры	8
<i>Рычкова Л. В.</i> Тематически размеченный корпус на материале региональных СМИ Беларуси как ресурс, отражающий доминантные концепты в пространстве текста	13
<i>Ваулина С. С., Коковина Л. В.</i> Средства выражения авторской модальности в повести Н. В. Гоголя «Шинель» и ее англоязычном переводе (к проблеме адекватности художественного перевода)	18
<i>Гурская Ю. А.</i> К вопросу о переходном характере белорусской антропонимической системы	23
<i>Десюкевич О. И.</i> Образ <i>homo laborans</i> в белорусских диалектах	28
<i>Полетаева О. А., Томотака М.</i> Безэквивалентная лексика в русскоязычных текстах о Японии	31

Секция I

ЯЗЫКОВАЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА

<i>Корнеева А. Ю.</i> Олигарх: слово и концепт	36
<i>Арпентьева М. Р.</i> Метафоры трансформирующегося мира	39
<i>Акуленко Е. А., Леонтьева В. В.</i> Географические номинации перифрастической природы как знаки времени	44
<i>Кузенная Т. Ф.</i> Репрезентация лингвокультурной аксиологической категории «любовь» в разножанровых памятниках письменности конца XIV – середины XVII в.	48
<i>Собко Т. Ю.</i> Национально-культурные особенности выражения побуждения в дискурсе социальной рекламы (на материале русского и немецкого языков)	53
<i>Жизневская О. Н.</i> Явления смыслового сближения номинаций отца, матери и ребенка в СМИ Беларуси	57
<i>Балуш Т. У.</i> Фрагмент канцэптуальнай карціны свету Ларысы Геніюш	61

<i>Гвоздович Г. А.</i> Лексика катрушницкаго лемезеня	64
<i>Любецкая К. П.</i> Беларускае дыялектнае тэрміназнаўства	68
<i>Болеста-Врона Б.</i> Прагматоним и жизненный цикл товара.....	71
<i>Пацюпа Ю. В.</i> Трыяды ў мове і культуры: пра ўніверсаліі дыхання, вершавання і мыслення	75
<i>Подберезская Ю. А.</i> Варьирование цветовой семантики микрообраза в процессе перевода произведений О. Ипатовой на русский язык	81
<i>Захарова А. А.</i> Дидактический потенциал изучения функционирования прецедентных имен в белорусских средствах массовой информации.....	86
<i>Захарова О. А.</i> Выявление национально-культурного компонента в синонимических рядах колоронимов (на материале русского и английского языков)	88

Секция II

НАИВНАЯ КАРТИНА МИРА, ОТРАЖЕННАЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ

<i>Головня А. И.</i> Особенности функционирования концепта «здоровье» в русской наивной картине мира.....	91
<i>Чернышова Л. В.</i> Зооглаголы в русской динамической картине мира	95
<i>Полонникова Е. Г.</i> Национально-культурный компонент в номинации деревьев в славянской языковой картине мира.....	100
<i>Гуня Д. Л.</i> Социокультурное семантическое своеобразие табуированной лексики китайского языка	103
<i>Иватович-Бабич В. Т., У Айхуа</i> «Магия цвета» в наивной картине мира (на материале русской и китайской фразеологии)	106
<i>Булатая Е. В.</i> Фразеологические единицы языка как средство выражения иронии в произведениях Н. В. Гоголя	109
<i>Урбанович И. Г.</i> О некоторых способах окказионального моделирования фразеологизмов в художественном пространстве Ф. Искандера.....	113
<i>Хонарджу А.</i> Национально-культурная специфика невербальных сигналов в языке современной международной дипломатии: рукопожатие	116

Секция III

ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Самойлова И. Ю.</i> Образовательные технологии в учебниках по изучению РКИ: из опыта работы над пособием.....	120
---	-----

<i>Ковалёва Т. Г.</i> Межкультурные аспекты профессионально ориентированного обучения иностранному языку	123
<i>Гринцевич Т. И.</i> Развитие умений межкультурной коммуникации у иностранных учащихся	126
<i>Дементьева Т. Г.</i> Обучение взрослых иностранному языку в аспекте межкультурной коммуникации	131
<i>Кишкевич Е. В.</i> Полиформатные уроки «Жизнь замечательных людей земли белорусской» в Летней школе русского языка	134
<i>Занкович Е. П.</i> Владение культурными концептами – одно из условий изучения иностранного языка	138
<i>Каминская И. С.</i> Тема «Роль женщины в современном мире» на занятиях по РКИ в аспекте межкультурной коммуникации	139
<i>Осмоловская И. Г.</i> Использование немецких песен на занятиях по немецкому языку во взрослой аудитории (из опыта работы).....	142
<i>Родина М. Ю.</i> Обучение иностранных студентов-филологов коммуникативному поведению при чтении современных рассказов на русском языке	146
<i>Куклицкая А. М.</i> Организация самостоятельной работы студентов с использованием ресурсов Национального корпуса русского языка	150
<i>Верниковская А. В., Грабчикова Е. С.</i> Использование элементов этимологического анализа в процессе формирования коммуникативно-речевой компетенции при обучении иностранных студентов русскому языку	153
<i>Ковалёнок С. В.</i> Обучение синтаксической правильности русской речи иностранцев	158
<i>Федорович Н. Н.</i> Изучение предлогов иностранными студентами на первом курсе	161
<i>Баландина Л. В., Верниковская А. В.</i> Пути активизации познавательной деятельности иностранных студентов на занятиях по русскому языку.....	164

Научное издание

ЯЗЫК И ДИНАМИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

Материалы
Международной научной конференции
Минск, 7–8 апреля 2017 г.

Ответственный за выпуск *О. А. Полетаева*

Редакторы: *Е. М. Бобровская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*
Компьютерная верстка *Т. С. Квасовой*

Подписано в печать 15.11.2018. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография, цифровая печать. Усл. печ. л. 9,99. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 100 экз. Заказ 50.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.